

Иеромонах Марк (Лозинский)

**Духовная жизнь мирянина и монаха
по творениям и письмам епископа
Игнатия Брянчанинова**

Часть первая

**I. Епископ Игнатий о состоянии христианства
в его время**

Епископ Игнатий был невысокого мнения о христианстве своего времени.

Он считал, что христианское общество должно быть соединено в одно духовное тело, иметь один образ мыслей, один дух, одну общую Главу — Христа Спасителя.

Идеалом христианского общества во все века будет первохристианская иерусалимская община, у которой все было едино (Деян. 2. 44). Когда в обществе усиливается грех, то исчезает это дивное единство и вместо него появляются чуждые христианскому духу раздробленность, разномыслие и неприязнь.

Епископ Игнатий всей душой любил свою Родину, свой народ и от всей души желал ему всестороннего процветания. Но когда вопрос касался религиозно-нравственного состояния всего русского общества, то здесь Владыка с болью в сердце всегда признавал, что общество его времени

далеко отступило от первохристианских идеалов. Своим духовным взором Святитель видел то, что обычному человеку было неприметно — грех во всем его ужасающем многообразии глубоко проник во все слои общества того времени. Греховная порча проникла всюду: от крестьянской избы до царского дворца.

В великосветском обществе ревнитель благочестия видел лицемерие, постоянные интриги, карьеризм и полное безразличие к религии. Среди интеллигенции процветали нигилизм, скептицизм и наряду с ними грубые суеверия. В простом народе Святитель видел крайний недостаток в духовных познаниях, приверженность к форме, суеверия, ослабление вековых христианских устоев, страсть к винопитию, упадок нравственности, следствием чего всегда бывает отступление от веры.

Высшая иерархия, по весьма осторожному, но меткому замечанию епископа Игнатия, была слаба духом и в духовной жизни имела темные, сбивчивые понятия по букве, которые всегда убивают духовную жизнь. Низшее духовенство было малообразованно и не отличалось ревностью в назидании пасомых. Страсть же к деньгам, по словам Епископа Игнатия, «прокралась во все сословия и саны» и заглушила все благие побуждения и священные обязанности.

В 1847 году архимандрит Игнатий, направляясь в Байкальский край, посетил многие города, села и монастыри. Результат своих наблюдений за духовной жизнью народа он изложил в одном из писем. «Во время странствования моего я имел возможность довольно подробно взглянуть на землю Израильтянину — на Церковь. Что сказать о ней? О ней надо сказать слова пророка... «Бысть пуста весьма» (Иез. 38, 8)»¹, — писал о. Игнатий. Не в том смысле были сказаны эти слова, что не встретил архимандрит Игнатий благочестивых людей. Нет, он сам говорил, что в это путешествие «видел людей набожных посреди мира и в монастырях», но эти люди встречались крайне редко. Всюду, и даже среди лучших христиан, он встречал оскудение истинного духовного знания и недостаток правильного духовного руководства.

Беседуя со многими пастырями, истинный ревнитель чистоты православия убедился, что многие из них имеют

¹ Прилож. Т. 3. С. 89. № 300.

понятия о христианстве «сбивчивые и темные». «Видим в настоящее время многих, считающих себя христианами и даже учителями Христовой Церкви, — писал он, — из них иной не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, — другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, не верит существованию демонов; опять иной думает, не умея различать дел веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела...»¹.

Очень редко пастыри возвещали пасомым истинное Слово Божие и не поучали их регулярно истинам веры и благочестия. От этого все с большей силой в народе нарастал глад слышания Слова Божия. Епископ Игнатий как никто другой сознавал, сколь велико это бедствие. «Глад слышания Слова Божия, — писал он, — вот бедствие, несравненно тягчайшее бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан»². Почти полное отсутствие духовных пастырей, оскудение проповеди Слова Божия, уменьшение количества приходских священников, повсеместное охлаждение в вере привело к тому, что многие христиане перестали сознавать себя членами единого мистического тела Христова — Святой Церкви, утратилось знание Истины и люди стали чуждыми друг другу. «Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, — пишет Владыка, — свою религию, свой путь, принятый произвольно и случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат — так отяжелел их слух — спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви, ...оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. Прильпе земли душа их, неспособна к восприятию впечатлений духовных»³.

Духовные бедствия христиан, по словам епископа Игната, усугубились еще и обилием лжеучителей и книг, содержащих душепагубные учения. Сравнивая свое время с временем свв. Апостолов, епископ Игнатий говорил, что и в те времена было много лжеучителей, но «в наше время

¹ Прилож. Т. 3. С. 243. № 368. ² Там же. ³ Там же. С. 149—150. № 327.

число лжеучителей бесконечно расплодилось, расплодились зараженные лжеучением и сообщающие лжеучение; страшно расплодились книги, содержащие и сообщающие лжеучение¹. Проповедь лжеучителей имела немалый успех — многие члены Церкви совращались в раскол и различные секты.

Вида всеобщее ослабление в вере, Владыка, как истинный сын Церкви Христовой, весьма скорбел, но он понимал — рукой невозможно остановить течение реки. Зная из Священного Писания, что наступят времена всеобщего отступления от веры, он не предвидел восстановления Церкви в ее древней красоте и предполагал, что всему церковному зданию предстоит еще «поколебаться страшно и быстро»².

Сознавая истинное положение христианства, Преосвященный Игнатий не приходил в уныние. Его твердая вера говорила ему: необходимо предаваться воле Божией и в самих попущениях Божиих, и даже благоговеть пред ними. Он неоднократно говорил о том, что нужно видеть и понимать истинное положение вещей, но не осуждать тех, кто сбился с истинного пути, и с большим вниманием заботиться о своем спасении. «Очевидно, — писал он, — что христианство — этот таинственный духовный дар человекам — удаляется неприметным образом для не внимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегшим этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутыми актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтобы не подвергнуться пороку осуждения близких, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении»³.

Как ни трудны были времена епископа Игнатия для христианства, но он сознавал и неоднократно писал о том, что как в его время, так и во все времена Господь дарует возможность спасения тем, кто всей душой ищет спасения. Он видел вокруг себя многих избранныков, которые слышали глас истинного Пастыря — Христа Спасителя и шли на Его голос. Правда, им приходилось, по словам Святителя, пробиваться «с величайшим усилием и трудом сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую»⁴. В сравне-

¹ Прилож. Т. 4. С. 75. № 538. || ² Там же. С. 288. № 716. || ³ Там же. Т. 4. С. 261. № 688. || ⁴ Прилож. Т. 3. С. 150. № 327.

нии с людьми, избравшими широкий, но пагубный путь жизни, число идущих по узкому трудному пути, ведущему в жизнь вечную, было невелико, «но, — пишет епископ Игнатьй, — Господь ободряет их: «Не бойся, — говорит Он (Господь), — малое стадо, яко благоволи Отец ваш дати вам Царство» (Лк. 12. 32)»¹.

В своем взгляде на положение Церкви епископ Игнатьй не был одинок. Лучшие представители духовного мира того времени также видели тяжкие недуги, которым было подвержено христианское общество. Подвижник Никифоровской пустыни старец Исаия в откровенной беседе однажды сказал архимандриту Игнatiю: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено, в частности, спасаться людям, желающим спастись»².

Сознавая внешние и внутренние трудности своего времени, епископ Игнатьй из опыта собственной жизни видел, что при почти полном отсутствии духовно-наставнических единственными руководителями в духовной жизни для христиан остаются на все времена творения святых Отцов.

Написанием, а затем изданием своих сочинений, преисполненных святоотеческим духом и имеющих практическую цель — помочь христианам на трудном пути духовного совершенствования, епископ Игнатьй показал свой оптимистический взгляд на будущие времена.

Несмотря на все трудности окружавшей его жизни, он видел перед собой многих истинных христиан; некоторых из них он сам воспитал и направил по истинному спасительному пути, и несомненно Святитель верил, что и в будущие времена найдутся люди, которым его творения послужат на пользу.

II. Взгляд епископа Игнатия на земную жизнь человека как на приготовление к жизни вечной

Епископ Игнатьй своим богопросвещенным духом в течение всей жизни реально ощущал суетность и краткость земной жизни.

¹ Прилож. Т. 3. С. 150. № 327. || ² Прилож. Т. 4. С. 273. № 702.

Человек создан Богом для вечности; это ощущение вечности осталось в душе каждого человека и после грехопадения прародителей. Но оно извращено грехом: человек, несмотря на то что почти ежедневно видит, как умирают окружающие его люди, обыкновенно считает себя вечным жителем на земле. Он как бы не осознает: бессмертна его душа, а не тело. И только люди, очищающие свою душу от греховной скверны и деятельно исполняющие в своей жизни евангельские заповеди, со временем умудряются смотреть на все с духовной точки зрения. Духовным разумом они постигают кратковременность своей жизни и истинное назначение человека на земле.

Сам епископ Игнатий весьма рано понял суэтность всего земного. В годы учения в Петербурге непрестанный молитвенный подвиг его и чтение творений святых Отцов открыли ему духовные очи, и он увидел, что «все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества — пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети... Не стбить видимый мир, чтобы служить ему и им заниматься! Чем он награждает слуг своих? Сперва игрушками, потом гробом, тлением, темною неизвестностью будущего...»¹. Когда юноша понял все это, он решил всю свою земную жизнь посвятить познанию и усвоению Христа, дарующего человеку вечное счастье.

Вся последующая подвижническая жизнь владыки Игнатия утвердила в мысли, что краткая земная жизнь дана человеку, чтобы приготовить себя к вечной небесной жизни. Человек должен жить на земле для неба. Особенно часто об этом Святитель писал в своих письмах.

Касаясь вопроса о земной жизни человека, Владыка часто прибегал к сравнениям из видимой природы. Земную жизнь епископ Игнатий любил сравнивать с морем². Ведь море изредка бывает спокойно и чисто, как зеркало, но часто оно встревожено бурею, покрыто мутными волнами и седою пеной, напоминая, что и в жизни человека тишина внезапно сменяется бурею. Опытный мореплаватель умеет в безбрежном море направлять свой корабль по звездам и

¹ Соч. Т. 1. С. 561, 562. || ² См., например: Житейское море // Соч. Т. 1. С. 362.

достигает пристани. Пловец житейского моря будет блажен, если устремит свой взор к небу и «по светилам небесным... направит путь свой, не унывая при бурях, не доверяя и тишине моря: оно так изменчиво»¹. Духовным небом для христианина, по словам Владыки, является учение Христово; взору, которого доступно это небо — вера. Писания святых Отцов на небе духовно сияют подобно звездам, и, руководствуясь ими, христианин достигает желанной пристани вечного блаженства.

Основными свойствами земной жизни, по мнению Пресвященного, являются краткость, постоянная изменчивость и суетность. На склоне лет Святитель писал своему другу схимонаху Михаилу: «Не начинаем жить, а оканчиваем земную жизнь. Довольно нагляделись на все земное: кажется, надо бы научиться и твердо знать, что все земное превратно, что всякая горесть и радость — земные минуты, яко сон обманчивый, проходят и не возвращаются»².

Однажды Владыка размышляя о краткости земной жизни человека, пришел к выводу, что не только прожитая, но и предстоящая жизнь уже прошла; сколько еще ни проживи на земле — ничего нового не увидишь. Те же добродетели и те же пороки будут являться в мире. «Точно так же добродетель будет тихо пробираться между людьми, неприметная, гонимая ими; точно так же порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их»³. Два года жизни и сто лет одинаково ничтожны в сравнении с вечностью. Если коротка прошедшая жизнь, коротка и будущая, то для чего же тогда жизнь? Поставив этот вопрос, сам Святитель отвечает на него, что земная жизнь — путь к вечности, которым надо воспользоваться, на котором не надо заглядывать в стороны. Этот путь надо совершать умом и сердцем — не числом дней и годов.

О суетности земной жизни инок-затворник писал в 1847 году из Николо-Бабаевского монастыря своей сестре, Елизавете Александровне: «Путь земной жизни скорбен; когда человек совершил значительную часть его и оглядывается назад, то как кажется суетным все приятное земное,

¹ Прилож. Т. 3. С. 3. № 270. || ² Прилож. Т. 4. С. 302. № 730. ||

³ Прилож. Т. 3. С. 123. № 320.

к которому он стремился с такою жадностью в юности своей! Не потеряем, по крайней мере, остальной жизни нашей принесением оной в жертву суете...»¹.

Земную жизнь Преосвященный Игнатий нередко сравнивал с длинным и дальним путем, а человека со странником, который шествует по этому пути. «Земная жизнь наша — путь, — писал он, — только измеряется путь этот не расстоянием, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день»².

Путник, идущий в далекий, но дорогой для него город, старается нигде не задерживаться на пути. Если необходимость заставляет его остановиться в гостинице, то ничто в ней не привлекает его внимания. Остановившись в ней на краткое время и уплатив гостиннику, что требовалось за ночлег, путник опять спешит к своей намеченной цели. Ни к чему на пути не прилепляется он душой, потому что знает: что любая привязанность может отвлечь от цели пути или, по крайней мере, задержит его и увеличит время его разлуки с родным городом.

Христианин подобен этому благоразумному путнику. Его земное шествие должно иметь одну цель — достижение вечного Небесного Града, и ничто земное не должно отвлекать его от этой цели. В Небесный Град ведет путь узкий и тесный. Много в жизни широких путей, и большинство людей идет ими, но они не приводят к небесным обителям. «Уклонитесь от пути широкого, — взывает ко всем христианам богомудрый Святитель, — по которому почти все шествуют! Изберите для себя путь узкий и прискорбный, ведущий в Царство Небесное! Возлюбите скорби, посылаемые вам Промыслом Божиим! Возлюбите теснину, по которым премудрый Промысл, спасающий вас... проложил стезю для земного вашего странствования!»³

Хочет или не хочет земной странник, а путь его жизни непрестанно сокращается, приближая его к вратам вечности — смерти. Человек, прилепившийся всей своей душой

¹ Прилож. Т. 4. С. 45. № 520. || ² Прилож. Т. 3. С. 166. № 336. ||

³ Там же. Т. 3. С. 116, 117. № 316.

к земле, не замечает своего приближения к гробу и обольщает себя долгой жизнью. Ему кажется, что он как бы остановился на своем жизненном пути. «Случается, — пишет епископ Игнатий, — человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам; ему кажется: шествие его к вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем — не останавливаемся ни на минуту»¹.

Подобно мореплавателю, путник, странствующий в продолжительной тьме ночной, может легко заблудиться; на пути у него могут встретиться многие неожиданности. У каждого земного странника неожиданностями, скорбями и искушениями исполнена вся жизнь. Чтобы жизненные трудности не отвратили шествие христианина к Горнему Граду, он должен иметь твердую веру в Бога, Который руководит каждым человеком, очищает, приготовляет его скорбями к вечной жизни и дает силы для несения их. Вера — это светильник, освещдающий весь путь человеческой жизни. Имея этот светильник, человек уверенно пройдет все по-прище земной жизни и перейдет в вечность к бесконечному Свету — Христу.

Своей сестре, Александре Александровне, находившейся в очень трудных жизненных обстоятельствах (вдовство, тяжелая болезнь, одиночество), Владыка писал: «Что человек на земле? Путник. Что такое смерть? — Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь. — Продолжительно странствуя... посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры мы достигаем, наконец, до той грани, которою отделяется свет от тьмы»².

Вся земная жизнь христианина, по справедливому мнению епископа Игнация, должна быть школой приготовления к вечности. Для преуспеяния в любой науке нужно хорошо изучить ее, в противном случае наука останется для каждого человека недоступной. Вечность видимо отделяется для каждого человека в бесконечную даль, если он не рассматривает, не изучает ее, не готовится к ней. «Как верно то, что мы все должны умереть! Что эта жизнь в

¹ Прилож. Т. 3. С. 12. № 276. В этом же письме Владыка сравнивает жизнь в многолюдном городе с обширным лесом, в котором можно заблудиться. || ² Прилож. Т. 4. С. 16. № 49.

сравнении с вечностью — ничего не значащее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем, живем, как бы бессмертные, мысль о смерти вечно ускользает от нас, делается совершенно чуждою»¹, — свидетельствует епископ Игнатий.

Чтобы человек мог правильно взглянуть на свою земную жизнь и отдать предпочтение высшей, вечной, ему нужно хотя бы на время оставить земную суету, прийти в себя и, если можно, уединиться и в уединении отдаться молитве и чтению Слова Божия. В уединении «ухо безмолвника услышит дивное», а Слово Божие возвестит ему о вечном Отечестве. «Если мы не будем внимать Слову Божию, — предостерегал Владыка, — то легко можем обмануться, счесть землю своим вечным жилищем и употребить единственно для земли все силы души и тела, потом внезапно и неожиданно представать в вечность по призыву Всесильного Бога, между тем как занятые исключительно временным, мы ничего не сделали для вечности, т. е. для вечного блаженства»². Епископ Игнатий считал, что пустыня, безмолвие, монастырь, душеназидательная беседа, духовный совет, чтение Священного Писания и святых Отцов, и молитва, — всё это ведет человека к познанию вечности и приготовляет его к ней.

Люди, всецело погрузившиеся в суету повседневной жизни и только сохранившие одно христианское имя, совершенно не помышляют и не готовят себя к вечной жизни, иные же и вообще не верят в загробное бытие.

Рассуждая о земной и будущей жизни, владыка Игнатий приводит слова святого мученика Тивуртия, в которых прекрасно отображен взгляд плотского и духовного разума на временную и вечную жизнь. О земной жизни мученик сказал: «Мнится быти и несть». «Точно! — пишет Святитель, — она будто и пред глазами и в руках, а все ускользает». О будущей жизни мученик Тивуртий сказал: «Мнится не быти и есть». «Точно, — продолжает Владыка, — когда здесь живем, то представляется, что и всегда здесь останемся жить, будущая жизнь представляется несуществующей. Но нет! Не видать, как наступит, и наступит непременно.

¹ Прилож. Т. 3. С. 13. № 276. || ² Там же. С. 310. № 416.

Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями...»¹.

Своим друзьям заботливый Архипастырь часто напоминал, что земная жизнь не имеет цены по сравнению с вечной; она дана человеку для приготовления к переходу в вечность. Христианин не должен терять времени, потому что смерть может подкрасться неприметно и восхитить душу не подготовленной к суду Божию². Неоднократно Владыка в письмах к друзьям, находившимся на одре болезни, от всей души молитвенно желал им выздоровления, для того, чтобы еще пожив на земле, они могли лучше приготовиться к вечности. Художнику К. П. Брюлову архимандрит Игнатий писал: «Поправляйтесь, дорогой мой Карл Павлович! Желаю по приезде моем увидеть вас здоровым, укрепившимся. Еще надо бы вам пожить, пожить для того, чтоб ближе ознакомиться с вечностью, чтоб пред вступлением в нее стяжать для души вашей красоту небесную...»³.

Оканчивая путь своей земной жизни, тяжело болея, старец-страдалец просил своего брата Петра Александровича передать усердный поклон болящей С. И. При этом он писал: «Уповаю на милость Божию, что она выздоровеет. Жизнь ей нужна по той же причине, по которой нужна и мне, — для приготовления к вечности»⁴. То, чего желал Владыка другим, к тому же и сам стремился всегда — к приготовлению к вечной жизни.

В чем должно заключаться приготовление христианина к вечности?

Приготовление к вечности есть, по мнению епископа Игнатия, целожизненный подвиг познания Христа и следования за Ним. Из Николо-Бабаевского монастыря архимандрит Игнатий писал в 1847 году: «Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир; говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно-полезным во время кратковременной земной жизни — доколе наша чреда зеленеет — познание Христа, Который и податель вечной, блаженной жизни, и путь к этой жизни»⁵. К одному из своих знакомых, исцелевшему

¹ Прилож. Т. 4. С. 321, 322. № 755. || ² Там же. С. 190, 191. № 628. ||

³ Прилож. Т. 3. С. 175. № 340. || ⁴ Прилож. Т. 4. С. 288, 289. № 717. ||

⁵ Прилож. Т. 3. С. 124. № 320.

от смертной болезни¹, епископ Игнатий писал, что, оставаясь жить на земле, он должен жить не для себя, а для Бога. Кто живет для Бога, тот исполняет Его святую волю; живущий же для себя исполняет в этой жизни лишь свои пожелания. Живущий для Бога, по словам Владыки, «не умирает». Телесная смерть для него есть переход к настоящей жизни. «Блюди! — предостерегает Святитель исцелевшего, — чтоб не ожить для себя! Жизнию о Господе умерщвляй жизнь свою, греховную, плотскую и душевную, и тем сохрани себя в живот вечный»².

Жизнь христианина, путника в Небесный Иерусалим, должна быть теснейшим образом соединена со Христом. Единство со Христом во всей полноте может ощущать лишь тот, кто принадлежит к Телу Христову — Его Святой Церкви, исполняет Его святые заповеди и всецело предает свою жизнь в волю Божию. Такой человек, живя на земле, мужественно переносит все ее трудности, ибо он сораспинается Христу, спогребается с Ним и воскресает с Господом для жизни вечной. «Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить смерть, быть погребенным, воскреснуть и вознести. Сего желаю и вам и себе, почему произношу вместе с вами сию истинную, духовного разума утешительную молитву: Господи! Совершай над нами волю Твою и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единого у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления»³.

Каждый христианин знает, что если он с терпением и без ропота переносит все испытания в своей земной жизни, то в будущей его ждет вечная радость, вечное блаженство. Но не только в будущей жизни истинный христианин будет блаженствовать, он уже здесь на земле нередко ощущает в душе своей радость, покой и несказанную тишину — эти дивные предначатки райского блаженства.

Добродетельная жизнь, основанная на евангельских заповедях, делает христианина уже на земле причастником неба. Только тот, кто в земной жизни сделал себя способным жизнью во Христе к восприятию начатков небесной

М. С. 351. 355. 357.

¹ Прилож. Т. 3. С. 160, 161. № 332. || ² Там же. С. 160, 161. № 332. ||

³ Там же. С. 223. № 361.

радости, будет сопричен к ней в бесконечной большей степени на небе. «Земля — страна плача; небо — страна веселия, — пишет епископ Игнатий, — но небесное веселье вырастает из семян, посевных на земле»¹. Семена эти: молитва, слезы, покаяние и прочие христианские добродетели.

Из опыта своей жизни Владыка знал, какое обильное утешение ниспосыпает по временам Господь в души, обуреваемые многими скорбями, но неуклонно стремящимися к небу. Побуждая одного из своих знакомых готовиться к вечности, он писал: «Быстро, быстро промчится время, и наступит для Вас час преселения в вечность. Употребите земные дни Ваши на приготовление к ней. Вы видели в супруге Вашей, как хорошо приготовиться к вечности. Сие приготовление растворяет даже здешние скорби утешением и тем доказывается, что это приготовление есть приготовление к блаженству»².

Не только радость и утешение переживает истинный христианин в своей земной жизни, но он становится и подлинно счастливым. Все земные радости, как скропреходящие, не могут сделать человека подлинно счастливым, и только жизнь для Бога и в Боге дарует человеку счастье, которое имеет начало на земле, а конец его растворяется в блаженной вечности. «Искренне говорю тебе, — писал Владыка своей сестре, избравшей в удел свой Бога, — потому что идешь путем спасения, потому что ты познала, что человек должен искать свое счастье не во временном и земном, а в Божественном и вечном»³.

Земная жизнь христианина преисполнена духовного утешения даже среди многих искушений и скорбей. Когда же приближается час его разлучения с телом и преселения в вечность, он полон надежды на милосердие Божие. Христианин хотя и ощущает страх смерти, но это чувство умаляется в нем верой во Христа, сказавшего: «Где Я, там и слуга Мой будет» (Ин. 12. 26) — в блаженных селениях рая.

Человек же, который не познал Христа и не жил на земле для вечности, ощущает в час смерти трепет и ужас. Он видит, что все земное поневоле оставляется им, а к не-

¹ Прилож. Т. 3. С. 44. № 289. || ² Там же. С. 385. № 480. || ³ Прилож. Т. 4. С. 17. № 496.

бесному блаженству он не предуготовил свою душу. У него нет ни веры, ни надежды на Бога — источника вечного блаженства, и поэтому уже в час смерти уделом его становятся отчаяние и мука, которые в полноте вкусят он после смерти в пропастях ада. «К концу земной жизни, пред вступлением в вечность, служитель мира и впереди и позади себя видит пустоту, а служитель Божий впереди видит благонадежное пристанище вечного блаженства, а обращая взор на проведенную им жизнь земную, видит поприще служения Богу, поприще, на котором он потрудился не напрасно, но благовременно усвоился Богу»¹.

Только человек, усвоивший правильный взгляд на земную и вечную жизнь, сможет стать истинным христианином — наследником вечных благ. Свою земную жизнь он не промотает в поисках призрачного земного счастья, но на пути следования в вечность употребит свои силы на благоугождение Богу, совершение дел любви к ближним и на искоренение греха и порока из своего сердца.

III. Учение епископа Игнатия о спасении и совершенстве

Вопросу спасения епископ Игнатий уделял очень большое внимание. Спасение было для Владыки не теоретической проблемой, а практической целью всей его жизни.

Богомудрый архипастырь справедливо считал, что каждый христианин должен иметь ясное понятие о том, в чем заключается спасение. Он очень часто встречал людей, желающих спастись и много говоривших о спасении, но если конкретно спрашивал их, в чем состоит спасение, то большинство христиан не могло ответить на этот вопрос².

Незнание этой основной христианской истины, по справедливому мнению Владыки, придает всей деятельности человека неопределенность. «Во всяком деле, — говорит архипастырь, — начальное условие успеха есть правильный взгляд на дело; так и в деле спасения, для получения жела-

¹ Прилож. Т. 4. С. 130. № 577. С исчерпывающей полнотой учение о смерти и загробной участи человеческой души изложено епископом Игнатием в «Слове о смерти». См.: Соч. Т. III. С. 69–184. || ² Слово о спасении и о христианском совершенстве // Соч. Т. 2. С. 328.

емого спасения необходим правильный взгляд на себя и на спасение»¹.

Прежде чем ответить на вопрос — в чем состоит спасение христианина, — Владыка считал нужным выяснить, в чем состоит наша погибель. В разрешении этого вопроса он строго следует святоотеческому пониманию.

Все человечество с момента грехопадения прародителей произвольно вступило в подчинение отверженных духов и утратило общение с Богом. «Мы лишились общения с Богом в самом корне и источнике нашем: в наших праотцах, при посредстве их произвольного согрешения», — пишет епископ Игнатий². Произвольно лишив себя грехопадением непосредственного Богообщения, первые люди повредили все свое существо грехом и из бессмертных стали смертными.

Первый человек передал свою греховность и смертность всему человечеству. «Адам, сотворенный по всесвятому Образу и Подобию Божию, долженствовавший произвести соответствующее потомство, осквернил Образ, уничтожил Подобие, произвел потомство, соответствующее оскверненному образу, уничтоженному подобию»³

Все люди, унаследовав от Адама его греховность, находятся в состоянии погибели и отчуждения от Бога.

Всеблагий Бог, по Своей неизреченной любви к падшему человечеству, по истечении предопределенного Им времени опять призвал человека в общение с собою. Это было совершено, по словам Владыки, «при посредстве самого чудного, непостижимого способа»⁴. Второе лицо Святой Троицы Бог Сын сошел на землю и воилотился от Духа Святого и Девы Марии и стал всесовершенным Человеком, оставаясь в то же время всесовершенным Богом. «Он... заченившись во утробе Пресвятой Девы действием Всесвятаго Духа, устранил от Себя обыкновенное человеческое зачатие от семени мужеского, зачатие, сообщавшее всем людям заразу греховную», стал вторым Адамом — непорочным Человеком, каким был создан праотец⁵. Христос Спаситель принял на Себя все грехи людские и Своими вольными Голгофскими страданиями и смертью искупил — спас все человечество от греха, проклятия и смерти. Епископ Игнатий пишет: «Богочеловек заменил Собою пред

¹ Прилож. Т. 3. С. 357. № 459. || ² Соч. Т. 2. С. 328. || ³ Там же. С. 329. || ⁴ Там же. || ⁵ Там же.

Богом и весь мир, и каждого человека. Добродетели... падшего человеческого естества утратили по вочеловечении Бога значение: они заменены великим делом Божиим — верою в Того, Его же посла Бог (Ин. 6. 29). В этом великом деле Божием заключается и спасение...»¹.

Иисус Христос всем, кто уверовал в Него как в своего Искупителя и живет по Его всесвятым заповедям, возвращает утерянное райское блаженство и освобождает от насильственной власти сил ада.

Спасти, по словам Владыки, значит «усвоить себя Искупителю, пребывать в этом усвоении во время всей земной жизни, а по смерти, по причине такого усвоения Искупителю, перенестись душою в селение блаженных духов, с ними наслаждаться святым наслаждением в ожидании всеобщего воскресения мертвых; потом при воскресении мертвых соединиться с телом, которое оживит Господь, сделает нетленным, и с телом наследовать сугубое, вечное блаженство»².

В одной из своих проповедей епископ Игнатий перечисляет, при каких условиях человек может усвоиться Христу и получить спасение. Прежде всего вера в Иисуса Христа и крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Крещение запечатлевается миропомазанием. Затем покаяние в грехах, совершенных после Крещения. Постоянное усвоение Господу поддерживается причастием Его пречистого Тела и Крови и жизнью по Его заповедям.

Вера и Крещение — первое условие спасения человека. В Священном Писании прямо сказано: «Иже веру имеет и крестится, спасен будет, а иже не имеет веры, осужден будет» (Мк. 16. 16).

Все остальные условия — покаяние, причащение и жизнь по заповедям Христовым — возможны только в лоне Церкви Христовой. Другими словами, чтобы унаследовать спасение, нужно уверовать во Христа и чрез Крещение стать членом Церкви Христовой и быть деятельным участником ее жизни. «...Для желающих спасти... необходимо, — пишет Преосвященный Игнатий, — чтобы правильно веровал в Бога, принадлежал Православной Церкви, в недре ее был крещен, миропомазан, очищен от грехов покаянием, приобщался Святых Христовых Таин...»³ и соблюдал заповеди Божии.

¹ Соч. Т. 2. С. 330. || ² Соч. Т. 4. С. 440. || ³ Там же. С. 329.

Рассмотрим теперь, что пишет епископ Игнатий об этих двух основных условиях спасения — вере и принадлежности Церкви Христовой.

* * *

Веру Владыка сравнивает с оком, которым одним человеческий ум может увидеть святую Истину.

Живая вера в Бога есть дар Божий, и дается он тем, кто всей душой будет искать в жизни истину и возжаждет познать Христа. Вера заключается в том, чтобы принять всецело учение о Боге — Христианство, открытое Самим Богом. Христианство есть учение Божественное, Богооткровенное, оно превосходит человеческий разум и поэтому не может быть принято иначе как сердечным чувством — верой. Истинная христианская вера «есть дело Божие столь обширное», что обнимает всю жизнь человека, все его существование, ею совершается спасение христиан. Вера должна проникать во все мысли и чувства человека, во всю его деятельность. «Веруй (такою верою, — говорит Владыка) имать живот вечный» (Ин. 6. 47).

Только руководствуясь живой верой, человек может познать Бога, умереть для греховного мира, посвятить себя всецело делам благочестия и сделаться учеником и последователем Иисуса Христа. «Сильна вера во Христа исповедующих Его Христом... — пишет Владыка. — Вера во Христа верующему дает Христа»¹. Лишь тот, кто уверовал во Христа, становится истинно счастливым человеком, потому что Спасителю можно с благодушием и радостью вверить свою настоящую и будущую жизнь. Никакое внешнее благополучие не может на земле сделать человека истинно счастливым. «Источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует христианину — вера»². Вера не во Христа, а в человека, в его разум, по словам святителя Игнатия, «полна плодов скучных»³. Такая вера не может даже называться верой, а есть суеверие, от которого рождается вечная погибель. Такою верою идолопоклонники верят в своих кумиров, мусульмане в лжепророка Магомета, еретики в богохульные догматы и в своих ере-

¹ Прилож. Т. 3. С. 162. № 333. || ² Там же. С. 379. № 475. || ³ Там же. С. 162. № 333.

сиархов, «такая вера осуждена Богом»¹, и она не может удовлетворить возвышенные запросы человеческой души.

Человек, имеющий в своем сердце истинную веру во Христа, спокойно плывет по волнам житейского моря, ибо он знает, что твердая вера во Христа не бывает посрамлена.

«Душа моя! Плыви бестрепетно по волнам житейского моря, не доверяйся тишине его, не страшись бурь его... Верь! ...Плыви, несись по волнам! ...Где вера, там нет ни печали, ни страха, там мужество и твердость, ничем не одолимая»², — такими вдохновенными словами святитель-поэт говорит о вере.

Вера во Христа возвышает человека, отрывает от плотяных интересов и возносит превыше мира. Только в вере человек находит успокоение для своей души и побеждает «мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных»³.

Чтобы унаследовать вечную блаженную жизнь и еще в этой земной жизни насладиться предоощущением благ небесных, христианин должен иметь веру твердую, а не колеблющуюся. Чтобы иметь твердую веру, нужно просить ее у Подателя всех благ Иисуса Христа словами святых Апостолов: «Господи, приложи веру нам» (Лк. 17. 5). Утверждению веры, по мнению адаманта веры — епископа Игната, немало способствует и изучение веры Христовой и всего, что ведет к точному познанию Христова учения.

Духовным чертогом, в котором хранится истинная спасительная вера, по твердому убеждению Владыки, является святая Православная Церковь. Она одна во всей чистоте от времен святых Апостолов хранит веру и преподает это величайшее сокровище всем своим членам. Чтобы спастись, недостаточно иметь веру во Христа, нужно еще и принадлежать к Православной Церкви, о которой Христос Спаситель сказал: «Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее» (Мф. 16. 18).

Со дня Пятидесятницы Св. Церковь является обладательницей истины. Все, кто принадлежат к Церкви и повинуются Ей, могут почерпать от Нее правильный образ мыслей о Боге, о человеке, о добре, о зле, следовательно, и о спасении.

¹ Прилож. Т. 3. С. 158. № 330. || ² Там же. С. 22. № 279. || ³ Там же. С. 6. № 272.

В Церкви преемственно от святых Апостолов сохраняется благодатная иерархия. Только Таинства, совершаемые законно поставленным благодатным епископом или пресвитером, могут оказывать возрождающее действие на душу человека и служат ему во спасение.

Православная Церковь одна во всей полноте хранит Предание и может научить своих членов, как безбедно шествовать по пути спасения. «Возможен блистающий светильник в Святой Христовой Церкви — учение Святаго Духа, — писал Преосвященный Игнатий, — не устремляйте взоров ваших к другим светильникам, светящим на различных путях. Один путь святой истины ведет во спасение, прочие пути ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, спасены будут только «подвзывающиеся законно». Истинный законный подвиг во Христе Иисусе и Святым Духе, в ограде Восточной Церкви»¹.

Основываясь на евангельском повествовании о богатом юноше, вопрошившем Господа, что он должен делать, чтобы получить вечную жизнь, епископ Игнатий считал, что есть два блаженных состояния, которых может достигнуть христианин: состояние спасения и состояние совершенства.

В Евангелии говорится, что Христос Спаситель ответил вопрошившему Его юноше, что для получения вечной жизни необходимо соблюдать заповеди, и перечислил их. Когда же юноша ответил, что все эти заповеди он исполняет от юности своей, и вопросил, что еще недостает ему, Господь возвестил ему: «Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и дажь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед Мене, взем крест свой» (Мф. 19. 20, 21 и Мк. 10. 21). На основании этих слов епископ Игнатий делает вывод, что «спасение возможно при сохранении имения, в жизни посреди мира, для снискания совершенства требуется предварительное отречение от мира. Спасение необходимо для всех; снискание совершенства предоставлено произвольющим»². На христианское совершенство епископ Игнатий смотрел как на высочайшую ступень возвышения, к которой бывают способны немногие.

В Поучении в тридцатую Неделю Святитель, разъясняя народу в чем заключается совершенство, сказал, что перед

¹ Прилож. Т. 3. С. 106, 107. № 312. || ² Там же. С. 341.

этим вопросом удобнее молчать, чем говорить: «удобнее плач, чем витийство»¹. Как нищий, облеченный в жалкие рубища, не может знать, что творится в великолепных чертогах, так и человек, связанный мирскими попечениями, не имеет полного представления, в чем состоит христианское совершенство. «...Нам, братия, — говорит Архипастырь, — связанным мирскими попечениями и обязанностями, гораздо вернее позаботиться о нашем спасении, тщательно исполняя заповеди Божии, нежели мечтать и мудрствовать о христианском совершенстве... ибо... путь к совершенству для большинства людей недоступен и непостижим»². Спасающимся нужно постоянно раздавать милостыню, а тем, кто решил встать на путь, ведущий к совершенству, нужно сразу же продать все свое имение и все деньги, полученные за него, «с большой поспешностью» раздать нуждающимся и последовать за Христом, взяв свой крест. Взять крест свой — это значит, по объяснению Святителя, отвергнуться от самого себя, с верою и любовию переносить все жизненные скорби, лишения и гонения, распяv при этом свою плоть с ее страстями и похотями.

Для христианина, стремящегося к совершенству, мало раздать все имение и взять свой крест, нужно еще и последовать за Христом. Последовать Христу — значит жить на земле единственно для неба, подражая в этом Богочеловеку.

«Отречение от мира, взятие креста своего и последование за Христом Спасителем — вот что ведет к христианскому совершенству, но не есть еще само совершенство. В одном из писем к своему другу, С. Д. Нечаеву, архимандрит Игнатий приводит слова святого Макария Египетского, который сказал, что « тот, кто расточил имение, оставил все приятное земное, уединился в пустыню — еще ничего не сделал, только обнажился для вступления в поприще, неизвестно — достигнет ли цели».

Совершенство, по определению епископа Игнатия, есть «ощутительное и явное обновление христианства Святым Духом, могущее совершиться только над тем, кто умер для греха и для мира на кресте Христовом»³. Тот, кто сподобился достичь совершенства, обновляется Духом и «делает-

¹ Соч. Т. 4. С. 331. || ² Там же. С. 331. || ³ Там же. С. 332.

ся Богоносцем», «храмом Божиим и Священником», который священодействует в этом храме и поклоняется Богу Духом и Истиной.

Как и спасение, совершенство есть дар Божий, а не плод человеческих усилий. Своими усилиями — трудами и подвигами — человек лишь доказывает свое искреннее желание получить этот высочайший дар.

Кто же сподобился достичь этого блаженного состояния? Епископ Игнатий считает, что его сподобились все святые: в первенствующей Церкви святые Апостолы, мученики, сонм святителей, аскеты и «после — монахи».

Преосвященный никогда не утверждал, будто совершенство — это блаженный удел лишь одних монахов. Нет, в своих творениях Владыка утверждает, что как для мирянина, так и для монаха христианский идеал один и тот же. Мирянин и монах в одинаковой степени должны исполнять все заповеди Христовы и неуклонно шествовать по лествице нравственного совершенства. Монах от мирянина отличается разве что нестяжанием и девством или непорочным вдовством. Мирянин, по словам епископа Игната, обязан соблюдать все заповеди Христовы наравне с монахом.

Единство идеала Христова позволяет мирянину и монаху достигать высот христианского совершенства. Святая Церковь в сонме святых имеет немало мужей и жен, живших в миру и достигших совершенства. Однако поскольку непременным условием к достижению совершенства необходимо нестяжание и отречение от мира, то монашествующим, дающим эти обеты при постриге, несколько легче приблизиться к пути, ведущему к совершенству, чем живущему посреди мира и обремененному многими житейскими попечениями мирянину.

Само по себе монашество не есть еще христианское совершенство, но вся монашеская жизнь, непременными условиями которой — нестяжание, послушание, пост, труд, бдение, деятельная любовь, способствует достижению совершенства.

Монашеский чин доставил Церкви Христовой бесчисленный лик мужей, достигших совершенства и причисленных к сонму святых. Из них епископ Игнатий указывал на знаменитых архиастырей святых — Иоанна Златоустого,

Василия Великого, Епифания Кипрского, Алексия и Филиппа Московских. Из монашествующих, не имеющих епископского сана, но просиявших светом своего совершенства, епископ Игнатий называл Антония Великого, Иоанна Дамаскина, Сергия Радонежского и подвижника XIX века Георгия Затворника. Имея в виду упомянутых столпов Церкви Христовой, светильников совершенства, епископ Игнатий замечает, что без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой совершенство, без него и спасение с самою верою легко может утратиться.

* * *

Чтобы христианину вступить на путь спасения, а со временем достигнуть и совершенства, ему нужно оставить плотскую греховную жизнь и вступить на путь духовной жизни.

«Духовная жизнь» — наименование собирательное, оно в общепринятом понимании обозначает жизнь, ведущую человека к Богу, жизнь, направленную для «усвоения» человека Богу.

Понятия епископа Игнатия о духовной жизни были и глубоки и возвышенны.

Основываясь на Священном Писании и учении святых Отцов, он считал, что человек может находиться в трех состояниях: плотском, душевном и духовном (или, соответственно: страстном, пристрастном и бесстрастном). Человек, находящийся в плотском состоянии, всецело предан временному миру, он живет для земли и не помышляет о жизни вечной.

Христианин, живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, но еще обуреваемый страстями, находится в душевном состоянии.

Духовного состояния достигает тот, кто преуспел в добродетелях, искоренил, в возможной для человека степени, страсти и сподобился обновления от Святого Духа. Достигшие духовного состояния, по мнению Владыки, могут быть названы «светом мира и солью земли».

Когда человек достигает духовности, душевность и телесность (плотяность) не исчезают в нем. Духовность может возобладать в человеке, господствовать в нем и подчинить

себе душевность и телесность, которые не уничтожаются в человеке совершенно, а как бы замирают.

Признавая, что человек может находиться в трех состояниях, епископ Игнатий понимал душевное и духовное состояние более возвыщенно, чем большинство его современников и последующих духовных писателей. То, что большинство духовных писателей относят к духовной жизни (молитву, деятельное изучение Евангелия, творений святых Отцов и т. д.), у владыки Игнатия называется лишь душевной. Считая, что совершенной духовной жизни достигает лишь тот, кто сподобился обновления от Святого Духа, епископ Игнатий в своих трудах часто вместо слова «духовный» (в обычном понимании) употребляет слово «душевный».

В данной работе слово «духовный» будет употребляться в общепринятом значении этого слова.

В последующих главах изложим учение епископа Игната об основах духовной жизни христианина.

Основы духовной жизни IV. Изучение Евангелия

Христос Спаситель, прия на землю, возвестил человечеству, как должен жить человек на земле, чтобы быть достойным неба.

Это явное откровение воли Божией о человеке было возведено Спасителем человеку в Его Божественном учении. Учение Христа запечатлено в Святом Евангелии. Каждый, кто хочет узнать волю Божию, должен приступить к Евангелию — этой вечной Книге жизни, и в ней найдет он истину, следуя которой может унаследовать блаженство. Истина — Христос. «Христос, — говорит священномученик Петр Дамаскин, — сокровен в Евангелии; желающий найти Христа может найти Его в Евангелии»¹.

Христос Спаситель всегда таинственно присутствует в Своем Евангелии; Евангелие есть тот прекрасный сад, в котором может найти Христа Мария — верная, ищащая Бога душа». «Кажется, — пишет святитель Игнатий, — достаточно прочитать одну главу Евангелия, чтобы познать говорящего в нем Бога»².

¹ Прилож. Т. 3. С. 240. № 367. || ² Соч. Т. 1. С. 120.

Православная Церковь с глубоким благоговением относится к Святому Евангелию. В храме Евангелие всегда находится на престоле и символизирует присутствие на нем Самого Христа. Всеноародно читать в храме Евангелие могут только священнослужители, и, когда читается Евангелие, все внимают ему, как говорящему Христу. Когда Евангелие выносят из алтаря, впереди обязательно несут зажженную свечу. После прочтения Евангелие полагается на аналой посреди храма, и все православные христиане, преклонив колена перед ним, как перед словом Божиим, со страхом и любовью лобызают его.

Епископ Игнатий считал, что Евангелие есть основа духовной жизни христианина. Им должен он проверять правильность своей духовной жизни — своего шествия по лестнице духовного совершенствования. Каждый христианин должен внимательно слушать слово Божие, когда оно читается в храме. Кроме того, дома ежедневно христианин должен питать свою душу чтением Евангелия.

Епископ Игнатий подробно учит о том, с какими чувствами нужно читать Евангелие, чтобы извлечь из этого чтения назидание для своей души. «Раскрыв для чтения книгу — Святое Евангелие, — пишет он, — вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы и, смотря по тому, каковы были здесь на земле по отношению к ней, получим в удел или вечное блаженство, или вечные казни (Ин. 12. 48)»¹.

Приступая к чтению Книги Жизни, нужно предварительно вознести молитву к Господу, чтобы Он Сам открыл наш ум к пониманию Его Закона; при этом нужно смириТЬ свой гордый ум и успокоить все свои мятущиеся чувства, ибо Евангелие, по словам Владыки, «допускает к себе одних смиренных». Читать Евангелие нужно вдумчиво, с благоговением и вниманием, потому что «каждая йота его испускает луч жизни, а пренебрежение жизнью ведет к смерти»². При чтении Евангелия нельзя искать наслаждений, восторгов или блестящих мыслей, это может привести к ложному пути.

Евангелие — не простая книга, при чтении которой читатель обычно является посторонним зрителем повествую-

¹ Соч. Т. 1. С. 108. || ² Там же. С. 109.

мых в ней событий. Нет, при чтении Евангелия все сказанное в нем нужно относить непосредственно к себе. «Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличные язвы греха, находится в плену у демонов, подобно этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его об исцелении твоем»¹.

Читать Евангелие нужно постоянно, и не просто читать, а благоговейно изучать его.

Епископ Игнатий советует каждому христианину усвоить Евангелие настолько, чтобы ум человека, по его образному выражению, «плавал в нем, жил в нем». По примеру преподобного Пахомия Великого, вменявшего своим ученикам выучивать Евангелие наизусть, епископ Игнатий также советует изучать настолько Евангелие, чтобы оно стало достоянием нашей памяти. Он пишет: «Какое счастье, какое богатство — стяжение Евангелия памятью! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темнице, говорит с земледельцем на ниве... увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества»².

Евангелие — книга духа, она понимается только духовным разумом; ум плотский не может воспринять ее. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие станет доступным и понятным. Человек, привязанный к земле, «читает букву, но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесою»³. Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что оно заповедует. По мере исполнения евангельских заповедей будет открываться и бесконечная глубина Евангелия. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, страйся исполнять его заповеди, читай его делами. Это — книга жизни, и надо читать ее жизнью»⁴, — пишет святитель Игнатий.

¹ Соч. Т. 1. С. 109. || ² Там же. С. 109, 110. || ³ Там же. С. 109, 110. ||

⁴ Там же. С. 108.

Деятельное изучение Евангелия откроет человеку постепенно его греховность и то, каким должен быть новый, обновленный человек. Почекая из Евангелия образ мыслей и действий, каждый христианин перерождается из человека плотского в духовного, «созданного по Богу» (Еф. 4. 24). Зная, какое дивное воздействие оказывает Евангелие на человеческие души, владыка Игнатий писал: «Великая и всесвятая книга — Евангелие! В нем изображен новый, богоподобный человек, а какие должны быть свойства нового человека — это являются Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий. Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми»¹.

Многие читают Святое Евангелие, но воспринять, понять его каждый может в соответствии со своим внутренним миром; поэтому для правильного понимания Евангелия христианину непременно нужно читать и творения святых Отцов².

Евангелие открывает человеку Христа — Божию силу и Божию Премудрость. Познав Божественную Премудрость, христианин видит, насколько несовершена мудрость человеческая, мудрость земная, и устремляет все свои силы, чтобы исполнением евангельских заповедей усвоить себя Божественной мудрости — Иисусу Христу.

Епископ Игнатий всем, кто прибегал к его духовному окормлению, непрестанно напоминал о необходимости деятельного усвоения Евангелия. Он бывал нескованно рад, когда видел, что его пасомые преуспевают в исполнении евангельских заповедей, когда усматривал своим духовным взором Евангелие, напечатленное в их душах. В одном из писем говорится: «Наконец, получил я от тебя, истинный о Господе друг мой, письмо по мысли моей, по сердцу! Когда прочитал я его, то услышались мне слова св. апостола Павла: «несть Скиф и Варвар, Иудей и Еллин, мужеск пол и женск, но нова тварь о Христе Иисусе». Спаси тебя Госпо-

¹ Прилож. Т. 3. С. 118, 119. № 318. || ² В следующем разделе об этом будет сказано подробнее.

ди за то, что ты меня утешила, дала увидеть Евангелие, напечатленное на душе, а не на бумаге. Пойми всю простоту сию, и всю глубину сию, и всю широту сию, и всю высоту сию»¹.

V. Изучение творений святых Отцов

Как уже говорилось ранее, чтение творений святых Отцов имело огромное значение в духовной жизни святителя Игнатия. Святые Отцы были в полном смысле его «воспитатели». Они питали его чистую душу в детстве, указали ему единственно верный путь послушания Святой Церкви в юности, показали ему сущность всего земного и затем укрепляли его в течение всей многотрудной иноческой жизни.

С болью в сердце епископ Игнатий замечал, что христиане, его современники, почти совсем не изучают творений святых Отцов. «Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен Святою Церковью признавались единственным правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение», — писал он².

Видя, что в его время очень мало духовных наставников, способных правильно руководить духовной жизнью пасомых, и замечая, что с каждым годом истинные наставники всё умаляются, Владыка неустанно в своих творениях и письмах напоминал, что единственным верным руководителем в духовной жизни являются творения святых Отцов. «Свет, при котором совершается духовное бдение, проливают из себя... писания святых Отцов»³, — эту истину Владыка напоминает всем христианам.

Писания святых Отцов, по неложному убеждению епископа Игнатия, были составлены по внушению или под влиянием Святого Духа; на них лежит печать помазания и дивного единства. Все они в основе своей имеют Евангелие и научают, как правильно исполнять евангельские заповеди. «Их источник и конец — Святое Евангелие»⁴. Многие святые Отцы в глубоком уединении вникали в Евангелие, осуществляли его учение в своей жизни⁵ и затем в своих

¹ Прилож. Т. 3. С. 351. № 450. || ² Там же. С. 111. № 313. || ³ Там же. С. 13. № 276. || ⁴ Соч. Т. 1. С. 113. || ⁵ Прекрасно об этом сказано Владыкой в письме № 313. Т. 3. С. 107. Он пишет: «Спускается в глубокое море водолаз, чтобы достать дорогую жемчужину; и святые Отцы

сочинениях изложили, как нужно исполнять евангельские заповеди. Епископ Игнатий пишет: «Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует к уразумению его»¹.

Для лучшего восприятия и правильного понимания Евангелия Владыка даже советовал первоначально изучить Святоотеческие творения, научиться у святых Отцов, как относиться к Евангелию, и затем только приступать к чтению Слова Божия².

Необходимость толкования Священного Писания в свете творений святых Отцов епископ Игнатий основывает на словах апостола Петра: «Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии люди, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1. 20, 21). Эти апостольские слова ясно запрещают произвольно толковать Слово Божие. Святой Дух произнес, а святые Апостолы записали Священное Писание, и только Святый Дух может правильно истолковывать его. Боговдохновенные мужи-Пророки и Апостолы написали Священное Писание, только боговдохновенные мужи — святые Отцы могут правильно истолковать его. Кто хочет получить истинное познание Слова Божия, должны изучать святых Отцов и воспринимать их понимание Слова Божия. Это единственно безопасный путь. Произвольное толкование всегда приводит на путь заблуждений, потому что «Божия никтоже весть, точно Дух Божий» (1 Кор. 2. 11).

Как необходимо знание святых Отцов при толковании Слова Божия, так же нужно оно и для правильного прохождения христианского подвига. «Отличителью чертою всех святых Отцов, — пишет епископ Игнатий, — было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви»³. Все подвижники древних времен прошли трудный путь

удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные духовные перлы: христоподражательное смиление, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные — словом сказать, находили Евангелие». (Подобные мысли находятся и на с. 108.) || ¹ Прилож. Т. 3. С. 128. № 322. || ² Там же. С. 136. № 324. || ³ Там же. С. 128. № 322.

внешнего и внутреннего делания, основанный на покаянии, плаче, смирении, самоукорении и многих других христианских добродетелях. Их творения — это кладези, из которых каждый может почерпать учение о христианских добродетелях и шествовать по пути спасения. «Усвой себе мысли и дух святых Отцов чтением их писаний, — предлагает архипастырь-наставник, — святые Отцы достигли цели: спасения. И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей... Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к небу...»¹. Под руководством святых Отцов, по мнению святителя Игнатия, можно не только спасти, но даже достигнуть христианского совершенства.

В Святоотеческих творениях можно найти ответ на любой вопрос духовной жизни. Святитель Игнатий сравнивает книги святых Отцов с богатым собранием врачебных средств, душа христианина может найти в этом собрании врачевство для своих греховных язв.

Как Евангелие, так и творения святых Отцов владыка Игнатий советует читать постоянно со вниманием, соблюдая благоразумную умеренность, которая надолго сохраняет «вкус» к писаниям и умножает сердечную жажду к Божественной правде, содержащейся в писаниях. Зная, как легко неопытная душа может потерять путь спасения, мудрый наставник предупреждает, что каждый должен избирать себе для чтения творения Отцов соответственно своему образу жизни, для того чтобы он мог не только любоваться и наслаждаться чтением писаний, но и практически прилагать к своей жизни. Изучение подвигов и добродетелей, не соответствующих своему образу жизни, может привести к мечтательности и сделать жизнь бесплодною». При неправильном чтении Священного Писания и святых Отцов легко можно уклониться со спасительного пути в не-проходимые дебри и глубокие пропасти, что и случилось со многими»², — предостерегает Святитель.

Мирянин, живущий среди мира, не должен читать книг, которые написаны для монашествующих. Это чтение будет отвлекать мирянина от добродетелей, которые свойственно ему делать, мечтой о высших духовных подвигах. Эта меч-

¹ Соч. Т. 1. С. 112. || ² Там же. С. 114.

тательность может временами услаждать его воображение, временами же ввергать душу в отчаяние и уныние. Даже если мирянин и преуспеет временно в подвиге, не свойственном его образу жизни, что достигается обычно разгорячением плоти и крови, то все равно долго не сможет пребывать в нем, скоро оставит подвиг, превышающий его возможности. Однако временное упражнение в возвышенном подвиге может на всю жизнь сделать его неспособным к свойственным его образу жизни подвигам благочестия.

Христианам, подвиг которых протекает в условиях мирской жизни, епископ Игнатий рекомендует читать творения святых Отцов, писавших вообще для всех христиан. К ним относятся святой Иоанн Златоуст, святитель Димитрий Ростовский, святитель Тихон Задонский, Никифор Астраханский и Георгий Затворник¹.

Казалось бы, немного духовных писателей предлагает мирянину Владыка, но, как он сам замечает, творения этих писателей — «обильное поприще для чтения! Обильное духовное пастище, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!»²

Посоветовав одному «государственному мужу» заняться «глубоко» чтением всех сочинений святого Иоанна Златоустого, Преосвященный Игнатий писал ему: «Предлагаю вам того церковного писателя, который необыкновенно чистотою, ясностию, силою христианского учения возносит читателя превыше всего земного, на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает землю питомцу своему»³.

Хотя епископ Игнатий и рекомендует для чтения творения святителя Димитрия как писателя, носящего печать благодатного помазания и сообщающего это помазание читателям, однако он предупреждает, что его сочинения «не совсем чисты, не вполне в восточном характере... Это значительный недостаток в писаниях святого Димитрия»⁴. Некоторые уклонения от духа Восточной Церкви в сочинения св. Димитрия епископ Игнатий объясняет тем, что Ро-

¹ Прилож. Т. 3. С. 49. № 291. (В письме № 486, т. 4, с. 7 епископ Игнатий начинает перечисление книг для чтения мирянина с Четырех-Минией, которые могут предшествовать чтению святых Отцов.) || ² Прилож. Т. 3. С. 49. № 291. || ³ Там же. С. 24. № 279. || ⁴ Прилож. Т. 4. С. 61. С. 530.

стовский подвижник долгое время жил в западной России и там получил образование. Западная же Россия в то время находилась под сильным влиянием латинизма. Из всех сочинений святого Димитрия владыке Игнатию больше всего нравилось по «зрелости духа» в 4-й части приложение к Священно истории. Он предполагает, что это было последнее сочинение святого Димитрия¹. «4-я часть сочинений святителя Димитрия, — писал епископ Игнатий, — особенно хороша, тут можно почерпнуть много сведений очень нужных и очень полезных»².

Творения святителя Тихона Задонского епископ Игнать ценил очень высоко. Он даже поместил отрывки из его творений в «Отечнике» наряду с древними подвижниками. К личности Задонского подвижника владыка Игнатий относился с особым благоговением, и думается, это не случайно — в направлении подвига, учении и даже во внешних событиях жизни у обоих святителей имеется некоторое сходство. (Настоятельство в монастыре, недолгое управление епархией, литературная деятельность на покое, кончина в день воскресный.)

Архиепископ Никифор Астраханский (1731—1800) написал толкование на воскресные Евангелия. По словам епископа Игнатия, это был писатель «основательный и с помазанием». Был он грек, образование получил в европейских университетах, затем принял монашество и приглашен в Россию, где со временем стал архиепископом Астраханским. Рекомендуя сестре Елизавете Александровне прочитать его толкования воскресных Евангелий, архимандрит Игнатий писал: «Он стоит несравненно выше всех наших церковных писателей (т. е. русских), соединяя в себе основательную ученость с духовным помазанием. Есть признаки, по которым догадываются, что тело его нетленно. Сама увидишь, как превосходна его книга, и потому какое имеет духовное достоинство писатель»³.

Задонский затворник Георгий (1789—1836) был современником епископа Игнатия. В молодости он был воином, затем вступил в обитель и 17 лет провел в неисходном затворе. Скончался он сравнительно рано, 47-ми лет от

¹ Прилож. Т. 4. С. 61. № 530. || ² Там же. С. 63. № 531. || ³ Там же. С. 67. № 533.

роду, но, как говорит епископ Игнатий, «духовным успехом заменив лета многа»¹. Затворник Георгий вел большую переписку со многими лицами. После его смерти многие письма те были собраны и напечатаны. Святитель Игнатий высоко ценил их достоинство, он говорил, что книга Георгия Затворника — одна из его «настольных». Предлагая своим знакомым прочитать ее, Владыка свидетельствовал, что Георгий — духовный писатель его времени, «с пера его текут струи благодатные». Правда, Владыка отмечал недостаток внешнего образования писателя, но этот недостаток заменяется у подвижника обильным духовным достоинством. Книгу Георгия Затворника епископ Игнатий называл «драгоценной», наполненной утешительными наставлениями, особенно для страждущих.

Христианин, изучающий творения святых Отцов, питает свою душу небесными благами. «Прибегайте больше к чтению святых Отцов, пусть они руководствуют вас, напоминают вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми Отцами позднейших веков». Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в жизни своей Отеческими писаниями. «Совет святых — разум» (Притч. 9, 10) — вот наставление епископа Игнатия, которым должен по силе возможности руководствоваться в своей духовной жизни каждый христианин.

VI. Покаяние

Руководя духовной жизнью своих пасомых, Владыка прежде всего старался возбудить в них чувство покаяния. Покаяние он считал основой всех видов христианского подвига. Учение о покаянии неотъемлемо от всего учения епископа Игнатия.

Во время земной жизни Владыки были люди, которые по зависти распространяли слухи, что он находится в прелести. Опровергая эту клевету, подвижник Никифоровской пустыни монах Исаия говорил, что этого не может быть, потому что архимандрит Игнатий учит покаянию.

¹ Прилож. Т. 3. С. 189, 190. № 350.

Епископ Игнатий учил, что первая заповедь, данная Спасителем человечеству, есть заповедь о покаянии. «Покайтесь: приближися бо Царство Небесное», — такими словами начал Свою проповедь вочеловечившийся Господь (Мф. 4. 17). Эти же слова и поныне Христос возвещает всем в Своем Евангелии.

Покаяние есть признание своего падения, необходимости Искупителя и пребывание в исповедании Искупителя.

Покаяние — великий дар Всеблажого Бога грешному человечеству, который усвоется людям верою в Искупителя — Иисуса Христа. «Покаяние — вера, — пишет епископ Игнатий, — покаяние — признание искупления и Искупителя! Покаяние — усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! Покаяние — самоотвержение! Покаяние — признание падения и погибели, объявших весь род человеческий!...»¹

Покаяние неразрывно сопутствует вере во Христа; оно должно предшествовать вере в Господа, а после крещения покаяние врачует те грехи, в которые впадает человек по своей немощи. Христос Спаситель, зная, что люди будут и после крещения грехами удаляться от Него, установил в Своей Церкви таинство покаяния, которое является как бы вторым крещением. На трудном поприще борьбы со грехом каждый христианин, прибегая к покаянию, получает не только прощение в сделанных грехах, но и силы для борьбы с ними. Одно уже сознание, что в грехе придется приносить покаяние, по словам св. Иоанна Лествичника, является как бы «уздою», которая удерживает от совершения или от повторения греха.

Епископ Игнатий говорит, что тому, кто постоянно предает своих друзей, они становятся врагами, они отступают от него, как от предателя, а «кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи, основываясь и крепясь на гордости падшего естества, не терпят обличения и позора»².

¹ Прилож. Т. 3. С. 58. № 296. О связи покаяния с верой епископ Игнатий говорит в Поучении первом в Неделю по Богоявление: «...Покаяние необходимо не только для того, чтобы уверовать во Христа, оно необходимо для пребывания в вере, для преуспеяния о Христе; оно необходимо и для живой веры во Христа» (Соч. Т. 4. С. 10). || ² Соч. Т. 1. С. 102.

Покаяние должно совершаться не одними устами, не кратковременными слезами, не одним наружным участием в исповеди, но во внутреннем сокрушении — раскаянии в содеянных грехах, в искреннем исповедании их духовнику и, самое главное, в твердой решимости оставить греховную жизнь и жить, как учит Евангелие.

Святитель Игнатий напоминает каждому христианину, что Бог дал покаяние в помощь человеку в борьбе с грехом, а не для «потачки» греху; дар Божий не должно употреблять во зло. Вслед за св. Исааком Сирским, Владыка свидетельствует, что все те, кто в надежде на покаяние грешат произвольно и намеренно, поступают «коварно» по отношению к Богу. Их поразит внезапная смерть, и не дано им будет времени на покаяние и приобретение добродетели.

Каково должно быть покаяние мирянина?

Неоднократно в письмах епископ Игнатий говорит, что мирянин не должен заниматься тонким и подробным анализом своих грехов. От этого может возникнуть уныние, смущение и недоумение. Бог знает все грехи человека, поэтому нужно собрать «их все в один сосуд покаяния» и ввергнуть в бездну милосердия Божия. «Грехи, сделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному, а в тонкое разбирательство греховых качеств не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производимому в нас смущению и унынию, хотя по наружности и облечена в благовидное добро»¹.

Обсуждая вопрос об исповеди с братом Петром Александровичем, Владыка однажды употребил следующее сравнение. Он сказал, что когда подметают комнату, то не рассматривают сор, а, собрав все в одну кучу, выбрасывают вон, так и при исповеди нужно открыть духовнику свои грехи, а в подробное рассмотрение их не входить, «тонкое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство»².

Если христианин имеет греховный навык, то епископ Игнатий советует ему чаще прибегать к исповеди, особенно это необходимо при восстании плотских страстей, потому что покаяние умерщвляет пагубное влияние телесных чувств.

¹ Прилож. Т. 3. С. 17, 18. № 278. || ² Прилож. Т. 4. С. 254. № 678.

Правильное покаяние должно иметь последовательность: первоначально нужно исповедовать тяжкие грехи, а затем уже грехи легкие. Согласно с учением Православной Церкви, Преосвященный Игнатий считает, что нет грехов, превышающих милосердие Божие. Как бы велик ни был грех и сколько бы раз он ни повторялся, покаяние может уврачевать его. «...Нет греха человеческого, которого не могла бы омыть кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Сколько бы раз ни повторялся грех человеческий — кровь Богочеловека может омыть его. Грехи всего мира ничего не значат пред всесвятою кровию вочеловечившегося Господа, пролитою за нас»¹, — пишет епископ Игнатий.

Во всех тягчайших — смертных — грехах человек может принести покаяние и получить прощение от Самого Господа через духовника в таинстве исповеди. Только самоубийство, при котором человек лишает себя возможности покаяния, не может быть уврачевано им (покаянием). «Самоубийство — тягчайший грех! Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения»².

Покаяние человека, пребывающего в смертном грехе, может быть признано только тогда истинным, когда человек перестал совершать этот грех. Из практики своей духовной деятельности епископ Игнатий знал, что встречаются люди, которые ненавидят всей душой грех, но так привыкли к нему, что становятся бессильны в борьбе с ним. Многолетний греховный навык обладает ими, и они творят ненавидимый ими мерзостный грех. И для таких людей не закрыт путь покаяния. «Несчастному рабу греха, — говорит Владыка, — пристанище — покаяние! Сколько бы раз ни случилось ему подвергнуться нравственному бедствию — он может войти в это пристанище, починить в нем сокрушенную ладью духовную»³.

Люди, стяжавшие непреодолимый навык к греху, не должны отчаиваться, но твердо помнить, что пока человек находится в теле, для него не закрыт путь покаяния. Спаситель, видя искреннее раскаяние человека во грехе, может претворить сердце грехолюбивое в боголюбивое и человека чувственного, сладострастного, плотского сделать духовным, чистым, святым⁴. «От лица покаяния бежит всякий

¹ Прилож. Т. 3. С. 58. № 296. || ² Там же. С. 60. № 296. || ³ Там же. С. 59. № 296. || ⁴ Соч. Т. 1. С. 99.

грех, никакой грех не может устоять перед всемогущим покаянием¹. В одной из своих проповедей Святитель сказал о силе покаяния: «Покаяние подает свою могущественную десницу человеку, находящемуся в глубокой пропасти, во аде грехопадения, — извлекает его оттуда, возносит превыше земли; оставляет только тогда, когда введет спасенным во врата вечности»².

К сожалению, в жизни очень часто бывает, что люди помнят и каются только в тяжелых грехах, грехи же, совершаемые почти ежедневно, предают забвению. Грехи словом, мыслью, ощущением сердца и движениями тела, по мнению владыки Игнатия, не должно считать маловажными. Все они оскверняют душу человека и отдаляют ее от Бога. Открытием на исповеди перечисленных малых грехов человек пресекает развитие греха и не дает ему осуществить самим делом.

Во всех грехах — как тяжких, так и повседневных — словом и помышлением христианину нужно приносить покаяние.

Как же практически осуществить мирянину покаяние в повседневных грехах, когда с духовником своим он встречается, может быть, несколько раз в году?

Владыка Игнатий советует в грехах, совершенных по человеческой немощи словом, помышлением и всеми чувствами, приносить раскаяние ежедневно перед Богом. Лучше всего это делать после вечернего правила перед сном. Прочитав вечерние молитвы и собрав чтением их свои непрестанно мятущиеся мысли, нужно вспомнить все греховное, что было совершено за день, осудить себя за это и искренне испросить в этом у Бога прощения. Приносить подобное покаяние можно и нужно лишь в грехах повседневных, если же случилось впасть в грех смертный, то немедля необходимо спешить к духовнику и перед ним исповедать свой грех.

Очень часто человек, увлеченный мирской суетой, совершенно забывает о своих грехах и о покаянии. Чтобы возбудить в себе чувство покаяния, нужно воздержание от всех страстей и частое чтение Евангелия. Сравнивая свою жизнь с евангельскими заповедями, принуждая себя к ис-

¹ Прилож. Т. 3. С. 102, 103. № 308. || ² Соч. Т. 4. С. 11. 654

полнению этих святейших заповедей, христианин будет постигать, насколько слаб он, поврежден падением и уязвлен грехами. От зрения своих немощей в душе постепенно появится желание очищать свою душу покаянием.

До конца познать свою немощь и принести полное покаяние может только тот, кто в уединении достиг полного безмолвия. Об этом Владыка писал: «Вздыхает душа моя, жаждет глубокого, ненарушимого безмолвия, вне которого невозможно найти обильного, полного покаяния»¹.

Естественно, что полное уединение невозможно для человека, живущего в миру, но необходимо, чтобы каждый христианин умел уединяться хотя бы на малое время в клеть души своей, там видел свои немощи и приносил в них покаяние.

В Святой Церкви установлены особые периоды, в которые каждый христианин должно позаботиться об очищении себя покаянием. Это четыре поста. В эти периоды Церковь неустанно богослужением и проповедью священнослужителей призывает своих чад оставить земные попечения и встать на путь покаяния и исправления своей жизни. Особенно благоприятным временем для покаяния является по-прище Великого поста.

«В чем заключается подвиг святой Четыредесятницы? — спрашивает епископ Игнатий в одной из своих проповедей и сам же отвечает. — Это подвиг покаяния. В настоящие дни мы стоим пред временем, преимущественно посвященным для покаяния, как бы перед вратами его, и воспеваем исполненную умиления песнь: *покаяния двери отверзи ми, Живодавче!*»².

Сознавая себя всегда, а особенно в периоды святых постов, великим грешником, христианин не должен, однако, вспоминать те из своих грехов, в которых он уже принес покаяние на исповеди. Нужно твердо помнить и верить, что Господь уже простил их. Постоянное же воспроизведение в памяти прежних грехов может возбудить в душе сочувствие к ним и привести к повторным падениям. «Воспоминание прежних телесных грехов, — пишет святитель Игнатий, — очень вредно и воспрещается святыми Отцами.

¹ Прилож. Т. 3. С. 92. № 302. Подобные же мысли высказаны Владыкой в письме № 164. Т. 3. С. 229. || ² Соч. Т. 4. С. 35.

Тут действует неверие, недостаток уважения к Таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность»¹.

Труден путь покаяния, но без него христианин не может преуспеть ни в одной добродетели. Многочисленные и самые возвышенные подвиги, не растворенные чувством покаяния, становятся бесплодными и даже душевредными. Покаяние есть единственный истинный путь, следяя которому можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Покаяние для земного странника не имеет предела, оно сопровождает его до гроба и отверзает ему врата рая.

Истинное покаяние уже здесь, на земле, приносит дивные плоды. Оно вселяет в сердце христианина успокоение и услаждение, восстанавливает между людьми разрушенный мир, разрешает недоумения, врачует душу от вражды и памятозлобия. По словам епископа Игнатия, «покаяние вводит в сердце ощущения благодатные, чуждые падшему естеству, научает ум и сердце истинному Богослужению, научает приносить Богу единую приемлемую Им жертву от падшего человеческого естества: сокрушение и смирение духа. Дух человеческий, пришедший в это состояние, вступает в общение с Духом Божиим, в чем и заключается обновление и спасение человека»².

Все святые шли путем постоянного покаянного подвига, и чем больше они преуспевали в нем, тем более чувствовали необходимость в покаянии. В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит жизнь (житие) преподобного Сисоя Великого. Преподобный Сисой Великий проводил подвижническую жизнь в египетской пустыне и был преисполнен многих даров Святого Духа; однако когда наступила его кончина, он выразил желание остаться еще на некоторое время в земной жизни, чтобы усовершенствоваться в покаянии.

У христианина, духовная жизнь которого основана на покаянии, жажда покаяния к концу жизни поглощает все другие пожелания и стремления.

Читая письма епископа Игнатия в хронологическом порядке, невольно замечаем, что желание предаться покая-

¹ Прилож. Т. 3. С. 245. № 369. || ² Соч. Т. 4. С. 12.

нию в уединении было в его душе на протяжении всей жизни. Еще будучи послушником и живя в Площанской пустыни (1829), он ищет уединения и с этой целью поселяется вместе с Михаилом Чихачовым отдельно от монастырской братии в монастырском саду. Но с непреодолимой силой жажда покаяния побуждает его искать уединения к концу жизни. В 1860 году Преосвященный пишет: «Я молю Бога, чтоб даровал мне поприще покаяния. По моему мнению: я еще не начинал покаяния и вполне разделяю мнение преподобного Исаии Отшельника, ...что доколе человек находится в развлечении и попечении, дотоле он не может стяжать покаяния»¹.

В 1862 году, удалившись от бурь житейского моря в пристань покаяния — обитель, Владыка писал своему брату Петру Александровичу, пожелавшему оставить губернаторство в Ставрополе и удалиться в монастырь к брату-святителю, следующее: «Нам обоим уже недолго странствовать на земле. Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии, этот великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу судьбу в вечности. Св. Тихон Воронежский перед кончиною своею особенно благодарили Бога за то, что ему дан был этот дар. Точно: при кончине именно окажется вся драгоценность этого дара»².

В своей жизни епископ Игнатий нашел бесценный дар — «село покаяния»; найдя его, он стремился поделиться им с людьми, жаждущими обновить свою духовную жизнь. Тех людей, которые были близки к нему, он поучал покаяния словом и примером своей жизни, для последующих же поколений истинных богоискателей он оставил свои произведения, которые исполнены духом покаяния и на основе этой добродетели научают читателей всех времен совершать подвиг своего спасения.

Свое стремление не только самому быть обладателем дара покаяния, но и сообщать его другим, епископ Игнатий прекрасно выразил в одном из своих писем: «...Милосердый Господь, дарующий рабам Своим все в известное Ему время, да дарует мне странствующему приют покаяния. Да дарует Он мне этот драгоценный дар! и поделюсь я сокро-

¹ Прилож. Т. 4. С. 305—306. № 736. || ² Там же. С. 203, 204. № 638.

вищами, доставляемыми покаянием, с друзьями моими о Господе. Дар покаяния — залог вечного блаженства. Убеленный покаянием да ввиду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием. Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Наконец, желающий купить это село, должен продать все имение свое, чтоб купить село покаяния. Пусть буду жить купцом! Пусть буду обладать этим духовным даром во спасение мое и ближних!»¹

VII. Молитва

Еще в детстве научившись молиться и всю свою жизнь пребывая в делании ее, епископ Игнатий из личного опыта знал, какое большое значение имеет молитва в духовной жизни христианина.

Среди своих современников Владыка видел почти повсеместное оскудение правильного понимания молитвы и оставление истинного молитвенного подвига. Он писал: «В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! ...Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению»².

Желание научить современников, обращавшихся к нему за наставлениями в духовной жизни, побудило епископа Игнатия написать несколько статей о молитве, которые со временем вошли в собрание его сочинений. Неоднократно в проповедях и письмах Святитель также касался этого важного вопроса.

Молитва, по объяснению епископа Игнатия, есть обращение падшего и кающегося человека к Богу, излияние перед Ним своих сердечных желаний и прошений.

Всесовершенному Богу не чужды человеческие молитвы. Господь знает нужды каждого человека прежде его прошения; по Своей милости Он нередко дарует Свои щедроты людям, и не просившим Его об этом.

Молитва необходима прежде всего самому молящемуся, она усvoяет человека Богу, приближает тварь ко Творцу.

¹ Прилож. Т. 3. С. 92. № 302. || ² Прилож. Т. 4. С. 269. № 699.

«Молитва — причащение жизни. Оставление ее приносит душу невидимую смерть»¹.

Владыка Игнатий, вслед за многими святыми Отцами, молитву считал основой христианского подвига. Правильный молитвенный подвиг — основа духовного преуспения христианина. В молитвенном подвиге сосредотачиваются и для совершенства в нем предпринимаются «как служебные ему» все другие подвиги.

Повторяя слова святого Иоанна Лествичника, святитель Игнатий говорит, что молитва есть «мать и глава всех добродетелей» — ...она заимствует добродетели из Источника всех благ — Бога и усвояет их тому, кто молитвой пребывает в общении с Богом.

Чтобы христианину вступить в общение с Богом посредством молитвы и преуспевать в добродетелях, ему нужно научиться правильной молитве.

Владыка уподоблял молитву оружию, при правильном употреблении которого, христианин может побороть всех невидимых врагов своего спасения. Как при необдуманном, неправильном обращении с оружием человек может сам погубить свою жизнь, так и при неправильном упражнении в молитве он может «орудием,енным во спасение», убить свою душу.

Преосвященный Игнатий видел, что в его время многие в молитвенном подвиге искали наслаждения и восторгов, разгорячили свое воображение и мечтательность и, по мере усиления неправильного молитвенного подвига, приходили в большее или меньшее душевное расстройство.

Следуя учению святых Отцов, святитель Игнатий считал, что правильная молитва возможна лишь для тех христиан, сердца которых преисполнены чувством покаяния. Он писал: «Для правильности молитвы надобно, чтобы она приносилась из сердца, наполненного нищеты духа, из сердца сокрушенного и смиренного. Все другие состояния сердца, до обновления его Духом Святым, признавай, каковы и точно они — не свойственными кающемуся грешнику, умоляющему Бога о прощении грехов своих, об освобождении — как из темницы и оков — из порабощения страстями»².

¹ Соч. Т. 1. С. 141. || ² Там же. С. 140.

Покаяние есть единственное чувство, которым должны быть преисполнены все молитвы христианина. Имея в сердце это спасительное чувство, христианин никогда не возмечтает о наслаждениях и восторгах в молитве.

Имея основой чувство покаяния, правильная молитва должна быть соединена со всецелым вниманием молящегося. При молитве ум должен быть заключен в слова молитвы.

Вниманию при молитве епископ Игнатий придавал большое значение. Он писал: «Что душа для тела, то внимание для молитвы, без внимания она мертва, не имеет никакого значения»¹. Внимательная молитва приводит человеческий дух к смирению, и от смирения рождается покаяние.

Любая молитва: чтение утренних и вечерних молитв, акафистов, занятие Иисусовой молитвой и прочие молитвословия — для благотворного влияния на человека должны быть соединены со вниманием.

Человеку, впервые приступающему к молитвенному правилу, епископ Игнатий советует соблюдать благоразумную умеренность — молиться недолго, но по возможности часто.

«Новоначальному, — пишет Владыка, — должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы»².

Для сохранения внимания начинающему полезно читать молитвы несколько вслух, если он находится один в помещении, и разнообразить произносимые молитвы — читать попеременно акафисты, Иисусову молитву и другие молитвословия. Никто из приступивших к молитвенному подвигу не должен сразу же требовать от себя совершенной, не рассеиваемой посторонними помыслами молитвы.

Внимательная молитва есть дар Божий, и человек должен предуготовить себя к принятию этого дара постоянным побуждением себя к внимательной молитве.

Чтобы молитвенный подвиг получил правильное направление, каждому христианину полезно ежедневно совершать определенное молитвенное правило.

Молитвенные правила могут быть самые разнообразные в зависимости от времени и телесных сил тех, кто исполня-

¹ Прилож. Т. 3. С. 253. № 376. Подробнее о внимании при молитве см.: ч. III, гл.4. || ² Прилож. Т. 3. С. 253. № 376.

ет их. Обычно правило состоит из утренних и вечерних молитв, определенного числа земных поклонов, канонов, акафистов и Иисусовых молитв.

Молитвенное правило мирянина, по мнению владыки Игнатия, должно быть прежде всего соразмерно с его силами и как можно проще и малосложнее. Исполнение правила, превышающего силы человека, обычно очень скоро приводит к тому, что молящийся не только оставляет это правило, но и вообще перестает молиться, чем пресекает свое духовное совершенство. Правило, соразмерное силам человека, исполняемое ежедневно, способствует духовному совершенству человека и по мере его духовного роста может быть со временем увеличено. Несложность правила способствует большей сосредоточенности молящегося.

Зная, как трудно начинающему молиться приучать себя к внимательной молитве, Владыка разрешил своим пасомым прочитывать молитвенное правило постепенно в течение всего дня, а не все сразу; даже чтение акафиста и собрания утренних и вечерних молитв он допускал не за «один раз».

Из всех молитвословий для начинающего Владыка считал очень полезным акафист Господу Иисусу. Но и его он советовал читать первоначально не более чем один раз в неделю и очень неспешно и со вниманием. Одному мирянину епископ Игнатий советовал утром и вечером совершать следующее молитвенное правило: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный; Трисвятое; Отче наш; Господи, помилуй 12 раз; Приидите, поклонимся; псалом 50-й; Символ веры; Богородице, Дево, радуйся... трижды. После этого двадцать молитв «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», при каждой молитве земной поклон. Затем 20 этих же молитв с поясными поклонами, затем молитву «Достойно есть, яко воистину...» и «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»¹.

Некоторым из своих пасомых к указанному правилу Владыка добавлял еще 10 поясных поклонов с молитвой «Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси мя грешного» и 10 земных, пять поясных поклонов с молитвой

¹ Прилож. Т. 3. С. 254, 255. № 377.

«Ангеле Божий, хранителю мой святый, моли Бога о мне грешнем»¹.

Утром, после исполнения правила, епископ Игнатий рекомендует прочитать утренние молитвы, две или три главы Евангелия и после этого со страхом и трепетом приступать к своим повседневным занятиям.

В молитвенном правиле мудрый архипастырь никогда не связывал своих пасомых непременными внешними условиями. Предлагая своим пасомым молитвенные правила, он всегда оставлял за ними возможность несколько увеличить или уменьшить его в соответствии со своими силами. Некоторым он разрешал даже совершать молитвенное правило сидя. Особенно снисходителен был Владыка к больным, им он не назначал определенного молитвенного правила, но советовал молиться чаще, употребляя для этого прекрасные краткие молитвы: «Боже, очисти мя грешнаго» и «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас».

Не только утром и вечером, исполняя молитвенное правило, рекомендовал Владыка мирянам молиться, но и по возможности чаще в течение всего дня.

Своей сестре Елизавете Александровне, проводившей уединенный образ жизни в селе Ивашове и занятой попечениями о семье, епископ Игнатий советовал в свободное время заниматься молитвой и каким-нибудь «самым машинальным рукоделием». Самой подходящей молитвой, которую можно удобно совместить с рукоделием, Владыка считал Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Молитвенный подвиг христианина приносит обильные плоды, но прежде чем молящийся сподобится получить их, ему нередко приходится преодолеть многие внутренние трудности.

Опытный делатель молитвы, епископ Игнатий предупреждает, что молитве иногда сопутствует обильное умиление, а иногда в душе наступает особая сухость. На эти внутренние состояния Владыка советует смотреть совершенно равнодушно и с терпением продолжать молитву, не стремясь и не считая себя достойным умиления, которое ниспосыпается Господом лишь в сердца смиренные и очи-

¹ Прилож. Т. 4. С. 24. № 502.

щенные от порока долгим молитвенным подвигом. «Когда при молитве ощущается нечувствие, то, несмотря на это состояние нечувствия, полезно нудиться к внимательной молитве и не оставлять молитвенного подвига, творя молитву гласно и неспешно, потому что после нечувствия внезапно прилагается к сердцу благодать Божия, и оно приходит в умиление», — писал Владыка¹.

Враг рода человеческого завидует христианам, занимающимся внимательной молитвой, и всегда старается наводить на них различные искушения.

Делателю молитвы святитель Игнатий напоминает слова святых Отцов: «Помолясь как должно, ожидай противного» — какого-либо смущения или искушения. Однако, по глубокому убеждению Владыки, все искушения, случившиеся после молитвы, совершаются не без Промысла Божия, и, если христианин мужественно переносит их, они послужат к приобретению опытности в духовной борьбе.

В противоположность распространенному мнению, что Иисусовой молитвой могут заниматься лишь одни монахи, епископ Игнатий считал и многих мирян способными заниматься этим спасительным деланием.

Как уже было сказано, молитвенное правило, назначаемое Владыкой мирянам, включало определенное количество Иисусовых молитв. Некоторым мирянам Преосвященный благословлял «проходить» по пять четок в день. Своим сестрам (Александре и Елизавете) Владыка неоднократно в письмах напоминал, что они при всех занятиях не должны забывать Иисусовой молитвы. Однако зная, как легко делателю Иисусовой молитвы без опытного руководства уклониться от правильного пути и неисцельно повредить свою душу, приняв ложь за истину, епископ Игнатий не советовал мирянам особенно углубляться в умное делание. Благословив одному мирянину заниматься Иисусовой молитвой, Владыка в то же время в предостережение ему написал: «По вашему жительству посреди мира и по недавности и новости на пути этом, вам нейдет сильно вдаваться в молитву, что требует или большой духовной опытности, или близости руководителя...»².

¹ Прилож. Т. 4. С. 271. № 701. || ² Прилож. Т. 3. С. 331. № 432.

Миряном епископ Игнатий советовал Иисусову молитву произносить (в отсутствие посторонних лиц) очень неспешно вслух тихим голосом — «устами и языком, чтобы слышать самому себя». При посторонних лицах Владыка допускал миряном совершать молитву одним умом. Пытаться же творить Иисусову молитву умом в сердце и употреблять для этой цели вспомогательные механизмы, по мнению Святителя, очень опасно как для мирян, так и для монахов.

«Весьма ошибочно твое искание места сердечного! Если будешь заключать ум в слова, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо молиться при этом сочувствии. Такая молитва есть молитва покаяния. Когда же через покаяние очистится человек, то место сердечное обозначится само собою»¹, — писал Преосвященный мирянину, занимавшемуся умным деланием. В следующем письме этому же лицу Преосвященный писал: «Благую часть ты избрал, оставляя все механизмы и довольствуясь заключением ума в слова: это поведет к самым правильным результатам без всякой примеси прелести, которой ты мог подвергнуться и отчасти уже подвергался, употребляя механизмы, которые тебе нейдут»².

Велико значение молитвы в духовной жизни христианина. Время, проведенное в молитве, не истрачено понапрасну, а употреблено для насаждения в своей душе Царствия Небесного и приближения к Богу. Епископ Игнатий считал, что «молитва, как беседа с Богом, сама собою — высокое благо, часто гораздо больше того, которого просит человек, и милосердый Бог, не исполняя прошения, оставляет просителя при его молитве, чтоб он не потерял ее, не оставил это высшее благо, когда получит просимое благо, гораздо меньшее»³.

Молитва не только порождает все христианские добродетели, но и приносит облегчение совести, примиряет с близкими и с обстоятельствами жизни, поселяет в душе мир и возбуждает милость и сострадание к человечеству, искореняет страсти, делает человека хладным к миру и покорным Богу, дает силы в борьбе с греховными помыслами и влечениями.

¹ Прилож. Т. 4. С. 271. № 701. || ² Там же. С. 272. № 702. || ³ Соч. Т. 1. С. 142.

Молитва неотступно сопровождает истинного христианина в течение всей его жизни, укрепляет и утешает его при всех скорбях, болезнях и искушениях. Она жителя земли делает причастником небесных благ.

«Возлюбленные братия! — обращается епископ Игнатий к христианам, — чтобы преуспеть в молитвенном подвиге, чтобы в свое время, по неизреченной милости Божией, вкусить сладчайший плод молитвы, состоящий в обновлении всего человека Святым Духом, надо молиться постоянно, надо мужественно переносить те трудности и скорби, с которыми сопряжен молитвенный подвиг. Это заповедал нам Господь: «Подобает всегда молитися и не стужати си (и не унывать)» (Лк. 18. 1).

VIII. Постоянное бодрствование над собой

Совершенство христианина в духовной жизни невозможно без постоянного наблюдения — бодрствования над самим собой.

Все существо человека повреждено грехом. Грех стал как бы второй природой человека — природой, которая непрестанно предъявляет свои порочные требования. Человек рождается с наклонностью ко всем видам греха, потому что в первородном грехе заключается семя всех страстей.

Размышляя о греховности человеческой природы, Владыка говорит: «Действует во мне грех мыслию греховною, действует ощущением греховным, ощущением сердца и ощущением тела: действует через телесные чувства, действует через воображение»¹.

Грех противоестествен непорочному естеству человека, каким оно было создано, противоестествен он и естеству, обновленному Христом, но он естествен падшей человеческой природе.

До пришествия в мир Спасителя человек не имел сил противиться греху, который насилино увлекал его и властвовал над ним против его воли. Христианин в таинстве Святого Крещения освобождается от рабства греху и получает силы бороться с ним.

Обновленному человеку, «помещенному в духовном раю — Церкви», как и первому человеку, представлена

¹ Соч. Т. 2. С. 120.

свобода. Человек может воспользоваться силами, данными ему в Крещении, вступить в борьбу со страстями и с помощью Божией победить их или произвольно поработить себя греху. Грех не истребляется в человеке после Крещения, но теряет свою силу и не может уже насилино господствовать над христианами. И после Крещения в человеческой природе добро смешано со злом. «Сердечная земля наша, — пишет святитель Игнатий, — не престает производить зло... и добру не дает произрастать одному, цельному, но всегда с примесью зла»¹.

Чтобы не дать возможности греху возобладать в душе, каждому христианину предстоит постоянный подвиг очищения своего сердца от многих явных и тайных греховых страстей. «Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждают его быть на страже, постоянно вызывая его на борьбу...», — пишет Святитель.

Подвиг борьбы с грехом епископ Игнатий называл «пожизненным», потому что в любое время и в любом возрасте страсти могут восстать в человеке, и нужно быть очень внимательным к себе, чтобы не дать им возможность поработить свое сердце. Даже в глубокой старости, когда, казалось бы, тело человека становится мертвым к естественным влечениям, страсти не исчезают совершенно в человеке. «Бесстыдны страсти, — пишет Владыка, — могут восстать они и в лежащем на смертном одре. Даже на смертном одре невозможно прекратить бдительность над собой. Поверь бесстрастию тела твоего тогда, когда оно уляжется в гроб»². Только смерть освобождает человека от бдительности над собой.

Праведники и те бывают несвободны от повседневных прегрешений, следовательно, и от бдительности над собой, как свидетельствует Слово Божие: «Седмерицею падает праведник, и восстает» (Притч. 24, 16). Епископ Игнатий разъясняет, что в данном месте Священного Писания говорится о «падениях легких от немощи, называемых грехами простительными», от них праведники не были свободны, а не от тяжких смертных грехопадений.

Чтобы непрестанно стоять на страже своего сердца, нужно знать о своей греховности, нужно видеть духовным оком все множество своих пороков. ЭП Н ЯЯК

¹ Прилож. Т. 3. С. 357. № 459. || ² Соч. Т. 1. С. 526.

Большинство людей проводит рассеянный образ жизни и, ежедневно удовлетворяя свои страсти, даже не замечает этого. Нередко бывает, что плотский разум человека не только оправдывает порочные влечения своего сердца, но даже признает порок добродетелью.

Только Христово Евангелие открывает человеку его душевые очи и дает ему возможность познать в полной мере действительное состояние человека — его греховность и страстность. Преосвященный Игнатий свидетельствует, что только «один истинный христианин, постоянно внимающий себе, поучающийся в законе Господнем день и ночь, старающийся исполнять евангельские заповеди со всею тщательностию, может увидеть свои грехи и страсти»¹. Слово Божие открывает человеку его действительное греховное состояние; оно же и научает человека правильной борьбе с грехом. Только Священное Писание и творения святых Отцов во всей полноте показывают человеку его греховность, называют христианина в любых жизненных условиях быть на страже своей души и не делать послаблений своему греховному естеству. Руководствуясь же своим естественным разумом или учением плотского мудрования, невозможно преуспеть в борьбе с пороком. Одному из своих знакомых, временно проживавшему в «древнем христианском городе» — Москве, епископ Игнатий писал: «...И в таком прекрасном месте должно наблюдать за своим сердцем, при свете, который издают из себя Священное Писание и писания святых Отцов, а отнюдь не при нашем собственном свете, поврежденном падением, зараженным прелестию, или при каком-нибудь другом ложном свете».

Увидев в себе страсти, христианин не должен приходить в недоумение, но мужественно готовиться к духовной браны.

По премудрому усмотрению Божию, постоянная борьба со страстями способствует духовному преуспению христианина. Изведав на опыте пользу от духовных браней, епископ-подвижник писал: «Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, смиряет надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживает это состояние, — заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя»².

¹ Соч. Т. 1. С. 528. || ² Там же. С. 526.

На поприще борьбы с пороком у каждого христианина бывают победы, но нередко бывают и невольные поражения. За победы христианин благодарит Бога, даровавшего силы к победе, а от поражений он не должен приходить в уныние. Каждое поражение послужит его духовному росту, если христианин будет после поражений усиливать свое покаяние и приходить к большему смирению.

Сколько бы раз воин Христов ни падал, сраженный грехом, если после каждого падения он будет укорять себя, смиряться и снова восставать на борьбу с пороком, то он в конце концов с Божией помощью выйдет победителем из духовной брани. В одном из писем, раскрывая законы духовной борьбы, Владыка сравнивает грехи с плевелами и пишет, что «...кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодущие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое: растут, будучи выполоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы. Таким положением укореняется в человеке смирение. К смирению нисходит милость Божия»¹.

Труден подвиг борьбы со страстями, которые гнездятся в греховном естестве человека, и блажен тот, кто постоянно следит за каждым движением своего сердца и сразу же покаянием пресекает каждое греховное влечение и даже каждый порочный помысел. Любой грех, пораженный покаянием при самом его появлении, теряет свою силу, не может получить дальнейшего губительного развития и осуществиться делом. Но во много раз труднее подвиг борьбы с грехом, который овладел умом человека, свил себе гнездо в его сердце и, возможно, был совершен самим делом. Повторенный неоднократно, грех порабощает совершенно человека и становится страстью. Для борьбы с укоренившимся грехом нужен долгий и упорный труд. «Нужно много времени, нужен кровавый подвиг, нужно особенное Божие милосердие, особенная Божия помощь, чтоб свергнуть иго страсти, принятой произвольно, получившей власть над человеком или от падения человека в смертный грех, или для преступного произвольного наслаждения грехом...»² — писал владыка Игнатий.

¹ Прилож. Т. 3. С. 250. № 373. || ² Соч. Т. 1. С. 529.

Каждый христианин, имеющий твердое намерение трезвиться и бодрствовать в подвиге духовного совершенства, должен стараться полностью сосредоточить внимание на своей внутренней жизни. Епископ Игнатий считал, что внимание к себе есть одно из условий спасения. «Желающий спастиесь, — пишет он, — должен так устроить себя, чтобы он мог сохранить *внимание к себе* не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами»¹.

В подтверждение необходимости внимания в духовной жизни Владыка приводит слова аввы Агафона, который сказал: «Невозможно без усиленного внимания себе преуспеть в добродетели».

Для обучения вниманию к себе святитель Игнатий советует устраниТЬ из своей жизни все пустые занятия, вовлекающие в развлечения. Занятия частные и общественные, по мнению Владыки, не препятствуют, а способствуют сохранению внимания к себе. Праздность приводит к рассеянности, а полезная деятельность к вниманию. «Деятельность — необходимый путь к бдительности над собой, и этот путь предписывается святыми Отцами для всех, которые хотят научиться вниманию себе»², — разъясняет архиепископ Труженик.

В одном из писем к сестре, Елизавете Александровне, епископ Игнатий говорит ей о пользе рукоделия и занятий по хозяйству, которые удаляют праздность и облегчают уму невидимую брань. При праздности страсти могут с особой силой восстать и потребуют многих усилий для укрощения их. В том же письме Владыка советует сестре сохранять благоразумие и не выходить на борьбу, которая может превысить ее силы, и по возможности стараться разумным трудом облегчить свои браны.

Много усилий нужно, чтобы приучить себя ко вниманию, но без внимания невозможно преуспеть в духовных бранях. Человек, стяжавший навык всегда внимать себе, со временем начинает смотреть на земную жизнь очами веры и приобретает глубокие духовные познания. Скорби, страдания и болезни не страшны для внимающего постоянно своей душе христианина. Все жизненные трудности он принимает, как от руки Самого Бога и видит в них «чашу

¹ Соч. Т. 1. С. 289. || ² Там же. С. 375.

Христову», которую нужно ему испить для очищения себя от грехов.

Ничто так не опасно для жизни духовной, как рассеянный образ жизни. Во свидетельство этой истины епископ Игнатий приводит мнение преподобного Пимена Великого, который признал рассеянность началом всех зол.

Владыка сравнивал рассеянного человека с домом, у которого нет дверей и затворов, — тати, разбойники и блудницы в любое время вторгаются в него и расхищают все его сокровища. Рассеянный человек не имеет ни в чем постоянства; подобно мотыльку, порхает он с цветка на цветок — от одного удовольствия к другому. Он не способен ни к чему возвышенному, его интересуют одни земные попечения. Постоянный подвиг совершенствования, предуготовляющий к вечной жизни, органически неприемлем для рассеянного, так как он требует постоянной бдительности, внимания и напряжения.

Человек, ведущий рассеянный образ жизни, не имеет основательных познаний и убеждений и поэтому жизненные трудности очень быстро сокрушают его. Рассеянный неспособен переносить скорби и искушения — непременные спутники земной жизни каждого человека. Он ищет в жизни только одних радостей и не может возвыситься до той высоты, чтобы понять очистительное значение скорбей. При нахождении скорби рассеянный быстро впадает в уныние и отчаяние. О рассеянности епископ Игнатий пишет, что этот «недуг так велик, так притупляет чувства души, что душа, болезнующая им, даже не ощущает своего бедственного состояния»¹.

Рассеянность очень часто может привести к мечтательности. Большинство людей совершенно не обращает внимания на то, чем бывает занят их ум в минуты праздности. Последний, оставленный без надзора, часто в мечтаниях уводит человека в глубокие греховные дебри. Открывая мысли мечтателя, Епископ-аскет пишет, что в воображении мечтателя то порой сверкает кинжал над главою врагов его, и сердце упивается удовлетворенным мщением, то представляет он (мечтатель) рассыпанные кучи золота, а вслед за ними великолепные палаты, сады и все предметы роско-

¹ Соч. Т. 1. С. 375.

ши, сладострастия и гордости, приобретенные на это золото, то прельщают его мечты почестями, властию, тленною славою, то мечты представляют ему столы с дымящимися и благоухающими яствами, то кажется мечтателю, что он достиг праведности и достоин многих человеческих похвал и прославления.

Последствия постоянной и укоренившейся мечтательности могут быть очень плачевны. Мечтатель теряет способность иметь внимание к себе, ум его перестает быть собранным, сосредоточенным, сердце приобретает жестокость при молитве, следствием чего бывает душевное расстройство.

Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще, как бы она ни казалась приманчивой и благовидной: всякая мечтательность есть скитание ума вне истины, в стране призраков, несуществующих и не могущих осуществиться, льстящих уму и его обманывающих, — наставлял епископ Игнатий.

Христианин, внимающий своему спасению, должен помнить, что любой порок, если возобладает в человеке, может погубить его душу. Послабление одному греховному навыку может открыть вход в душу многим грехам и порокам.

Христианин, зная склонность человеческой природы ко всем порокам, должен быть постоянно готов противостоять всем страстям. При этом каждый христианин, по совету Владыки, должен внимательно следить за собой и особенно бодрствовать против той страсти, которая чаще других восстает в нем.

Постоянное бдение над своим сердцем и искоренение из него всех греховых навыков будут постоянно вести христианина по духовному пути совершенствования. На этом пути чем больше христианин очищается и преуспевает, тем больше пороков видит в себе, глубже постигает греховность человека и стремится очистить и омыть свою душу подвигом покаяния.

Как бы продолжителен и многотруден ни был подвиг бдения над собой и борьбы со грехом, однако, по мудрому разъяснению владыки Игнатия, «не подвиг освобождает христианина от владычества страстей: освобождает его десница Всевышнего, освобождает его благодать Святого Духа». Своим подвигом, своими силами христианин сви-

детельствует лишь о своем произволении избавиться от греха.

Непрестанное памятование этой истины избавит христианина от самонадеянности и гордости.

В творениях епископа Игнатия имеется несколько практических советов, как христианину приучить себя к непрестанному бодрствованию над собой, над своим сердцем.

Желающий приучить себя к вниманию, по мнению святителя Игнатия, должен обладать благоразумной воздержанностью в пище. Умеренное и равномерное употребление пищи уменьшает жар в крови, содействует вниманию к себе. Объедение рождает множество разгоряченных помыслов; питает страсти, возбуждает мечтательность и приводит к рассеянности. «Приучись быть воздержанным в пище, — пишет Владыка, — воздержанием доставишь здравие и крепость телу, а уму особенную бодрость, столь нужную в деле спасения, очень полезную и при земных упражнениях¹. Если чрезмерное употребление пищи приводит к рассеянности, то употребление вина совершенно делает человека неспособным к бодрствованию над собой. Архипастырь-аскет справедливо считал, что «вино лишает человека способности сохранить ум в трезвости». «Когда подвижник подвергается действию вина, тогда приступают к ослабевшему и омрачившемуся уму его супостаты, и ум уже не в силах бороться с ними. Связанный действием вина, он увлекается в пропасть греховную! В одно мгновение погибают плоды долговременного подвига...»². Блажен тот христианин, который, зная, как пагубно действует вино на духовное состояние человека, будет воздержан в вине. Никто не рождается на свет пьяницей, люди из-за небрежения к себе становятся рабами вина. «Знал ли подверженный недугу пьянства, выпивая первую рюмку, что он начинает самоубийство? Так называю этот несчастный навык, губящий и душу и тело», — пишет Преосвященный Игнатий³.

Христианину можно употреблять вино в весьма малом количестве, кто же не может ограничиться малой мерой, тому лучше совершенно не употреблять вина.

«Служителю Христову надо охраняться не только от пьянства, но и от привычки к многому употреблению вина, разго-

¹ Соч. Т. 1. С. 378. || ² Там же. С. 379. || ³ Там же. С. 377.

речающего плоть и возбуждающего в ней скотские пожелания»¹ — заповедует всем христианам мудрый архиастырь.

Особенно опасно употребление вина в юном возрасте. Зная, как склонна юность ко греху, Владыка советовал благонамеренным юношам быть особенно бдительным к себе и всеустроено воспитывать в себе добрые навыки, а при первом же обнаружении наклонности ко греху сразу же отсекать порочные вожделения.

«Юноша, — взвывает Владыка, — будь благоразумен и предусмотрителен: в годы юности твоей обрати особенное внимание на приобретение хороших привычек; в лета зрелости и старости твоей возрадуешься о богатстве, приобретенном беструдно в лета юности»².

Тем же, кто обратился ко Христу в зрелом возрасте, долгое время не следил за своей душой и успел стяжать много порочных навыков, любвеобильный архиастырь советует не предаваться унынию и двоедущию, но «мужественно вступить в борьбу с злыми навыками».

Подвиг непрестанного трезвения необходим христианину на всех ступенях совершенства. Даже подвижнику, сподобившемуся благодатных дарований, необходимо непрестанно долгим подвигом бодрствовать и не оживать для греха в вечной смерти.

В одном из писем Владыка следующими исполненными поэтического вдохновения словами описывает изменчивость и удобопреклонность ко греху человеческой природы: «Я сказал бы: умерщвленный видением духовным... не оживает уже для мира. Увы! Я сказал бы несправедливо. Увы! Оживает человек и для смерти! Ожил Соломон для смерти! Ожил для нее Иуда! Ожили для нее многие! ...Увы! Как мы слабы, как переменчивы! ...Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!»³

Только постоянный подвиг бдения над собой делает возможным христианину умереть для греха и более не оживать для него, но постепенно восходить от силы в силу на поприще делания евангельских добродетелей.

IX. Любовь к ближним

Кажется, ни о чем так часто не беседуют проповедники, как о любви. Сколько раздается призывов к стяжанию этой

¹ Соч. Т. 1. С. 379. || ² Там же. С. 377. || ³ Соч. Т. 4. С. 450.

высшей добродетели, и, однако, редкий вития может указать правильный путь к приобретению любви. Только тот, кто сам преуспел в любви, может и других научить, как стяжать ее.

Обратимся же к учению о любви архипастыря-подвижника, от юности своей всем сердцем возлюбившего Бога и ближних.

Заповедь о любви к Богу, по мнению Владыки, настолько возвышеннее заповеди любви к ближнему, насколько Бог выше Своего образа, но заповедь о любви к близким есть основание любви к Богу.

Чувство любви к близким присуще каждой человеческой душе, но, как и все другие чувства, естественная любовь извращена грехом. Святитель Игнатий пишет: «В каких язвах — наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва — пристрастие! Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей»¹.

Естественная любовь стремится доставить любимому земное благополучие, все духовное и вечное ей чуждо. Естественной любовью руководит плоть и кровь, которые в свою очередь очень легко могут быть возбуждаемы отверженными духами. В естественной любви нет постоянства, она может возгореться очень сильно, но нередко после короткого времени легко обращается в отвращение и даже ненависть. В период своего наивысшего развития естественная любовь хочет безгранично владеть объектом своей любви и, если не достигает желаемого, бывает способна на многие безрассудные поступки и даже преступления. По словам епископа Игнатия, «естественная любовь выражалась и кинжалом».

Естественная плотская любовь недостойна называться любовью, потому что она ничего не имеет общего с истинной любовью к близким, заповеданной Христом Спасителем в Его Евангелии. «Любовь, ...запечатленная падением, недостойна именоваться любовью: она — искажение любви, она... враждебна любви святой, истинной», — говорил Владыка². Пред Богом не имеет цены плотская, естественная любовь к близким, она отвергается Господом как дар непотребный. Только любовь, почерпнутая в Евангелии,

¹ Соч. Т.1. С. 124. || ² Прилож. Т. 3. С. 143. № 326.

любовь святая и духовная, достойна называться любовью и принимается Богом как дар благоприятный.

Для стяжания истинной любви нужно отвергнуть, умертвить в себе естественную любовь и приступить к жизни по евангельским заповедям. «Приступим к Евангелию... — приглашает святитель Игнатий всех христиан, стремящихся иметь к ближним истинную любовь, — поглядимся в это зеркало! Глядясь в него, свергнем ризы ветхие, в которые облекло нас падение, украсимся ризою новою, которая подготовлена нам Богом»¹. Исполнение евангельских заповедей избавляет человека от греховного плена и приводит под руководство Святого Духа. Который наставляет истинной, святой любви к ближним.

Истинная любовь к ближним имеет основанием веру в Бога. Она вся в Боге, так как Бог есть любовь (Ин. 4. 16). В ближнем христианин любит Христа, ибо Спаситель «благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, во Христе Бог».

Духовная любовь исполнена простоты и веры ближним, в ней нет подозрительности и ревности; постоянство и мудрая рассудительность — непременные качества ее.

Путь к достижению духовной любви к ближним многоструден и связан с подвигом искоренения из человеческого естества греха во всем его разнообразии.

Истинная любовь к ближним не может мгновенно воссиять в сердце христианина. Как при достижении любой христианской добродетели, так и при стяжании любви к ближним имеется определенная последовательность. Первоначально необходимо отвергнуть вражду, памятозлобие, гнев, осуждение и все те чувства, которые противоположны любви. Затем нужно, повинувшись Евангелию, научиться молиться за врагов, благословлять клянущих, делать добро ненавидящим и прощать ближним все, что они сделали плохого нам. Что исполнить все перечисленные евангельские заповеди не только на словах, но и в жизни, нужен многолетний подвиг самоотречения. «Пожертвуй всем, — пишет Владыка, — для исполнения евангельских заповедей. Без такого пожертвования ты не можешь быть исполнителем их»².

¹ Соч. Т. 1. С. 124. || ² Там же. С. 125.

Желающий достигнуть истинной любви к ближним должен прежде всего отвергнуть самолюбие и человекоугодие, которые укрепляют в человеке естественную любовь.

Самолюбие — искажение любви к самому себе. Тот, кто не имеет к себе духовной любви, не может и ближнего возлюбить духовно.

Человекоугодие — искажение любви по отношению к ближним. Оно, как и самолюбие, является «горестным самообольщением», и, возобладав сердцем человека, делает его неспособным к истинной любви. Только решительное отвержение этих пороков открывает путь к достижению духовной любви. Подвиг искоренения из своего сердца самолюбия и человекоугодия связан с многими усилиями человеческой воли. Греховное естество ожесточенно отстаивает все свои порочные навыки. Епископ Игнатий, употребляя слова святого первомученика и архи диакона Стефана, говорит, что сердца наши, подобно сердцам наших праотцев, «присно противятся Святому Духу» (Деян. 7. 51), и нередко необходима лютая борьба для искоренения греховых чувств. В этой трудной невидимой браны очищения своего сердца за каждую победу Господь награждает подвижника духовным утешением, вкусив которое, он уверенное продолжает начатый подвиг борьбы с усвоившимся человечеству падением. «Учащенные победы, — пишет святитель Игнатий, привлекают учащенное посещение и утешение благодати; тогда человек с ревностию начинает попирать своеугодие и своеволие, стремясь по пути заповедей к евангельскому совершенству...»¹, к достижению духовной любви.

Плотскому человеку, не обновленному еще благодатию Духа Святаго, очень трудно искоренить из своего сердца все проявления естественной любви. Чтобы достичь этого, нужно иметь твердую веру в Бога и предаться всеблагой воле Божией; и не только предать этой воле самого себя, но и всех своих ближних, и в Боге стараться полюбить их. Владыка Игнатий советовал своим пасомым не останавливать в себе чувств расположения к ближним, но быть «проводником их к святому, чистому небу!» Если христианин, обращаясь к Богу, будет говорить о возлюбленных своих:

¹ Соч. Т. 4. С. 262.

«Боже! Они — Твое достояние, Твои создания! Твое Тебе принадлежит, а я — что? Кратковременный странник на земле, внезапно на ней являющийся и внезапно с нее исчезающий», то он постепенно уврачуется от самолюбия и пристрастия к близким и станет способным к чистой любви к близким — любви в Боге.

Кроме всецелого предания своих ближних воле Божией, образованию истинной любви способствует и глубокое внутреннее, а не внешнее почтение к каждому человеку как образу Божию. «Воздай почтение ближнему как образу Божию — почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей... Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия»¹, — советует богоумудрый архипастырь. От внутреннего почтения к образу Божию — человеку — постепенно в сердце христианина появится любовь, причиной которой будет не кровь и плоть, а Бог.

Во все времена христиане, достигшие совершенства, имели в своем сердце любовь ко всем людям, не различая добрых и злых. В самом явном грешнике, лишенном славы христианина, они умели видеть хотя и помраченный пороком, но все же образ Божий, и его они почитали любовью. Епископ Игнатий говорил: «Если образ Божий будет ввергнут в пламень ада, и там я должен почтить его, что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию и тем сохранить себя от ада»².

Святитель призывал оказывать глубокое почтение всем людям, невзирая на их внешнее положение и состояние. Слепые, прокаженные, поврежденные рассудком, младенцы, уголовные преступники и язычники — все они являются образом Божиим и поэтому достойны любви. Человеческие немощи и недостатки, как бы велики ни были, для истинного христианина они никогда не могут заслонить образа Божия в человеке.

Ко всем людям, и особенно к христианам, должен относиться с глубоким почтением каждый член Святой Церкви. В христианине он воздает почтение Христу. Господь Сам благоволил все, сделанное ближним во имя Его, принимать

¹ Соч. Т. 1. С. 127. || ² Там же. С. 127.

как дар Ему Самому. «Еже сотворите меньшему сих братий Моих, Мне сотворите», — заповедал Христос (Мф. 25. 40).

Евангелие заповедует любить не только ближних — родных, друзей, но иметь это же святое чувство и к своим врагам. «Любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть, и изгонящия вы» (Мф. 5. 44), — этот призыв Самого Господа обращен со страниц Святого Евангелия ко всем христианам.

Любовь к своим врагам непонятна для плотского разума, и только христианин, просвещенный благодатью Святого Духа, может не только теоретически, но и опытно преуспеть в этой заповеди.

В жизнеописании епископа Игнатия уже говорилось, что Преосвященный достиг такого совершенства, что мог смотреть на своих врагов, как на святых ангелов, поэтому его мнение о любви к врагам имеет особую важность. Владыка считал, что Евангелие предписывает нам любовь ко врагам «не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением». Евангелие говорит о любви к врагам, но в нем же повелевается не вверяться врагам и быть с ними очень осторожными. Спаситель, предостерегая Своих учеников, а в их лице и всех Своих последователей, сказал: «Се, Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие. Внемлите же от человека: предадят бо вы на сонмы, и на сбирающих их биют вас... и будете ненавидими всеми имени Моего ради...» (Мф. 10. 16, 17, 22). В этих словах Господа владыка Игнатий спра-ведливо видит предписание осторожного и, по возможностям, мудрого отношения к своим врагам.

В чем же тогда должна проявляться любовь к своим недругам? По мнению любвеобильного архиастыря, любовь к врагам должна проявляться в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, в хороших словах о них, в благодарности Богу за причиненные врагами напасти, деланием им добра, «благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врагов». Пример всесовершенной любви к врагам явил Сам Спаситель мира Иисус Христос.

В одной из проповедей епископ Игнатий в образец любви к врагам приводит святого первомученика и архиако-

на Стефана, который, побиваемый камнями, молился за своих убийц (Деян. 7. 60). «Пылал... священным огнем святой первомученик Стефан, — сказал Владыка. — Последовали удары смертоносные, от лютости их пал Стефан полумертвым на колени, но огонь любви к ближнему в минуты разлуки с жизнью еще живее воспыпал в нем... Последним движением его сердца было — движение любви к близким, последним словом и делом была молитва за убийц своих»¹.

Епископ Игнатий учил, что не только к врагам, но и к друзьям любовь должна быть освящена духовным рассуждением. Любить друзей нужно во Христе, чтобы Христос был любим в ближнем, а ближний был любим как создание Божие.

Христианин, любящий в ближних Христа, будет иметь ко всем равную любовь. Святитель Игнатий в одном из писем спрашивает: «Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия?» — и сам же разрешает этот вопрос, приведя в пример святых угодников Божиих. Святые, утверждает Владыка, имели ко всем равную любовь, но особенно любили тех, кто проводил благочестивую жизнь. Наставники имели большое расположение к тем пасомым, в которых видели ревность и полное послушание. Наставляемые всегда имеют большую любовь к тем наставникам, в которых они видят живой пример назидания и обилие духовного разума. По мнению Владыки, «любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всем Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, другой меньше. Сокровище — одно!»² Епископ Игнатий постоянным подвигом самоотречения погасил в себе плотскую любовь к близким, поэтому его отношение к близким к нему людям было преисполнено истинной евангельской любовью. Он высоко ценил дружбу, считал ее великим даром Божиим. «Друзей мне дал Бог, — писал Преосвященный, — эту мзду принял я от Всевышнего за мысль самоотвержения, которой последовал с дней юности моей»³. В основе своих отношений с друзьями епископ Игнатий имел Христа, и поэтому крепка и душеспасительна была

¹ Соч. Т. 4. С. 262. || ² Там же. || ³ Прилож. Т. 3. С. 5. № 271.

его дружба. «Только та дружба истинна и крепка, которую основывает и скрепляет Христос», — наставляет Святитель¹.

Епископ Игнатий считал, что преуспеяние в любви к ближним, когда оно в Боге, не имеет конца. Истинной любовью к ближним невозможно насытиться, потому что питает ее беспределный Бог. «Огнь любви требует много пищи для того, чтобы он мог постоянно умножаться, — свидетельствует Владыка, — когда питает его Бог — он непрестанно усиливается, нет ему предела, но когда предоставлено питать его человеку самим собой — скоро оскудеет пища для огня, огнь потускнеет, угаснет»².

Истинная любовь к ближним приносит христианину величайшее духовное наслаждение и уподобляет его обителям рая, ибо она (любовь) есть «печаль души, способной для неба».

Кто сподобился духовной любви к ближним, опытно знает омерзительность плотской любви, искренне приносит покаяние в том, что прежде имел ее, и стремится возреванием в себе любви святой никогда не возвращаться к любви естественной.

Истинная любовь к ближним, как и внимательная молитва, является признаком совершенства христианина. «Возлюбленный брат! — призывает всех христиан епископ Игнатий, — ищи раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата воскресения, во врата Царства Небесного»³.

X. Страх перед Богом и любовь к Богу

Епископ Игнатий говорит, что многие люди, прочитав в Священном Писании, что любовь есть возвышеннейшая добродетель (1 Кор. 13. 13) и что она — Бог (1 Ин. 4. 8), сразу же пытаются развить в своем сердце это чувство: любовью они начинают растворять свои молитвы, богомыслие и все свои действия. Но Бог отвращается от этой нечистой жертвы, она не угодна Ему. Бог приемлет от человека любовь не мечтательную, плотскую, оскверненную гордостью и сладострастием, а чистую, духовную, святую. Тщет-

¹ Прилож. Т. 4. С. 71. № 535. || ² Соч. Т. 4. С. 504. || ³ Соч. Т. 1. С. 128.

но стремление человека служить Богу любовью, которая исходит из свойств падшего человека. Истинная любовь к Богу есть дар Божий. Изливается этот дар действием Святого Духа в души тех людей, которые омылись от греховной скверны и постоянством в подвиге очищения доказали свою способность к принятию этого великого дара.

Преждевременное стремление развить в себе чувство любви, по мнению Владыки, есть самообольщение, устраивающее от правильного служения Богу и вводящее человека в разнообразные заблуждения. Конец этого дерзостного стремления для грешного человека — гибель души.

Эту мысль Владыка раскрывает на примере истории Ветхого Завета. В книге Левит повествуется, что когда сыновья первосвященника Аарона Надав и Авиуд дерзнули принести в жертву Богу огонь чуждый, которого Господь не повелел приносить, то Он покарал их страшной казнью: исшел огонь от Бога и попалил их, и они умерли пред Господом (Лев. 10. 1, 2).

Чуждый огонь, по мнению святителя Игнатия, изображает любовь падшего естества, отчуждавшегося от Господа. Казнью жрецов, дерзнувших принести Богу этот огонь, изображается умерщвление души, которая вознамерилась принести Богу жертву нечистую. Священный огонь, который один разрешалось в Ветхом Завете употреблять при жертвоприношениях, символизирует собой благодатную любовь, исшедшую от естества обновленного и, следовательно, благоприятную Богу.

Грешника, возмечтавшего принести Богу свою нечистую любовь, ожидает наказание подобное тому, которому подверглись сыновья Аарона. Сыновья Аарона были отвергнуты Богом и вследствие этого погибли, душу грешника также ожидают отвержение и гибельное самообольщение.

Естественный правильный и безопасный путь к любви Божией епископ Игнатий, согласно мнению всех святых Отцов, видит в воспитании в своей душе страха перед Богом.

Чувство страха перед Богом нельзя понимать в грубом обычном понимании какого-то животного бессознательного страха. Нет! Чувство страха перед Богом есть одно из возвышенных чувств, которые доступны христианину. Епископ Игнатий свидетельствует, что только опыт открывает высоту этого чувствования. Он пишет: «Высоко и вожде-

ленно ощущение страха Божия! При действии его часто ум притупляет свои очи, престает произносить слова, плодить мысли: благоговейным молчанием, превысшим слόва, выражает сознание своего ничтожества и невыразимую молитву, рождающуюся от этого сознания»¹.

Чувство страха перед Богом, равное глубочайшему благоговению перед Ним, возникает у каждого христианина при размышлении о необъятном величии Божиим и при сознании своей ограниченности, немощности и греховности.

Приступая к Господу, вступая на путь служения Ему, каждый человек должен вспомнить, с каким страхом и трепетом ангелы предстоят Ему.

«Если Он (Бог) умалил Себя для нас, приняв зрак раба по неизреченной любви к нам, то мы не имеем права забываться перед Ним. Мы должны приступать к Нему как рабы к Господу, как твари к Творцу...», — говорит Владыка. Далее он продолжает, что все небожители, окружающие непрестанно Господа, в страхе и трепете предстоят Ему. Преславные серафимы и пламенные херувимы не могут зресть славу Божию, они закрывают крыльями свои огненные лица и «в непрестанном вечном исступлении» вопиют «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!»².

Грешник может предстать перед Богом только в одежде покаяния. Покаяние делает христианина способным к принятию обильных даров Божиих, оно вводит его сперва в страх Божий, а потом постепенно в любовь. Страх Божий есть дар Всевышнего Бога, как и все дары, он испрашивается у Господа молитвою и постоянным деятельным покаянием. По мере преуспевания в покаянии христианин начинает ощущать присутствие Божие, от которого появляется святое ощущение страха. Если при ощущении обычного страха человек старается удалиться от объекта, который вызывает страх, то духовный страх, наоборот, будучи действием Божественной благодати, имеет в себе свойство духовного услаждения и все более и более привлекает человека к Богу.

Священное Писание неоднократно говорит о страхе Божием и полагает его началом премудрости (Притч. 1. 7). Апостол Павел заповедал всем христианам: «Со страхом и

¹ Соч. Т. 4. С. 61. || ² Прилож. Т. 3. С. 92, 93. № 303.

трепетом спасение свое соделывайте» (Флп. 2. 12). Святые Отцы придают страху пред Богом в духовной жизни христианина огромное значение. Они различают в страхе Божием две степени: первоначальный страх — «вводительный», у он свойственен начинаящим, вставшим на путь духовного делания; второй страх — «совершенный», обитает в мужах, достигших в меру любви. Первый вид страха постепенно ослабевает в христианине по мере духовного преусмпения и уступает место страху второму, «совершенному», и он постепенно, под действием Божественной благодати, преобразуется в любовь. Епископ Игнатий считал, что страх есть первое духовное проявление любви к Богу. Христианин, сподобившийся получить и развить в себе дар страха перед Богом, со временем может удостоиться и дара любви.

Любовь к Богу вселяется в сердце христианина от исполнения евангельских заповедей и получает постепенное развитие по мере совершенства в исполнении их. Для стяжания любви требуется неуклонное, постоянное исполнение евангельских заповедей, решительное отвержение греха и любви ко всему временному — требуется следование словам пророка, сказавшего: «Возлюбих заповеди Твоя паче зата и топазия. Сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех» (Пс. 118. 127–128). Если христианин захочет любить Бога и в то же время не оставит любовь ко греху, и если на пути следования к Богу он непрерывно будет озираться назад и даже возвращаться к оставленному греху, он не достигнет цели. «Верность, — пишет святитель Игнатий, — непременное условие любви. Без этого условия любовь расторгается»¹.

Любовь к Богу должна обнимать все человеческое естество. Это заповедал Спаситель мира Иисус Христос, сказав: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всяя души твоей, и всею крепостию твоей и всем помышлением твоим...» (Лк. 10. 27; Мф. 22. 37).

Истинная любовь к Богу исходит от всего сердца, всей души и всего ума. Все силы души, по мнению владыки Игнатия, и даже само тело может принять участие в стремлении к Богу. Прежде всего христианин направляет к Богу свою волю. Чтобы подчинить свою волю воле Божией, нужно

¹ Соч. Т. 1. С. 130.

подробно изучить ее. Воля Божия открыта во Святом Евангелии. Встав на путь исполнения евангельских заповедей и неуклонно шествуя по нему, христианин постепенно привучает себя к постоянному памятованию о Боге. Тщательное изучение Закона Божия, внимательное чтение Евангелия и всего Нового Завета, чтение творений святых Отцов — все это уже есть начало непрестанного памятования Бога. Домашняя молитва каждого и частое, по возможности, посещение храма также способствует памятованию о Боге. Молитвенное настроение, образовавшееся в часы домашней или общественной молитвы, в душе христианина сохраняется нередко в течение всего дня и приводит ум и сердце к Богу при всех дневных занятиях. Исполнение евангельских заповедей есть так же памятование Бога, непрестанное исполнение заповедей Божиих — есть постоянное памятование Бога.

Для возгревания постоянного памятования о Боге епископ Игнатий советует во исполнение слов Христа Спасителя: «Без Мене не можете творитиничесоже» (Ин. 15. 5) — перед каждым делом молитвенно обращаться к Богу и испрашивать у Него благословения и помощи. Это «многоизнаменательное, святое, сильное, хотя и невидимоеделание» завещали всем христианам многие угодники Божии.

Призывание Господа на помощь перед каждой беседой и перед каждым делом откроет внимательному делателю близость Бога ко всем, кто призывает Его. «Забытый человеком Бог, — говорит епископ Игнатий в одной из своих проповедей, — делается для человека как бы несуществующим, скрывается от человека: непрестанно воспоминаемый, как бы оживает, является, делается вездесущим и всемогущим, соприсутствующим человеку... Жительствуя и действуя под взорами Бога, человек охраняется с особеною тщательностью от грехов, заботится с особеною ревностию о исполнении заповедей Божиих...»¹. Непрестанное памятование Бога постепенно приводит христианина к тому, что он «всем помышлением» своим начинает любить своего Творца.

Чтение Евангелия, творений святых Отцов, деятельное исполнение евангельских заповедей, домашняя и храмовая молитва, молитвенное обращение к Богу перед каждым на-

¹ Соч. Т. 4. С. 254, 255.

чинанием воспитывают в христианине непрестанное памятование Бога и являются теми блаженными деланиями, «которыми возделывается любовь к Богу».

Как уже говорилось, молитва есть делание, по которому можно определить степень любви человека к Богу. Рассеянная молитва свидетельствует о том, что сердце находится еще в пленах страстей и неспособно к любви. Внимательная молитва есть признак оставления земных пристрастий и способности сердца прилепиться к Богу.

Не только в перечисленных деланиях, но вообще во всех христианских добродетелях нужно преуспеть христианину, чтобы стяжать любовь, ибо «любовь есть соуз (совокупность) совершенства», как говорит апостол Павел (Кол. 3. 14).

Достигнув многотрудным путем покаяния искоренения из своего сердца страстей и пороков и насаждения евангельских добродетелей, христианин становится способным принять от Бога дар любви. Этот дар ниспосыпается в сердце верного слуги Господня иногда совершенно неожиданно в то время, когда смиренная душа менее всего считала себя способной принять его. Любовь к Богу, воссияв в сердце христианина, производит в нем дивную перемену и приносит многие плоды.

Чтобы наглядно показать вселение в сердце подвижника любви к Богу и то состояние, которое переживает он при этом, епископ Игнатий приводит свидетельство о себе затворника Георгия.

«Хочу сказать несколько слов о сущности любви, — пишет Задонский затворник, — это самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны, они священны и изливаются на душу от Святого, Бездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца — всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно прелагаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все»¹. Далее подвижник описывает, как дар любви коснулся его сердца. Проведя шесть лет в уединении, он пришел в совершенное сокрушение, впал в крайнее изнеможение, едва дышал, но непрестанно творил Иисусову молитву. «Вдруг, — пишет он, — в одно мгновение, вся немощь отпала, и огнь чистой любви

¹ Соч. Т. 2. С. 73, 74.

коснулся моего сердца: я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой, я до такой степени был восхищен, что уже желал, чтоб меня мучили, терзали, ругались надо мной, желал этого, чтоб удержать в себе сладкий огонь любви ко всем... Чем более нападений, тем более сердце разгорается святой любовью. И какая свобода, какой свет! Нет слов к изъяснению...»¹.

Вселение Христа в сердце христианина есть плод любви. Христианин, стяжавший в сердце своем любовь, становится храмом, в котором обитает Бог, по слову Иисуса Христа: «Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14. 23). Апостол Павел, достигнув этого блаженного состояния, мог с полной убежденностью сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос!» (Гал. 2. 20). К принятию в своих сердцах Господа призваны все христиане. «Или вы не знаете самих себя, — пишет апостол Павел коринфянам, — что Иисус Христос в вас, разве только вы не то, чем должны быть?» (2 Кор. 13. 5).

Преуспеяние в любви к Богу приносит в сердце христианина истинное утешение, наслаждение и просвещение. Любовь к Богу «сладостнее ощущения жизни», она совершенно изгоняет плотскую и душевную любовь; пребывает в тонком хладе, всегда ровная, она настолько сильна, что научает полагать душу за ближних, она научает человека правильному отношению ко всем и ко всему, она приносит святой мир и чистоту. Вот каковы плоды истинной любви, по учению епископа Игнатия.

Высока добродетель любви к Богу, она открывает сердце христианина для принятия в него Господа Бога и приносит многие дивные плоды. Любовь — удел всех святых, и пребудет она вечно.

■ Каждый христианин, начинающий шествовать по пути духовной жизни, должен помнить, что любовь есть высшая добродетель, и искренне считать себя недостойным этого дара и совершать свое спасение под водительством страха пред Богом.

Епископ Игнатий говорит: «Да возложит на персях Иисусовых Иоанн, девственник и Богослов, учение, егоже люб-

¹ Соч. Т. 2. С. 73, 74.

ляше Иисус! (Ин. 21. 20). Да присоединятся к нему прочие святые Божии, наперсники святой любви! Здесь не наше место. Наше место в сонме прокаженных, расслабленных, слепых, глухих, немых, беснующихся. Мы принадлежим к числу их по состоянию душ наших и в числе их приступим к Спасителю нашему... чтобы тем вернее было для нас получение милости»¹.

XI. Предостережение епископа Игнатия от опасностей на пути спасения

1. О чтении книг, содержащих лжеучение

Епископ Игнатий неодобрительно относился к духовной литературе, написанной на Западе, и в этом вопросе был весьма принципиален и строг. Владыка признавал, что книги инославных писателей могут содержать хорошие мысли, но по своему духу они не соответствуют нравственному преданию Православной Церкви и чаще всего написаны людьми, подвиг которых имел неправильное направление. Такие книги наряду с истинными содержат и много ложных мыслей, и читающий их, часто сам того не замечая, уклоняется на путь лжи. «Опыт доказывает, — пишет Владыка, — как гибельны последствия безразборчивого чтения. Сколько можно встретить между чадами Восточной Церкви понятий о христианстве самых сбивчивых, неправильных, противоречащих учению Церкви, порочащих это святое учение, — понятий, усвоенных чтением книг еретических!»²

Отличие Святоотеческих писаний от произведений, написанных на Западе, епископ Игнатий усматривал в следующем. Подвижники Восточной Церкви всегда основывали свой подвиг на глубочайшем смирении; грехопадение человека было постоянным предметом их размышлений, постоянным занятием их был плач о своих грехах. Покаянием преисполнен весь их подвиг, и этим же спасительным чувством исполнили они свои писания. Святые Отцы приводят читателей к рассмотрению своих грехов, своего падения, к плачу о себе перед милосердием Создателя, к исповеданию Искупителя. Первоначально они обуздывают греховные влечения

¹ Соч. Т. 2. С. 74, 75. || ² Соч. Т. 1. С. 117.

нашего тела, делают его способным к духовной деятельности, затем очищают ум от усвоившихся ему падением мыслей и заменяют их мыслями обновленного человека. После этого святые Отцы научают исправлению сердца — изменению его греховных навыков и ощущений. Последнее особенно трудно и требует продолжительного подвига. Чтобы заменить греховные навыки, свойства и чувствования навыками, свойствами и чувствованиями духовными, нужно умертвить в себе все греховные пожелания плоти и крови и подчинить тело, ум и сердце духу. Только после этого христианин становится способным к восприятию высших духовных видений. Таким путем шли все древние отцы Востока, и ему они учат в своих творениях.

¹ Древние подвижники Запада, преподобный Венедикт и святой пapa Григорий Двоеслов, были единомысленны с Востоком и в подвижнической жизни шли этим же путем, но со временем отпадения Запада от Восточной Церкви западные подвижники пошли иным путем. «Уже Бернард, — пишет епископ Игнатий, — отличается от них (наставников Востока) резкою чертою; позднейшие уклонились еще более»¹.

Западные писатели, оставив путь покаяния и очищения себя от страстей и пороков, сразу же влекут грешного человека в объятия любви и на высоты видений. «Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят»². Понятие об истинной духовности утрачено у подвижников Запада, оно у них заменено разгоряченной и исступленной мечтательностью. Действия мечтательности и разгорячения они принимают за благодатные переживания. Кровь и нервы, тщеславие и тонкое сладострастие производят в сердце ложные утешения, наслаждения и упоения, которые обольщенный подвижник считает истинными. Все, незаконно подвизавшиеся, — по свидетельству святителя Игнатия, истинного подвижника, — находятся в этом состоянии.

В этом состоянии самообольщения на Западе написано множество книг, имеющих громкие, многообещающие названия.

Люди, не знакомые с нравственным преданием Восточной Церкви, с большим интересом и увлечением читают

¹ Прилож. Т. 3. С. 109. № 313. || ² Там же.

подобные книги. Они тонко льстят их греховным чувствам и привлекают быстротою достижения высших переживаний. Человек, несведущий в духовной жизни, принимает эти переживания за истинные и, приняв ложь за истину, становится на путь самообольщения и гибели. «Не прельщайся громким заглавием книги, обещающим преподать христианское совершенство тому, кому нужна еще пища младенцев: не прельщайся ни великолепным изданием, ни живописью, силою, красотою слога, ни тем, что писатель — будто святой, будто доказавший свою святость многочисленными чудесами»¹, — убеждает епископ Игнатий своих читателей. Ясно и кратко изложил епископ Игнатий свое отношение к чтению святых Отцов и иностранных писателей в одном из писем к сестре своей Елизавете Александровне. Он пишет, чтобы она познакомилась с вечностью не по «романтическим иностранным книжкам», которые приводят к самообольщению, но под руководством Отцов Восточной Церкви, в творениях которых нет ничего «романтичного, мечтательного, льстящего и обманывающего ум и сердце». Чтение святых Отцов открывает человеку, каково должно быть его отношение к Богу, Творцу и Искупителю, и научает покаянием приближаться к Нему, а не льстить себя «сладостными чувствованиями мнимой духовной любви», о которой учат Фома Кемпийский, Франсуа де Саль и другие лжеучителя. «Духовная любовь есть достояние совершенных, а достояние благочестивых и спасающихся есть страх Божий, зрение своих грехов и недостатков, результат того и другого — сердце сокрушенно и смиренно, выражющееся покаянием. Вот истинное нравственное учение Православной Церкви, чуждое обмана и самообольщения»².

Особенно предостерегал Владыка своих пасомых от чтения книги западного монаха Фомы Кемпийского «Подражание Христу», которая в его время была переведена на русский язык, пользовалась большим успехом в светском образованном, но мало сведущем в религиозных вопросах обществе и даже переиздавалась несколько раз. В одном из писем святителя Игнатия можно прочитать следующее: «...Наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого,

¹ Соч. Т. 1. С. 117, 118. || ² Прилож. Т. 4. С. 45. 46. № 520.

темного омута — жилища чудовищ. Между прочими обманчивыми тлетворными зефираами, навевающими на сердце эту страшную тишину, это бедственное, гибельное наслаждение навевает... и чтение известной книжки Фомы Кемпийского, западного монаха, находившегося в бесовской прелести, книжки «Подражание»¹.

Отрицательное отношение епископа Игнатия к книге Фомы Кемпийского и к другим произведениям западных писателей было основано не на предвзятом мнении недоверия ко всему инославному, а на многолетнем изучении подвига Отцов Восточной Церкви, в сравнении с которыми Владыка мог увидеть ложность направления подвижников Запада.

² В письме к А. М. Горчакову, подтверждая свое отрицательное мнение о сочинении Фомы Кемпийского, епископ Игнатий свидетельствует: «...Мнение мое основано на долговременном изучении Отцов Православной Церкви»².

Книги, содержащие лжеучение, могут оставлять в душе глубокий след, поэтому христианину, по неведению читавшему их, нужно решительным отвержением воспринятых ложных мыслей и покаянием врачевать свою душу. «Если... ты, — обращается к христианину Владыка, — позволил исписать и исчеркать скрижали души разнообразным понятиями и впечатлениями, не разбирая благоразумно и осторожно — кто писатель, что он пишет, то вычисти написанное писателями чуждыми, вычисти покаянием и отвержением всего богопротивного»³.

Книги, содержащие неправославное учение, можно читать лишь совершенным мужам, тем, у кого мысли в сердце просвещены Святым Духом. В древние времена пастыри Церкви Христовой читали еретические книги с той целью, чтобы обличить заблуждения и предостеречь своих пасомых от еретического учения.

Не только от книг, написанных на Западе, предостерегал епископ Игнатий: где бы ни была написана книга, но если автор ее не следует учению Православной Церкви, мирянину лучше воздержаться от чтения ее. «Всякому, не принадлежащему Восточной Церкви, единой святой, писавшему о Христе, о христианской вере и нравственности, при-

¹ Прилож. Т. 3. С. 25. № 280. || ² Там же. С. 365. № 466. || ³ Соч. Т. 1. С. 115.

надлежит имя лжеучителя»¹, — считал епископ Игнатий. Владыка рекомендует христианину не только не читать книги лжеучителей, но и не беседовать о христианстве с людьми, зараженными еретическим учением.

Каждый, кому дорого свое спасение, должен внимательно отнести к изложенным здесь предостережениям епископа Игнатия.

Ревностный христианин всегда будет исполнителем наставления богомудрого Святителя: «Оставь... беспорядочное чтение, наполняющее ум понятиями сбивчивыми, превратными, лишающее его твердости, самостоятельности, правильного взгляда, приводящее в состояние скептического колебания. Займись основательно изучением Восточной Церкви по ее преданию, заключающемуся в писаниях святых Отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? Твоя обязанность узнать ее как должно»².

2. Ложное направление духовной жизни

Следуя учению святых Отцов, Преосвященный Владыка считал, что человечество после грехопадения находится в состоянии самообольщении. Диавол ложью прельстил первых людей; праотцы, прельстившись, признали истину ложь, и с того времени естество человека заражено ядом зла — имеет склонность к прелести. «Надо признать — и это признание будет вполне справедливым, — надо признать, что все мы, люди, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это — следствие нашего падения, совершившегося через принятие лжи за истину, так всегда падаем и ныне», — учил Владыка³.

В прелести, в широком смысле этого слова, находится все человечество в состоянии грехопадения, потому что все человеческое естество повреждено ложью. Говоря о прелести, присущей всем людям, епископ Игнатий приводит слова преподобного Симеона Нового Богослова, который сказал: «Господь наш Иисус Христос потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из злейшей прелести». В прелесть впадает тот человек, который развел в себе до

¹ Соч. Т. 1. С. 117. || ² Прилож. Т. 3. С. 83. № 299. || ³ Там же. С. 18. № 278.

крайности общение с диаволом и стал его храмом и орудием. Источником прелести, как всякого зла, всегда был диавол.

Человеку по искуплении предоставлена свобода повиноваться Богу или диаволу, и для того, чтобы свобода могла обнаруживаться непринужденно, диаволу оставлен доступ к человеку. Диавол хочет оставить человека у себя в порабощении и по искуплении, для этого он употребляет обыкновенное свое орудие — ложь. Он старается обмануть человека, опираясь на его греховное естество, возбуждает страсти и, придавая им благовидность, склоняет к удовлетворению их, развивает в человеке самообольщение и стремится через это привести его в большее подчинение себе.

Человек, уверовавший в Христа Спасителя, действуя под руководством Евангелия, укрощает страсти и этим постепенно выводит себя из состояния самообольщения и подчиненности падшим духам в область истины и свободы.

Христианин, не следующий учению Христову, живущий по своей воле и разуму, удобно подчиняется диаволу и из состояния самообольщения переходит в состояние бесовской прелести. Самообольщение и неразрывно связанная с ним гордость всегда бывают причиной падения человека в прелесть.

Преподобный Григорий Синаит сказал: «Вообще одна причина прелести — гордость». Продолжая эту мысль, епископ Игнатий пишет: «В гордости человеческой, которая есть самообольщение, диавол находит себе удобное пристанище и присоединяет свое обольщение к самообольщению человеческому. Всякий человек более или менее склонен к прелести, потому что природа каждого человека уязвлена гордостью».

Епископ Игнатий учил, что прелесть первоначально действует на образ мыслей, постепенно сообщается сердцу — извращает сердечные ощущения, покорив себе всего человека, прелесть отражается и на всей деятельности человека — овладевает даже самим его телом¹.

Как разнообразны человеческие страсти, так многообразны и состояния людей, подверженных бесовской прелести, и насколько порабощен человек лжи, настолько и сильна бывает прелесть, объявшая его.

¹ Соч. Т. 1. С. 231, 232.

В прелесть христианин может уклониться, упражняясь неправильно любым видом подвига. Для подтверждения этой истины епископ Игнатий приводит слова преподобного Макария Великого, который сказал: «Со всею осмотрительностию должно наблюдать устроимые врагом (диаволом) со всех сторон козни, обманы и злоковарные деяния. Как Святый Дух через Павла всем служит для всех, так и лукавый дух старается злобно быть всем для всех, чтоб всех извести в погибель. С молящимися притворяется и он молящимся, чтоб по поводу молитвы ввести в выскоумие, с постящимся постится, чтоб обольстить их самомнением и привести в умопоступление, с сведущими Святое Писание и он устремляется в исследование Писания, ища по видимому знания, в сущности же стараясь привести их к превратному разумению Писания; с удостоившимися осияния светом представляет и он имеющим этот дар, как говорит Павел: *сатана преобразуется в ангела светла* (2 Кор. 11. 14), чтобы, прельстив привидением как бы света, привлечь к себе. Просто сказать: он принимает на себя для всех всякие виды, чтоб действием, подобным добру, поработить себе подвижника и, прикрывая себя благовидностию, низвергнуть его в погибель»¹.

Епископ Игнатий свидетельствует, что ему случалось видеть старцев, которые занимались исключительно усиленным телесным подвигом и пришли от него в величайшее самомнение и самообольщение. Их душевые страсти — гнев, гордость, лукавство, непокорность — получили необыкновенное развитие. Самость и самочиние преобладали в них. Они с ожесточением отвергали все спасительные советы и предостережения, не повинуясь даже святителям, они попирали не только смиренение и скромность, но даже правила приличия, выражая самым наглым образом пренебрежение к начальству.

Все многообразие прелести Владыка относит к двум главным видам: первое — прелесть, которая возникает от неправильного действия ума, и второе — прелесть от неправильного действия сердца. Первый вид прелести может возникнуть у подвижника при неправильном направлении молитвенного подвига. Если христианин, молясь, будет со-

¹ Соч. Т. 1. С. 222.

чинять в своем уме различные мечтания и рисовать пленительные картины, то он не избежит пагубной прелести. Все великие христианские наставники воспрещают при молитве не только самому сочинять мечтания, но и принимать образы, которые могут представиться подвижнику непроизвольно. От принятия и услаждения произвольными и непроизвольными мечтаниями подвижник непременно придет к душевному расстройству и прелести. Предостерегая христианина от мечтательной молитвы, епископ Игнатий приводит слова преподобного Григория Синаита, который пишет: «Никак не прими, если увидишь что-либо, чувственными очами или умом, вне или внутри себя, будет ли то образ Христа, или Ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! Не позволь себе доверить чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое, пребывай хладным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не составляющим из себя никакого изображения и не запечатленным никаким изображением. Увидевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно, удобно впадает в прелесть, по крайней мере обнаруживает свою наклонность и способность к прелести как принимающий явления скоро и легкомысленно... Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайней осмотрительностию наблюдает за собой, если он и не примет чего, посланного от Бога, но рассмотрев посланное со всею тщательностию, напротив того, Бог похваляет такого за его благоразумие»¹.

Л Принимающий при молитве мечтания заимствует их из своего самообольщения, своей гордости и обманывает сам себя. Все, что представляет он себе, есть вымысел и не существует на самом деле. Мечтатель из области истины вступает в область лжи и отца лжи — диавола.

Истинные христиане всех времен, опасаясь прелести на поприще духовной жизни, ни в чем не доверяли себе и старались жить по совету опытных людей, оберегая себя этим от самообольщения. Преслушание старших и своя воля могут привести христианина к прелести.

¹ Соч. Т. 1. С. 235, 236.

Поразительный пример бесовского обольщения, произошедшего от неправильной молитвы, Владыка приводит из воспоминаний своих юношеских лет. В 1824–1825 годах он, учась в Инженерном училище, посещал в Александро-Невской Лавре монаха Иоанникия, ученика старцев Феодора и Леонида, и совещался с ним о своих помыслах. Посещали о. Иоанникия и многие другие миряне. Ходил к нему и солдат Павловского полка Павел. Он недавно обратился из раскола. Лицо его сияло радостию. Имея весьма скучные понятия о духовном подвиге, Павел предался неумеренному телесному подвигу, несообразному с его телесными силами, и мечтательной молитве. Однажды ночью, когда он стоял на молитве, около икон внезапно явился солнцеобразный свет и перед ним — сияющий белизной голубь. «Приими меня: я — Святый Дух, пришел соделать тебя моему обителью», — такой глас раздался от голубя. Павел выразил радостное согласие. Голубь вошел в него через уста, и Павел, изнутивший свое тело постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть, оставил молитву и убежал в блудилище. С того времени он посещал все доступные для него притоны. Через несколько лет он опомнился. Свое обольщение бесовским явлением он изложил в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. Епископ Игнатий был в то время послушником старца Леонида; по благословению старца он читал это письмо и засвидетельствовал, что в письме проявилось прежнее его высокое состояние.

Некоторые подвижники, впавшие в первый вид прелести, окончили свою жизнь самоубийством. Происходит это оттого, что среди ложного наслаждения, доставляемого бесовской прелестию, иногда приходят минуты, в которые прелесть обнажает себя и дает вкусить себя такой, какая она есть. В эти минуты прельщенный чувствует невыносимую душевную горечь и отчаяние. Эти минуты с очевидностью говорят о неправильности всего душевного направления, но так как начало прелести гордость, то прельщенный упорно признает себя сосудом благодати Святаго Духа, не внимает спасительным советам ближних и не принимает никаких мер к исцелению себя. Идет время, а припадки отчаяния становятся все сильнее, и наконец отчаяние обращается в умопоступление и оканчивается самоубийством.

Епископ Игнатий сообщает, что такая трагедия произошла в начале девятнадцатого столетия в Софониевой пустыни. Там жил схимонах Феодосий, проводивший возвышенный образ жизни, так это казалось братии и мирским посетителям обители. Однажды ему представилось, что он восхищен в рай. Свое видение он подробно пересказал настоятелю и выразил сожаление, что видел в раю себя одного и не видел никого из братии. Эта черта ускользнула от внимания доверчивого настоятеля, он поверил истинности видения, собрал всю братию, пересказал им о видении схимонаха и уверевал всех вести более строгий образ жизни. Однако со временем начали обнаруживаться странности в действиях схимонаха. Кончилось же тем, что схимонах был найден удавившимся в своей келье.

Второй вид прелести происходит в том случае, если подвижник, исполнившись гордости и безрассудства, будет стремиться развить в своем сердце ощущения святые и духовные, к которым он еще не способен. «Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает, так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет из себя или льстит себе, обольщает, обманывает, губит себя...», — пишет владыка Игнатий.

Второй вид прелести, по мнению Владыки, одинаково душепагубен, как и первый, но проявляется он менее явно. Он редко приводит к сумасшествию и самоубийству, но решительно растлевает как сердце, так и ум.

Прелесть, возникающая в сердце по производимому состоянию в уме, названа святыми Отцами «мнением». Подверженный «мнению» «мнит о себе», составляет о себе мнение праведности. «Мнение» всегда основывается на ложных понятиях и ложных ощущениях и принадлежит к области отца лжи — диавола. Думающие о себе, что они праведны и преисполнены дарами Святого Духа, чтобы поддержать в окружающих людях свое достоинство, способны на лицемерство, лукавство и обман. На тех, кто не признает их мнимой святости, они распаляются непримиримою враждою и ненавистью.

Одержаный «мнением» теряет способность духовного преуспения. Обманывая себя, он думает, что достиг уже святости, и гордость, всегда сопутствующая мнителю и питающая его мнение, не дает ему возможности увидеть свое истинное положение.

Преосвященный Владыка пишет: «Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные дела-ния, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстя-щий себе и потешающий себя «мнением» заграждает этим «мнением» вход в себя и духовным деланиям, и христиан-ским добродетелям, и Божественной благодати — открываят вход греховной заразе и демонам»¹.

Основываясь на мнении преподобного Макария Великого, сказавшего, что нет ни одного человека, совершенно свободного от гордости, епископ Игнатий говорит, что нет людей, которые были бы свободны от действия на них «утонченной прелести, называемой «мнением».

Следствиями «мнения» бывают еретические мысли, бо-гохульство и раскол. Множество душевредных книг напи-сано в этом состоянии. Иногда «мнение» приводит свою жертву к очевидной для всех катастрофе. Епископ Игнатий приводит следующий пример гибели подвижника, подвер-женного прелести «мнения». На Валаамском острове некий схимонах Порфирий возомнил о себе, что от усиленного подвига он стал легким и может перейти глубокий залив по очень тонкому льду. Отвергнув предостережения старцев, схимник ступил на лед, но недолго шел он. «Мнение» погу-било мнителя, лед проломился, и он погиб.

Ярко выраженная прелесть (как первого, так и второго вида) бывает чаще всего у безмолвников, но и многие люди, живущие среди общества, из-за неправильного направле-ния подвига часто подвергаются тяжкой прелести. Так было во времена епископа Игнатия, так было и до, и после него.

Трудно, почти невозможно христианину, одержимому прелестью, отказаться от нее и вернуться на правильный

¹ Соч. Т. 1. С. 248.

спасительный путь. «Труден выход из самообольщения, — свидетельствует Святитель-подвижник. — У дверей стоит стража, двери заперты тяжеловесными крепкими замками и затворами, приложена к ним печать бездны»¹.

Замками и затворами Владыка называл гордость, тщеславие, лицемерство и лукавство самообольщенных, адской несокрушимой печатью — признание действий самообольщения действиями благодатными.

Чтобы выйти из прелести, нужен богомудрый наставник, который мог бы вовремя заметить прелесть и исторгнуть ее плевелы из души; если же прелесть укрепилась в душе, нужен дерзновенный пастырь-молитвенник, который своей молитвой мог бы отогнать духов тьмы от души прельщенного и вывести ее из области лжи к Свету и Истине — Христу.

Христианин, подверженный прелести, если и сможет с большими усилиями отказаться от нее, то по причине душевного расстройства, причиненного прелестью, бывает неспособен к прохождению возвышенного христианского подвига.

Каждый христианин, заботящийся о своей душе, должен знать о том, что ложное направление в духовной жизни приводит к прелести, и поэтому усиленно стараться шествовать истинным путем, чтобы вместо спасения не унаследовать погибель.

Как христианину избежать прелести во всех ее многочисленных проявлениях? В «Отечнике» епископ Игнатий приводит слово Антония Великого: «Люби смирение, оно покроет тебя от грехов». Только истинное смирение избавляет христианина от всех опасностей в духовной жизни.

По мнению Владыки, смирение должно идти рядом с подвигом. Подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, но вводит в высокоумие, осуждение других, в обольщение и прелесть.

Владыка Игнатий смирению давал даже явное предпочтение перед подвигом, считая, что если человек не будет нести никаких подвигов, но преуспеет в смирении, он достигнет того же совершенства, какое достигается подвигом.

¹ Соч. Т. 1. С. 106.

Часть вторая

Духовная жизнь монаха

I. Учение епископа Игнатия о монашестве

Первой любимой книгой святителя Игнатия было «Училище благочестия», содержащее назидательные рассказы о древних великих иноках-подвижниках.

Уже из этой книги юный подвижник мог почерпнуть много сведений о монашестве древних времен.

Затем в Инженерном училище будущий учитель иноков занялся глубоким изучением Святоотеческих творений, преимущественно его интересовали древние аскеты-наставники иноков. Начав изучение святых Отцов на школьной скамье, епископ Игнатьй не прекращал его до самой своей блаженной кончины. Святитель Игнатьй изучил писания святых Отцов о монашестве глубоко и всесторонне.

Практическое ознакомление Преосвященного Игнатья с монашеством началось также в годы учения. Посещая Валаамское подворье в С.-Петербурге, а затем и Александро-Невскую Лавру, пытливый юноша, несомненно, уже тогда начал изучать в доступной для посетителя обителей степень монашескую жизнь.

С 1827 года, с момента его вступления в число послушников Александро-Свирского монастыря, и до конца своих дней, в течение 39-ти лет, Преосвященный живет в монастырях, среди монахов и практически сам проходит трудное поприще монашеского делания.

За этот длительный срок епископ Игнатьй посетил более 30-ти монастырей, в девяти из них он жил продолжительное время.

Как положительные, так и отрицательные стороны монашеской жизни епископ Игнатьй в период скитания по монастырям и за время управления тремя монастырями изучил в совершенстве (Лопотовым монастырем, Троице-Сергиевой пустынью и Николо-Бабаевским монастырем).

Свой взгляд на монашество епископ Игнатьй раскрывает в нескольких статьях своих «Аскетических опытов». Пятый же том его творений полностью посвящен монашеству его

времени. В нем Епископ-аскет изложил свой опыт монашеского делания, основанный на учении святых Отцов и опытно проверенный собственной жизнью. Много ценных советов о монашеской жизни содержится и в переписке епископа Игнатия с монашествующими.

Богоустановленность монашества. Епископ Игнатий глубоко убежден, что монашество есть установление Божественное, а не человеческое, и возводит его начало ко временам святых Апостолов.

Основываясь на мнении преподобного Кассиана (инока и писателя IV века), епископ Игнатий пишет, что впервые наименование монахов получили ученики святого апостола и евангелиста Марка — первого епископа Александрии. Удалившись в глухие предместья Александрии, ученики Евангелиста проводили возвышеннейшее жительство, руководствуясь правилами, преподанными им Апостолами.

Вслед за многими святыми Отцами епископ Игнатий монашество сравнивал с подвигом мученичества. Как мученичество, так и монашество не есть изобретение человека, а даровано человечеству Господом и основывается на одних и тех же заповедях Христа Спасителя. Подвиг мученичества и монашества вышеестественен и не может быть совершен без всесильной помощи Божией.

Подобно мученичеству, монашество начинается с отречения от мира и «Богу содействующу» всесовершенным умерщвлением своей души и тела для живущих в них греховных навыков и всецелой отдаче себя воле Божией.

Как мученики, так и истинные монахи по мере прохождения своего сверхъестественного подвига обнаруживали обилие благодатных дарований.

По мнению епископа Игнатия, «подвиг некоторых святых иноков кажется более непостижимым по сверхъестественности своей, нежели даже подвиг мученика»¹.

В этом можно убедиться, говорит епископ Игнатий, если прочитать жития святых иноков Марка Фраческого, Онуфрия Великого, Марии Египетской и многих других.

Зависимость монашества от общего уровня христианства. Считая монашество Богоустановленным и уподобляя его под-

¹ Соч. Т. 2. С. 346 и Т. 1. С. 471.

вигу мученичества, епископ Игнатий никогда не отделяет его от Богоустановленного христианства. Если преуспевает в мире христианство — наступает и расцвет монашества; если же ослабевает христианство в мире — клонится к упадку и монашеская жизнь. Упадок нравственности монахов находится в тесной зависимости от нравственности мирян. Между христианами, живущими в мире, и монахами — христианами, живущими в монастырях, по наблюдениям епископа Игнатия, всегда существовала самая тесная связь.

В дни жизни епископа Игнатия монашество подвергалось со стороны многих светских лиц справедливым и еще чаще несправедливым нападкам. Постепенный упадок нравственности среди мирян и связанное с ним ослабление нравственности в монастырях епископ Игнатий подтверждает следующим примером.

Однажды С.-Петербургский митрополит Серафим, беседуя с архимандритом Игнатием об умножении бракоразводных дел в Консистории, сказал, что когда он был викарием в Москве, то бракоразводных дел в Консистории было в год одно или два; архиереи же старцы в то время говорили епископу Серафиму, что в их молодости бракоразводных дел вообще не существовало. «Вот факт, — заключает это повествование епископ Игнатий, — живописующий нравственность прежнего времени и ход ее к настоящему положению, ход быстрый, неутешительный»¹.

Основываясь на свидетельствах старцев-иноков, с которыми епископ Игнатий так часто любил беседовать, он пришел к выводу, что еще в начале XIX столетия вступало в монастырь много лиц, сохранивших девство, никогда не вкушавших вина, хорошо изучивших Священное Писание и творения святых Отцов и не расстроивших своего воображения чтением пустых светских книг, людей, не растерявших свое здоровье злоупотреблениями, привыкших часто посещать храм и имеющих многие другие благочестивые навыки. Они, получив строгое благочестивое воспитание в миру, становились строгими и сильными монахами по душе и телу.

Но во время прохождения самим епископом Игнатием многотрудного монашеского поприща нравственность христиан значительно понизилась. Долгая жизнь в монастырях

¹ Соч. Т. 1. С. 478.

убедила Владыку в том, что вступление в его время девственника в монастырь было величайшей редкостью, почти не встречалось среди вступающих в монастырь людей, не стяжавших в мире порочных навыков и не расстроивших злоупотреблениями своего здоровья. Большинство вступавших в монастырь были слабы телом и душою, с расстроенным воображением, с притупленной совестью. Для подобных людей борьба с собой, личный подвиг нравственного совершенствования был, по заключению владыки Игнатия, весьма затруднителен. «Вступили они в монастырь, — пишет он, — сняли мирские одежды, облеклись в черные одежды иноческие, но навыки и настроение, получаемые в мирской жизни, остались с ними и, пребывая неудовлетворенными, приобретают новую силу»¹.

Сознавая ослабление христианства и тесно связанного с ним монашества, епископ Игнатий с горечью видел в этом «недуг общий» и призывал как монахов, так и мирян: «Восплачем о нем вместе и вместе позаботимся о исцелении его!»

Мнение епископа Игнатия о монашестве его времени. Несмотря на то, что во времена святителя Игнатия на Русской земле были сотни обителей, открывались новые монастыри, во многих обителях воздвигались великолепные храмы и монастырские здания, многие обители изобиловали насельниками, духовный взор богоумдрого архиепископа за всем этим благоустройством видел картину весьма малоутешительную.

Как при встрече с человеком Владыка видел состояние души того, с кем он беседовал, и никогда внешность человека и его мирское положение не имели преобладающего значения для составления мнения о нем, так и внешнее благоустройство Российских монастырей не остановило Преосвященного Игнатия произнести весьма скорбные для его сердца слова. В конце своей жизни в 1864 году Владыка писал своему другу игумену Антонию: «О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок, отживающее оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому...»². В другом письме к нему же епископ Игнатий сравнивает

¹ Соч. Т. 1. С. 479. || ² Прилож. Т. 2. С. 200. № 112.

положение монастырей с весенним снегом в последних числах марта и первых апреля; снаружи кажется, что «снег как снег», а под низом его уже повсюду весенняя вода, которая растворит снег при первой «вспомогательной атмосферной перемене». С большой грустью великий поборник монашества в России отмечал, что в обителях «весма часто актерской наружностью маскируется... безнравственность», и что «истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров».

В чем скрывались причины столь бедственного состояния монастырей при их видимом благоденствии и процветании?

Епископ Игнатий ясно указывает эти причины. Мы уже говорили о тесной связи, которую видел Преосвященный между христианским миром и монашеством.

В ослаблении христианства вообще в людях заключалась первая и основная причина ослабления монашества: «Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская, ослабела иноческая жизнь и потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовной силой»¹.

Вторая и не меньшая причина ослабления монашества, по мнению епископа Игнатия, состояла в почти повсеместном оставлении в монастырях внутреннего духовного дела-ния, которому он, вслед за святыми Отцами, придавал первостепенное значение. «В современном монашеском обществе, — пишет он, — потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение ...почти всюду оставлено...» «Теперь всё искоренилось, осталась одна личина благочестия, сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души»².

Как следствие оскудения духовного подвига в монашестве явилось в России почти полное оскудение истинных старцев-руководителей, способных вести за собой монашествующих к духовному преуспению.

¹ Соч. Т. 1. С. 564. «Мой плач». || ² Прилож. Т. 2. С. 201. № 112.

Несмотря на столь плачевное состояние монашества в духовном отношении, епископ Игнатий имел в себе столько внутренней силы, основанной на вере во всеблагой Промысел Божий, что умел и в современном ему монашестве отыскать положительные стороны и верил в духовное преуспеяние будущих иноков. Он писал: «...Еще монастыри, как учреждение Святого Духа, испускают лучи света на христианство, еще есть там пища для благочестивых, еще есть там хранение евангельских заповедей, еще есть там строгое догматическое и нравственное Православие; там, хотя редко, крайне редко обретаются живые скрижали Святого Духа»¹.

Такой живой скрижалю Святого Духа был прежде всего сам Преосвященный. Он, проведя большую часть своей жизни в обителях, несмотря на многие несовершенства монастырей своего времени, выражал перед кончиной полное удовлетворение избранным путем. В 1861 году Святитель писал своему другу Михаилу Чихачову: «Великая к нам милость Божия, приведшая нас в монастырь. Это благо выше всех земных благ».

Посвящение владыкой Игнатием пятого тома своих творений специально в «приношение современному монашеству» наглядно говорит о том, что он верил в возможность духовного преуспеяния иноков в его время и в будущие времена.

Сознавая истинное положение монашества своего времени, Владыка с любовью писал, а в конце своей жизни собрал и напечатал свои произведения и принес их в «дар возлюбленным отцам и братиям, современным инокам». И несомненно, епископ Игнатий верил, что его творения, содержащие учение о духовном подвиге инока, будут способствовать воспитанию многих истинных иноков.

Епископ Игнатий о мерах возвышения духовной жизни монашества. Относясь к монашеству с большой любовью и благоговением, епископ Игнатий признавал, что в Божественное установление, каковым он признавал монашество, может в практической жизни проникнуть злоупотребление человеческое.

Хорошо зная положительные и отрицательные стороны монашеской жизни, Владыка лучше чем кто-либо понимал, чем можно возвысить монашескую жизнь.

¹ Соч. Т. 1. С. 564. «Мой плач».

Во время епископа Игнатия многих интересовал вопрос возрождения монастырей. Предполагались всевозможные меры к этому. Но все эти предложения, исходившие чаще всего от холодного ума, полного незнания практической монашеской жизни, а иногда и открытой неприязни к монашеству, не могли, конечно, принести ему пользы.

В одном из писем к игумену Антонию Владыка с полной решительностью осуждал все предложения «теористов» — так называл он лиц, практически не знакомых с монашеством. Преосвященный писал: «...Ныне некоторые... берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно — великкая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих, и дела Божия: такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в оружия умножения в монастырях житейской попечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты»¹.

Одной из мер к улучшению монашества, по мнению многих «теористов» того времени, было издание закона, воспрещавшего вступление в монастырь молодым людям. Этой мерой светские люди думали устраниТЬ всякие соблазны в монастырях. Епископ Игнатий решительно осуждал это намерение. По данному вопросу он писал: «Мера, по наружности столько благоразумная, должнаствующая, по теории плотского мудрования, оградить и возвысить монашество, в сущности есть не что иное как мера, сильная и решительная к уничтожению монашества»².

На основании своего собственного опыта Преосвященный Игнатий считал, что к изучению «науки из наук» — монашества нужно приступать в юном возрасте со свежими способностями, с полной восприимчивостью и с неизреченной душевной энергией.

Монашество доставляет человеку самые глубокие и основательные познания в «экспериментальной психологии и в Богословии» — сообщает деятельное живое познание о человеке и Боге. Если к светским наукам, для лучшего восприятия их, лучше приступать в юном возрасте, то тем бо-

¹ См.: Прилож. Т. 2. С. 200. № 112. || ² Соч. Т. 1. С. 480.

лее монашество — наука, открывающая путь к христианскому совершенству, — должно быть изучено с раннего возраста.

Каждому монаху предстоит борьба с греховным естеством. Вступивший на этот путь борьбы в юном возрасте достигает больших результатов, так как он не окован еще греховными навыками и его воля не расслаблена греховными похотями.

Епископ Игнатий из опыта знал, что лучшими монахами бывают те, кто вступил в монашество в юном возрасте.

Преобладающее большинство поступающих в монастыри состоит из юношей. В зрелом возрасте в монастыри вступают очень немногие, а в старости редкие.

Вступившим в обитель в зрелом и в пожилом возрасте очень трудно бывает привыкнуть к монастырской жизни, они часто возвращаются в мир и, по замечанию епископа Игнатия, даже не могут понять, что значит «монашество».

Те же из них, кто остается в обителях, редко бывают способны к истинному монашескому деланию и чаще всего способны усвоить лишь внешнюю сторону монашеской жизни.

На основании тщательного изучения житий святых епископ Игнатий убедился, что большинство преподобных ионков вступило в монастыри в юном возрасте (около 20 лет). «Старость была признана святыми Отцами не способной к монашеской жизни¹, — пишет Преосвященный Игнатий, — она окрепла в навыках и образе мыслей, притуплены ее способности... Напротив того, многие отцы вступили в монастыри в детском возрасте и достигли высокого духовного преуспеяния по причине цельности произволения, непорочности, прямого стремления к добру и восприимчивости, столько свойственной детскому возрасту»².

На основании всего вышеизложенного епископ Игнатий в долгие годы управления тремя обителями всегда с радостью принимал в свою обитель юных и очень был осторожен, принимая поступающих в зрелом возрасте.

Зная из своего целожизненного опыта, что как воспрещение молодым людям вступать в обители, так и другие надуманные меры не принесут пользы монашеству, епископ

¹ Исключения из этого правила весьма редки. Например, преподобный Павел Препростый, но и его первоначально преподобный Антоний Великий не хотел принять в обитель, считая, что старость не способна к ищеческим подвигам. Павлу Препростому было 60 лет. ||² Соч. Т. 1. С. 481, 482.

Игнатий в то же время всей душой осознавал необходимость возрождения монашества. При этом он понимал, насколько трудное это дело и с какой осторожностью и осмотрительностию нужно приступать к нему.

В одном из писем он писал епископу Леониду (Краснопевкову): «Спаси Вас, Господи, за любовь Вашу к монашеству... Старые здания должно исправлять с большой осмотрительностию и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение»¹.

Владыка Игнатий в глубине души свой сознавал, что никакие внешние мероприятия не способны улучшить состояние монашества, что возродить его могут лишь «мужи духоносные», знающие как теорию, так и практику монашеской жизни, что возрождение монашества должно начаться изнутри, из самого монашества.

Знал святитель Игнатий и то, что возрождение монашества не произойдет до тех пор, пока каждый инок не будет вести правильную духовную жизнь.

В своих богомудрых творениях он преподал как современному ему монашеству, так и всем последующим поколениям иноков прекрасное руководство для прохождения правильного внутреннего подвига, который один может возродить греховное человеческое естество. «Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов... Он, один он может ввести в монастыри и поддержать в монастырях строго-нравственный порядок... образуя в братстве духовную силу и связь», — писал епископ Игнатий².

Лишь правильная духовная жизнь инока приводит его к духовному обновлению, и в этом обновлении каждого инока заключается тайна возрождения всего монашества.

II. Телесный и духовный подвиг монаха

Телесный подвиг. Вновь вступивший в обитель должен первоначально приучить себя к правильному прохождению телесного подвига.

Телесный подвиг обнимает наружное поведение инока в монастыре, монастырские послушания и все подвиги, со-

¹ См.: Прилож. Т. 2. С. 36. № 18. || ² См.: Там же. С. 8. № 4.

вершаемые при участии тела: пост, стояния на молитве, земные поклоны и т. д.

Сам Владыка по вступлении своем в монастырь, несмотря на слабость своих физических сил, прошел сюровую школу трудовых послушаний. Он работал на поварне, в трапезной, на рыбной ловле, а исполняя послушания келейника у отца Леонида, был у него даже кучером.

Опытно зная пользу от трудовых послушаний, епископ Игнатий считал, что физический труд необходим для каждого новоначального инока, особенно для того, кто имеет крепкое здоровье. Но истинную пользу приносит тот труд, который избран не по своей воле, а назначен монастырским начальством «за послушание». «Произвольные труды, совершаемые по прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, но, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке, совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, то есть от евангельского смиренномудрия»¹, — писал Пресвященный.

Посильные физические «послушания» приучают инока отсекать свою греховную волю, приучают к послушанию и способствуют укрощению страстей, гнездящихся в сердце каждого человека.

Сравнивая человеческое сердце с землею, епископ Игнатий говорит, что как земля нуждается в обработке различными орудиями: лопатами, плугами, боронами, так и человеческое сердце — центр плотских ощущений и плотского мудрования — нуждается в обработке постом, бдениями, коленопреклонениями и другими телесными подвигами. Как если землемеделец посеял семена в землю, предварительно не обработав ее, то он не получит от этого никакой пользы и понесет убыток, так и тот, кто предварительно телесным подвигом не обуздает плотских влечений сердца и плотских влечений ума и вздумает заняться насаждением в своем сердце заповедей Христовых, — не преуспеет и может впасть в самообольщение и бесовскую прелесть. Совершенное оставление телесного подвига делает инока «подобным скотам», ибо где нет телесного подвига, там открывается сво-

¹ Соч. Т. 5. С. 8.

бода и простор телесным страстям. Телесный подвиг нужен, по мнению епископа Игнатия, не только для новоначальных, но и для людей святых, преисполненных Святого Духа, чтобы тело их, оставшись без обуздания, не ожило для страстных движений и не породило скверных ощущений и помыслов.

Зная, что духовная жизнь монаха начинается с внешнего благочестивого поведения, учитель иноков — епископ Игнатьй в начале пятого тома своих сочинений «Приношения современному монашеству» поместил 60 правил наружного поведения для новоначальных иноков. В этих сравнительно кратких правилах мудрый Архипастырь сконцентрировал самую «соль» внешнего поведения инока.

Объяснив назначение монастыря (правило 1), Епископ говорит, как должен вести себя в нем новоначальный (2–3 правила); что основным занятием его должна быть молитва (5, 6); каково должно быть внешнее поведение новоначального в храме, в алтаре, вне храма и в трапезе (7–18, 23, 25, 28, 38). Описывает, как должен он относиться к старшим (39) и вообще к братии (40). Здесь же даны наставления, чего должен избегать новоначальный (42) и к чему стремиться (1, 36).

Исполнение всех приведенных правил, по свидетельству епископа Игнатья, «может привести наружное поведение инока в благоустройство, приучить его к постоянному благоговению и наблюдению за собой»¹.

Исполняющий правила наружного поведения, т. е. пребывающий в делании телесного подвига, уподобляется хорошо обработанному сосуду без всяких изъянов. В этот сосуд можно влиять драгоценное муро с уверенностью, что оно не пропадет. Под муром подразумевается духовное делание, к которому инок становится способным только после того, как он научится правильному телесному деланию.

«...Монах, — пишет епископ Игнатьй, — благоустроивший свои обычай, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенным телесными обычаями; оно (душевное делание), напротив того, никогда не может удержаться в иноке, расстроенным по наружному поведению»².

¹ Соч. Т. 5. С. 23? 24. || ² Там же.

В подтверждение своих слов Владыка приводит изречение святого Исаака Сирского и пример из жития св. Василия Великого. Св. Исаак Сирский говорит: «Телесным деланием предваряется душевное, как сотворение тела в Адаме предшествовало вдуновению в него души. Не стяжавший телесного не может иметь и душевного: второе рождается от первого, как колос от пшеничного зерна...»¹.

В житии святого Василия Великого повествуется: когда Василий Великий прибыл в Антиохию, то его друг наставник Антиохийского училища философов Ливаний попросил его произнести поучение юным слушателям. Св. Василий Великий сказал юношам, чтобы они хранили чистоту души и тела, и затем подробно преподал им правила наружного поведения, сказав, чтобы они имели скромную походку, говорили тихо и мало, соблюдали в беседах благочиние, пищу и питие употребляли благоговейно, при старших хранили молчание, были внимательны к мудрым, не были скоры на смех, украшались скромностию... и многими другими словами поучал он слушающих. «Мудрый Василий, — пишет епископ Игнатий, — преподал юношам наставление, наиболее относящееся к их наружному поведению, зная, что благочиние немедленно сообщается от тела к душе и благоустройство тела весьма скоро приведет в благоустройство душу»².

Только тот инок, который приобрел навык в прохождении телесного подвига, становится способным приступить к подвигу духовному.

Пост — основание всех иноческих добродетелей. В ряду телесных подвигов епископ Игнатий большое значение придавал посту, считая его основанием всех добродетелей. По определению Владыки, «пост есть постоянная умеренность в пище с благоразумною разборчивостью в ней».

Святая Церковь заповедует соблюдать пост всем христианам в среду и пятницу в течение всего года и четыре поста: Великий пост, Рождественский, Успенский и Петров, но особенно большое значение имеет пост для монахов.

Человеческое тело не обходится без пищи, однако пресыщении отягощают человеческое тело, но умеренное укрепляет его, делает способным к труду.

¹ Соч. Т. 5. С. 24. || ² Там же. С. 25.

Из-за тесной связи души с телом принимаемая человеком пища влияет и на его духовную деятельность. «Подвиг поста, — пишет святитель Игнатий, — не принадлежит исключительно телу; подвиг поста полезен и нужен не единственно для тела, он полезен и нужен преимущественно для ума и сердца»¹.

От объедения чрева грубоют и ожесточаются сердечные ощущения, а ум теряет легкость и способность к духовному деланию. Инок, не соблюдающий благоразумие в пище, обуревается леностию, унынием и печалию, ему трудно бороться со страстями: блудом, гневом, тщеславием, гордостию; постоянное же небрежение к посту может привести к потере целомудрия и девства.

Борьба с блудной страстью становится для инока, не соблюдающего пост, весьма тяжелой. Владыка Игнатий писал, что «при насыщении тела сердце наше не может не порождать блудных ощущений, а ум — блудных помыслов и мечтаний, которые силою своею и увлекательностию способны изменить самое решительное благое произволение, склонить его к услаждению грехом...»².

Пост инока, по мнению Владыки, должен заключаться как в количестве, так и в качестве потребляемой пищи.

Следуя наставлениям древних подвижников, епископ Игнатий рекомендует инокам вкушать ежедневно, но по немногу. Тем, кто молод и физически совершенно здоров, достаточно принимать пищу однажды в день. Кто физически слаб и чувствует, что ему недостаточно вкушать один раз, может употреблять ее дважды.

В вопросе о посте епископ Игнатий был весьма снисходителен, напоминая, что пост для человека, а не человек для поста. Единожды или дважды принимает инок пищу в соответствии со своими телесными силами, он должен помнить, что при редком или частом вкушении одинаково нельзя объедаться. Пресыщение питает человеческие страсти и делает инока не способным к духовным подвигам.

Каждый инок, вступив на путь служения Богу, должен установить необходимую ему ежедневную меру пищи и стараться не нарушать ее излишеством.

Но ежели пресыщение пищей опасно для инока, столько же душевреден для него и чрезмерный пост. От неумерен-

¹ Соч. Т. 4. С. 86. || ² Соч. Т. 2. С. 357.

ногого поста инок ослабляет свой организм и делается неспособным не только к несению монастырских послушаний, но и к духовным подвигам. Неумеренный пост таит еще и очень опасные последствия: он может привести инока к превозношению и гордости, от которых, как от знойного ветра, погибают все поросли духовной жизни. Нередко за неумеренным подвигом поста, соединенном с превозношением, настает ниспадение в обжорство — попускается инок для смирения его гордости.

Как количество, так и качество пищи имеет большое значение для проходящих подвиг поста.

Утучняющая плоть пища (мясо, жирная рыба), «горячая кровь» (перец, имбирь и др. пряности), при частом употреблении делают инока неспособным к прохождению духовного подвига.

Особенно сильное действие производит мясная пища, она утучняет плоть и разгорячает кровь, поэтому уставы всех российских монастырей исключили мясо из пищи иноков.

Наилучшей пищей для подвижника Преосвященный Игнатий признавал растительную. Она наименее утучняет плоть, не возбуждает страстных движений, способствует чистоте и бодрости ума и делает инока способным к подвигам благочестия.

«Растительная пища почти исключительно употребляется самыми ревностными подвижниками благочестия, особенно ощущившими в себе хождение Духа Божия (2 Кор. 6. 17), по вышесказанному удобству этой пищи и ее дешевизне. Для питания они употребляют одну воду, избегая не только разгорячающих и охлаждающих напитков, но и питательных, каковы все хлебные напитки»¹, — свидетельствует владыка Игнатий, основываясь на опыте древних и современных ему подвижников.

Пост необходим монаху в любом возрасте. Естественно: юным инокам, обладающим крепким здоровьем, для обуздания страстей нужен более строгий пост. Старцы, обремененные многими недугами, не всегда бывают способны к несению строгого поста, но и им необходимо соблюдать посильное воздержание в пище, чтобы не утратить господства духа над плотью, приобретенного долгим подвигом поста и воздержания. Епископ Игнатий пишет: «Напоми-

¹ Соч. Т. 1. С. 139.

нается победителям тщательное хранение при себе оружия, которым добыта победа! И получается победа, и сохраняется добыча, приобретенная победою, одним и тем же оружием — постом».

В одном из своих многочисленных писем епископ Игнатьев выясняет вопрос, каков должен быть пост болящего инока. Со свойственными ему мудrostию и человеколюбием Владыка советует одному иноку, находившемуся от болезни в «крайней немощи», не удручать свое тело постом, а, наоборот, укреплять его и, нисколько не сомневаясь, употреблять Великим постом уху из рыбы. Воздержанием, не соответствующим силам, — разъясняет Архипастырь, — можно привести себя к большему расслаблению, лишиться церковной службы и быть обременением для братий. Ободряя болящего, Владыка говорит: «Сердцеведец Господь, видящий немощь вашу, не исключит вас из числа постящихся» и при употреблении в пост пищи, не дозволенной уставом, но необходимой для поддержания здоровья.

Пост необходим иноку для преуспения во всех добродетелях, поэтому особенно тесную связь видел Владыка между постом и молитвой. Основываясь на учении преподобного Марка Подвижника о посте, епископ Игнатьев говорил: «Чудное совокупление поста с молитвой! Молитва — беспомощна, если она не основана на посте, и пост — бесплоден, если на нем не создана молитва».

Пост ослабляет плотские страсти, а молитва душевые. Если подвижник с постом не соединит правильную молитву, то, искоренив плотские страсти, он возрастит в душе духовные: высокумие, тщеславие, презорство.

Пост способствует внимательной молитве тем, что искореняет страсти и их порождение — порочные помышления и мечтания, которые рассеивают молитву.

Иноку, вознерадевшему о посте, очень трудно сохранять внимательную молитву, так как страстям, не укroщенным постом, свойственно порождать множество мыслей и мечтаний, от которых будет постоянно оскверняться молитва.

Постоянный разумный пост искореняет страсти, способствует молитве инока и выводит его из плотского состояния в духовное. Постом монах очищает себя, преуспевает в смиренении, целомудрии, скромности, молчании, становится способным к духовным подвигам и умозрению.

Каждый инок, желающий преуспеть в духовной жизни, должен с мудрой решимостью проходить подвиг поста, помня слова святителя-подвижника, что «тот, кто колеблет основание добродетелей, тот колеблет все здание добродетелей».

Духовный подвиг инока. «Всякому новоначальному сперва надо преподать делание заповедей Христовых, совершающее телом, а когда по значительном времени он окажется верным в этом делании, то преподать ему и блюдение ума (душевное делание), но только очень просто и умеренно»¹, ибо «душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его», — эти строки были написаны великим поборником внутреннего делания епископом Игнатием. Он в силу особого склада своей души, тонкости и проницательности своего ума еще в ранней молодости стал на путь духовного подвига. Несомненно, что его слабое здоровье, делавшее его малоспособным к прохождению телесных подвигов, способствовало истинному подвижнику углубиться в делание духовного подвига.

Сознавая необходимость духовного подвига,ющего привести монаха к совершенству и к достижению блаженной жизни, Владыка устно и письменно возвещал о нем инокам, внимавшим его гласу.

Его «Приношение современному монашеству» почти целиком состоит из «советов относительно душевного иноческого делания». Упомянутые «Правила наружного поведения» являются по сравнению со всей книгой лишь небольшим вступлением. Епископа Игнатия в полном смысле можно назвать *учителем духовного делания* и его *неутомимым глашатаем*.

Учение Владыки о духовном подвиге глубоко и многосторонне, в этом и в последующих разделах этой главы мы постараемся раскрыть основные положения этого учения.

Глубокий знаток человеческой природы, епископ Игнатий знал, что в человеке жизнь не прекращается ни на мгновение: ум никогда не перестает рождать мысли, а сердце чувствования, но так как и ум и сердце заражены гре-

¹ См.: Прилож. Т. 2. С. 613. Изречения, извлеченные из писем к монахам. № 44.

хом, то естественно, что рождаемые ими мысли и чувства чаще всего бывают небогоугодными. «Душа, — пишет епископ Игнатий, — не может быть без непрестанного упражнения, если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые рождаются в ней самой, иначе, она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена»¹.

Духовное делание заключается в том, чтобы дать уму и сердцу занятие богоугодное. Подвиг этот весьма труден, но без него невозможно достигнуть совершенства.

Как тело без души мертво, так и телесный подвиг без духовного бесплоден. Душа оживляет тело, а духовный подвиг оживляет телесные подвиги инока. Тело без души подвергается тлению и издает зловоние, так и наружное благочестие без умного делания «сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением...» и другими трудно выявляемыми страстями.

В одном из писем епископ Игнатий пишет, что при одном телесном жительстве «вводится в душу самомнение и развиваются душевые страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может, и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения, ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов и наружных дел», но телесный делатель не удостоится той милости от Бога, которую Господь «дарует всем рабам Своим, работающим Ему и телесным, и духовным подвигом»².

Каждый инок должен стремиться освоить не только телесный подвиг, но и быть делателем умного подвига, ибо, по словам Преосвященного Владыки, «без истинного умного делания монашество есть тело без души».

Признавая тесную связь между телесным и духовным подвигом, епископ Игнатий считал, что его поколение иноков по слабости сил не способно к великим телесным подвигам, которые могли совершать иноки первых веков. Поэтому он советует инокам его и последующих поколений основное внимание, основные силы употреблять на стяжение духовного подвига.

¹ Соч. Т. 5. С. 30. || ² См.: Прилож. Т. 2. С. 190. № 107.

Значение духовного подвига для монашества того времени прекрасно раскрыто епископом Игнатием в письме к Санкт-Петербургскому митрополиту Исидору: «По настоящему положению монашества в России, и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества, и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновало. Миновало оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного ответа в монашеской жизни ни себе, ни братиям своим, живущим посреди мира... Духовный подвиг... он один может облечь монаха во всеоружие для отражения... враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой... Самый телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенною благотворностию, которой он чужд, когда действует один»¹.

Чтение Евангелия и творений святых Отцов. Так как Евангелие есть основа духовной жизни инока, то, естественно, что основным келейным занятием новоначального должно быть чтение всего Нового Завета. При этом новоначальному епископ Игнатий рекомендует сперва изучить заповеди Христа Спасителя в Евангелиях от Матфея и Луки. Изучение евангельских заповедей должно заключаться в посильном практическом исполнении их, а не в теоретическом, школьном познании. Практическое усвоение заповедей, изложенных у евангелистов Матфея и Луки, помогает лучше усвоить и весь Новый Завет.

Когда новоначальный встанет на путь деятельного исполнения евангельских заповедей, ему можно приступить к изучению святых Отцов.

Епископ Игнатий чтению писаний святых Отцов придавал большое значение для духовного роста инока. Но, зная склонность людей (особенно молодых) к увлечению прочи-

¹ Прилож. Т. 2. С. 38. № 4.

танным, он предостерегал новоначальных от чтения книг, не соответствующих их духовным понятиям. Если книга написана для безмолвников и живописует об обилии духовных плодов, доставляемых безмолвием, то в новоначальном она непременно возбудит желание оставить свою обитель и где-либо в уединенном месте предаться безмолвию. Если же книга написана для общежительных монахов и говорит о том совершенстве, которого может достигнуть инок под руководством старца, то в новоначальном может возгореться желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Но, по замечанию епископа Игнатия, «Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жительств».

Новоначальный, находясь под сильным влиянием прочитанной книги и не находя в окружающей его действительности того, о чем прочитал, может с большим ущербом для своей духовной жизни оставить свою обитель ради несбыточной мечты найти где-либо совершенное жительство.

Предостерегая новоначального от увлечения прочитанной книгой, епископ Игнатий приводит слова святого Иоанна Лествичника, который писал: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, не свойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников и найдешь там понятие, родившееся от самобольщения, найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, ...совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли от братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии упомянутых добродетелей... Обольститель (диавол) ублажает пред безмолвниками страннолюбие послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтобы вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми¹. Эти и подобные им мысли и желания могут возникнуть в новоначальном от чтения книг, не соответствующих его образу жизни.

¹ Соч. Т. 5. С. 53, 54. Лествица. Слово 4-е.

Из всех творений святых Отцов новоначальному иноку, так же как и мирянину, без всякого опасения можно читать сочинения святителя Тихона Воронежского. «Они, — по словам епископа Игнатия, — не имеют односторонней цели и служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира, и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников»¹.

Все прочие Святоотеческие творения епископ Игнатий рекомендует читать, положив себе за правило: первое, не увлекаться направлением книги, второе, не читать книги поспешно и третье, соблюдать постепенность — начиная с творений более простых, постепенно переходя к более углубленным.

Сам епископ Игнатий более всего ценил поучения преподобного аввы Дорофея. Он писал: «Я столько уважаю эту книгу, что и доныне не перестаю перечитывать ее для назидания моего и братий моих»².

Все перечисленные книги относятся к разряду деятельных, или подвижнических, так как в них изложены иноческое делание и подвиги инока. Св. Иоанн Лествичник сказал: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то и читай книги деятельные (подвижнические)».

Чтение перечисленных книг помогает иноку ознакомиться ближе и точнее с «монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом» и, что особенно важно, возбуждает его к молитве.

От чтения всех остальных Святоотеческих книг, особенно тех, которые приводят к «размышлениям и созерцаниям», епископ Игнатий советует воздержаться иноку.

Необходимость внимания при молитве. Епископ Игнатий придавал большое значение вниманию при молитве. Чтобы молитва принесла свои обильные плоды, надо, чтобы молящийся непрестанно присутствовал вниманием в произносимых им словах. Произнося любую молитву, инок должен своим умом соприсутствовать словам молитвы, не механически произносить слова, но и умом осознавать их.

¹ Соч. Т. 5. С. 50. || ² См.: Прилож. Т. 2. С. 365. № 188.

Инок, молящийся без внимания, не бывает услышан. О необходимости внимания при молитве учили многие великие учителя иноков.

Епископ Игнатьй, всегда подтверждавший излагаемые им вопросы Святоотеческим учением, приводит следующие цитаты из творений святых Отцов о необходимости внимания в молитвенном подвиге.

Преподобный Нил Сорский говорит, что молящийся гласом и устами, без внимания, молится на воздух, а не Богу.

«Странно твое желание, чтоб Бог тебя услышал, когда ты сам себя не слышишь», — говорит святой Димитрий Ростовский, заимствуя эти слова у священномученика Киприана Карфагенского.

Святой Симеон Новый Богослов, усматривая тесную связь между вниманием и молитвой в борьбе с лукавыми помыслами, уподобляет внимание стражу, который охраняет молитву. Он пишет: «Внимание должно быть столько связуемо и неразлучно с молитвою, сколько связуется тело с душою, которые не могут быть разлучены, не могут быть одно без другого. Внимание должно предварять и стеречь врагов, как некоторый страж; оно первое да подвизается на грех, да противстоит лукавым помыслам, приходящим к сердцу; вниманию же да последует молитва, немедленно истребляющая и умерщвляющая все лукавые помыслы, с которыми внимание, во-первых, начало борьбу: ибо оно одно не может их умертвить. От этой борьбы, производимой вниманием и молитвою, зависит жизнь и смерть души. Если храним молитву посредством внимания чистою, то преуспеваем. Если же не стараемся хранить ее чистою, но оставляем нестрегомою, то ее оскверняют лукавые помыслы, — мы соделываемся непотребными, лишаемся преуспеяния»¹. Молящийся без внимания начинает довольствоваться и удовлетворяться количеством произносимых молитв и временем, употребленным для этого, не обращая совершенно внимания на то, что его ум и сердце оставались безучастны в молитве.

С молящимися одними устами без всякого внимания к читаемому нередко случается так, что они внезапно останавливаются, не зная, что читать дальше, или вставляют

¹ Соч. Т. 2. С. 184, 185.

слова из другой молитвы, хотя открытая книга лежит перед ними. Чаще всего это говорит о том, что в подобных случаях мысли произносящего молитву были весьма далеко, он думал о чем угодно, но не о том, что читает, внимание его не было приковано к словам молитвы.

Внимательная молитва приобретается не сразу. Новоначальному нужно с постоянством приучить себя к ней. Сколько бы раз ум его ни отлетал от молитвы, его нужно опять и опять возвращать, вводить в слова молитвы. Внимательной молитве способствует неспешное произнесение слов молитвы. Медленное произнесение молитвы способствует уму быть заключенным в словах молитвы. Новоначальному полезно, когда он находится один, произносить молитвы вслух (вполголоса) — это также способствует сохранению внимания. Иноку лучше всего приучить себя к внимательной молитве при исполнении келейного правила.

Находясь в храме, читая или слушая молитвословия, нужно также понуждать свой ум не отлучаться от молитвы. Труд этот нелегок, но он необходим для духовного преуспевания инока.

Плод внимательной молитвы весьма обилен. Он состоит «в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнью Духа».

Полное непоколебимое внимание при молитве есть величайший дар благодати Божией. Инок, желающий получить этот дар, должен доказать это постоянным принуждением себя к внимательной молитве. За постоянство и терпение Бог в Свое, Ему Одному известное время может даровать иноку непоколебимое внимание в молитве.

Молитва святых была одушевлена вниманием и божественною Благодатию, которая соединяла воедино разделенные грехом силы человеческие. Облагодетельствованная молитва святых производила непреодолимое впечатление на тех, кому удавалось ее услышать. В рукописном житии преподобного Илариона Сузdalского повествуется, что когда он читал в Церкви акафист, то слова вылетали из его уст наподобие огня и с необъяснимой силой действовали на слушателей. Молитва, произносимая святыми устно, была неразрывно соединена с умом, сердцем и всем существом их, они произносили свои молитвы от всей крепости своей. Во время такой молитвы преподобный Сергий Радо-

нежский сподобился посещения Божией Матери с апостолами Петром и Иоанном.

Но чтобы грешному человеку иметь хотя бы слабое подобие молитвы святых, ему нужно непрестанное понуждение к внимательной молитве. Св. Иоанн Лествичник пишет, что к молитве нужно понуждение в течение всей жизни, весьма редкие подвижники избавлялись от понуждения к молитве, пребывая в ней постоянно. От постоянного понуждения себя к внимательной молитве инок начинает постепенно ощущать утешение от молитвы, это утешение облегчает ему понуждение, делает молитвенный подвиг радостным. Внимательная молитва со временем может перейти в постоянную, постоянная молитва возводит инока к более высоким ступеням духовного совершенства.

«Братья! — обращается Святитель ко всем инокам, — будем внимательны в устных и гласных молитвах наших, произносимых нами при церковных службах и в уединении келейном. Не сделаем наших трудов и жизни в монастыре бесплодными нашею невнимательностию и небрежением в деле Божием. Пагубно небрежение в молитве! «Проклят, — говорит Писание, — творящий дело Божие с небрежением» (Иер. 48. 20). Очевидно действие этой клятвы: совершенное бесплодие и безуспешность, несмотря на долголетнее пребывание в иночестве. Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами, для которого все прочие подвиги, внимательную устную и гласную молитву, за которую Милосердный Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную»¹.

Непрестанная молитва есть дар Божий, и инок должен употребить все усилия, чтобы сделаться достойным этого бесценного дара.

Непрестанная молитва заповедана Самим Христом Спасителем. Святой апостол Павел дважды в своих Посланиях говорит о непрестанной молитве. «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5. 17), — заповедует он христианам Солуни. Тимофею апостол Павел писал: «Хощу убо, да молитвы творят

¹ Соч. Т. 2. С. 187, 188.

мужие на всяком месте, воздевающе преподобные руки без гнева и размышления» (1 Тим. 2. 8). Епископ Игнатий считал, что под именем мужей апостол Павел подразумевает христиан, достигших совершенства, ибо только совершенным христианам свойственно молиться «без гнева и размышления» — в глубоком мире, в любви к ближним, без памятозлобия и осуждения их и не развлекаясь посторонними помыслами и мечтаниями — без «размышления».

Несомненно, что сами Апостолы, получив лично от Господа заповедь о непрестанной молитве и передавшие ее всем христианам, сами непрестанно пребывали в молитве. До принятия Святого Духа они пребывали в одном доме, занимаясь молитвою и молением (Деян. 1. 14). Епископ Игнатий полагает, что «молитвою» в Деяниях святых Апостолов названы те молитвы, которые Апостолы совершали вместе, а под «молением» подразумевается постоянное молитвенное направление их духа — непрестанная молитва.

Пребывая в непрестанной молитве, святые Апостолы сподобились в день Пятидесятницы принять Духа Святого. Инок, пребывающий в непрестанной молитве, становится способным также к принятию в свою духовную храмину Благодати Духа Святого. Иноки Первенствующей Церкви Христовой непрестанно упражнялись в молитве, память Божия всегда была с ними. Непрестанный делатель молитвы преподобный Антоний Великий завещал всем инокам непрестанное памятование имени Иисуса Христа.

Во времена расцвета древнего монашества непрестанною молитвою занимались все иноки. Св. Иоанн Лествичник свидетельствовал, что иноки одного изalexандрийских общежитий, которое он сам посетил, «и сами за трапезою не престают от умственного подвига, но установленным и введенным в обычай знаком и мановением блаженные напоминают друг другу о молитве, совершающей в душе. И делают они это не только за трапезою, но и при всякой встрече, при всяком собрании»¹.

Благотворное действие непрестанной молитвы выше всякого объяснения. Только тот инок, который ощущил в себе плоды непрестанной молитвы, может знать о них, но не всегда бывает способен поведать об этом другим, потому

¹ Соч. Т. 2. С. 192.

что непрестанная молитва и ее плоды есть великий дар Божий, необъяснимый человеческим разумом и словом.

Непрестанная молитва — это верный путь, ведущий инока к Богу. Святой Исаак Сирский говорит: «Иначе, как непрестанною молитвою, невозможно приблизиться к Богу». Естественно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального. Чтоб стать способным к ней, новоначальный должен долгое время приучать себя к частой молитве. К частой молитве инок может приучать себя в любую свободную минуту, а также исполняя различные монастырские послушания, не связанные с умственной деятельностью. Епископ Игнатий дает такой совет всем инокам: «Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? Не убей его в праздности! Не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! Употреби его на упражнение молитвою... Если случится, по немощи, или правильнее, по свойству падшего естества, увлечься обольстительными мечтаниями и помыслами, — не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности, ...приими меры предосторожности. Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной»¹.

Значение скорбей в духовной жизни инока. Долгий опыт подвижнической жизни привел владыку Игнатию к убеждению, что скорби имеют большое значение для духовного роста монаха. Каждый инок, живущий безмятежной, не возмущаемой никакими скорбями жизнью, в силу греховности, присущей каждому человеку, может всецело прлепиться душой к земле, прийти в состояние духовной теплоХладности и совершенно забыть о своем небесном отечестве.

Напоминанием непостоянства всего земного, ослаблением действия страстей скорби способствуют спасению каждого человека. Преосвященный Игнатий говорил, что скорби противодействуют нашему падению и способствуют нашему восстанию. По причине необходимости скорбей Христос Спаситель ведет «стезею скорбей» Свое стадо в страну блаженной вечности. «Тому, — говорит Святитель, —

¹ Соч. Т. 5. С. 113.

кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: Иже не возмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин (Мф. 10. 38)»¹. Скорби для монаха так же, как и для мирянина, по мнению Владыки, являются «чашей Христовой», которая делает земных участников этой чаши причастниками непрестающего наслаждения в жизни вечной.

Указывая иноку путь всецелого устремления к Богу, скорби делают его способным на все в этой жизни смотреть очами веры и надежды. «Чаша Христова, — свидетельствует епископ-аскет, — отверзает вход в страну разума духовного, состояния духовного; вшедший туда и причаствившийся трапезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бесчувственным к временным скорбям и лишениям, начинает совершать свое земное странствование как бы несущийся по воздуху превыше всего — на крыльях веры»².

Преосвященный Игнатий учил, что иноческие скорби возникают из четырех источников: из падшего естества, из мира, от людей и от демонов.

Падшее человеческое естество — основной источник всех скорбей, оно порождает разнообразие греха, делает человека восприимчивым к соблазнам мира, служит поводом к восстанию людей друг против друга и дает повод падшим духам приступить к человеку. Скорби, возникающие от всех четырех перечисленных причин, при терпеливом перенесении их делают инока более совершенным в духовной жизни. Скорби, возникающие от падшего естества, научают инока надеяться не на себя, а на Бога, доставляют ему опытное познание своего падения и необходимость Искупителя.

Скорби от греховного мира научают превратности земной жизни и воспитывают в нем хладность ко всему временному.

В жизни каждого инока бывают скорби и от окружающих его людей. Эти скорби смиряют гордость, присущую сердцу каждого человека, и способствуют деятельности осуществлению заповеди о любви к врагам. Святитель Игнатий неоднократно в своих творениях рассматривает вопрос, как инок должен относиться к людям, причинившим ему

¹ Прилож. Т.2. С. 386. № 200. || ² Там же. С. 397, 198. № 206.

скорбь. Владыка учил, что в скорбных обстоятельствах людей нужно оставлять в стороне и благоговейно обращать свой взор к Богу, Который для нашего же блага попускает нам скорби через людей. К одному священноиноку, находившемуся в скорбных обстоятельствах, Владыка писал: «Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства, — только орудия во всемогущей деснице Божией».

Монаху, научившемуся переносить скорби от своего падшего естества, от мира и от людей, попускаются скорби от лукавых духов. Лукавые духи первоначально восстают на подвижника через падшее естество, затем наносят скорби через мир и ближних, и когда инок выходит победителем первых трех видов скорбей, ему может быть попущена открытая брань с падшими духами. Победитель в этой бране становится причастником особых духовных дарований. Несмотря на огромную значимость скорбей в деле спасения, инок сам никогда не должен искать скорбей, а по мере своих сил «стараться о уничтожении причин скорбей, если это зависит от него». Если же он не смог отвратить скорбь, то нести ее безропотно, помня, что Господь никогда не посыпает скорбей выше сил человека. Соразмерно скорбям подает и благодатную помощь, а тем, кто был мужественен в скорби, дарует обильное утешение по миновании скорби.

Епископ Игнатий, наблюдая за монашеством своего времени, свидетельствовал, что скорби иноков непрестанно увеличивались. В этом он видел милосердное попечительство Божие к монахам его времени. При постепенном ослаблении иноческих подвигов скорби становились непременным условием достижения спасения. Каждый монах всегда должен быть готов встретить любую скорбь и не ждать упокоения. Спокойствие внутреннее и внешнее подается лишь тому, кто искренне считает себя недостойным его.

Особенно большое значение в числе больших скорбей епископ Игнатий придавал болезням. Как уже говорилось в жизнеописании Владыки, он всю свою жизнь непрестанно болел. Терпеливо перенося многие болезни, Владыка видел в них великую милость Божию к себе. Об этом он писал своему другу: «Судьбы Божии помогают тем, которые имеют искреннее, хотя и немощное намерение спасти. Тебе известно, как рано мне были посланы болезни.

Вижу, что болезненность моя есть дар Божий: она обузды-
вает меня и, лишая временного благоденствия, привлекала
ко мне вечную милость Божию»¹.

Каждому иноку непременно в жизни встретятся скорби.
По мнению Владыки, для тех иноков, которые последуют
Христу, подобно верховному Апостолу Петру и первозван-
ному Андрею, пред назначен крест. Те, кто обращаются ко
Христу, как разбойник, того удел — опять крест. Для перв-
ых крест — венец, для вторых лестница в небо. Крест —
скорби удел всех последователей Христа.

Всем инокам Владыка напоминает: «Каковы бы ни были
наши обстоятельства... — невозможно быть Христовым без
креста, «еже есть, — говорится в пострижении в монаше-
ство, — готову присно быти к подъятию всякой скорби»,
которую Промыслитель нам попустит»².

III. Мнение епископа Игнатия о видах иноческой жизни применительно к монашеству его времени

Жизнь под руководством старца. Чтобы новоначально-
му встать на правильный путь духовной жизни и твердо
шествовать по нему, иноку необходимо вручить себя руко-
водству опытного наставника — старца. Старческое руко-
водство существовало во всех древних обителях. Там бого-
просвещенный старец, руководствуясь Святым Духом, со-
общает во всем своему пасомому волю Божию. Со стороны
же руководимого требуется глубокая вера в слова старца и
полное послушание его воле.

Древние старцы, опытно постигнув трудный путь мона-
шеского делания, умели пресекать греховную волю вверив-
шихся их руководству и насаждать в сердцах своих пасо-
мых евангельские добродетели. Под руководством старцев
древние иноки за короткий срок достигали значительного
совершенства.

Иноческое послушание в том виде, в каком оно суще-
ствовало в среде древнего монашества, есть высокое духов-
ное таинство. В России старчество существовало во всех
древних монастырях, но с упадком христианства старче-
ство постепенно ослабело. Возродителем его был схиархи-

¹ Прилож. Т. 4. С. 301. № 729. || ² Прилож. Т. 2. С. 363. № 185.

мандрил Паисий Величковский. Затем ученики его, рассеявшись по многим обительям Русской земли, постепенно вводили в них старческое руководство. Во второй половине XIX века рассадниками старчества в России были Оптина и Глинская пустыни и некоторые другие обители.

Епископ Игнатий сознавал необходимость старческого руководства в духовной жизни монашествующих. Он сам в годы прохождения послушаний в различных монастырях усердно искал руководителя, но не смог найти.

В предисловии к пятому тому Владыка писал, что он почти постоянно встречался с руководителями, «болезновавшими слепотою и самообольщением».

И Господь от юности вел его особым путем — многотрудным и многоскорбным, сделал его причастником особых духовных дарований; руководители Владыки, возможно, не имели этих даров и поэтому не могли быть его наставниками. Во времена епископа Игнатья старческое руководство уже начало процветать в Оптиной Пустыни. В 1856 году архимандрит Игнатий посетил Оптину. Обитель в то время была в самом цветущем состоянии. Он был свидетелем, как семидесятилетний иеромонах Макарий занимался духовным руководством братии и назиданием многочисленных посетителей.

Но несмотря на значительное духовное преуспеяние многочисленного братства (до двухсот человек) Оптиной обители, архимандрит Игнатий своим духовным взором заметил, что из всех оптинцев «очень немногие... обнаруживали способность сделаться врачами, руководителями других, для чего нужна и врожденная способность, и дух, выработанный истинным монашеским подвигом»¹.

Епископ Игнатий вслед за многими святыми Отцами предупреждает иноков о том, как пагубно вверить свою душу неопытному наставнику. «Очевидно, — пишет он, — что умерщвление падшей воли, совершающее так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстями».

Инок, который подчинился руководству неопытного старца, находящегося в плену у страстей и пороков, становится

¹ Соч. Т. 1. С. 485.

со временем не на путь богоугождения, а человекоугождения и человекоугодничества. Совместить же служение Богу и человеку невозможно, ибо святой апостол Павел говорит: «У людей ли я ныне ищу благоволения или у Бога? Людям ли угождать стараюсь? Если бы я поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал. 1. 10) и «Не весте ли, яко ему же представляете себе рабы в послушание (человеку плотского мудрования или Богу), раби есть, егоже послушаете, или греха (и плотского мудрования) в смерть, или послушания в правду (Божию и во спасение)» (Рим. 6. 16).

Гибельность неправильного руководства состоит в том, что неискусный старец не может не направить духовную жизнь пасомого по пути, на котором сам стоит. Если сам он стоит на ложном пути, то и другого будет подталкивать на этот путь, потому что «послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется».

Если новоначальный совершенно несведущ в учении Священного Писания и святых Отцов, то он может и не постигнуть, что он вводится своим старцем на ложный путь, становясь на путь самообольщения и прелести.

Если же новоначальный «сколько-нибудь умен» и занимается чтением Священного Писания и творений святых Отцов, то он сам не без смущения и душевного расстройства оставит своего неудачливого руководителя. Разрыв ученика со своим наставником из-за неправильного руководства последнего всегда приводит к духовному расстройству не только ученика, но и учителя.

Из житий святых известно несколько примеров, как ино-ки, находясь в послушании у неискусных старцев, достигли совершенства (преподобный Захария и преподобный Акакий). Но, как говорит епископ Игнатий, хотя эти ино-ки и жили под руководством «недостаточных старцев», они имели возможность руководствоваться советами духовных отцов и назидательными примерами, которыми была преисполнена жизнь.

Жизнь преподобных Захария и Акакия, по мнению епископа Игнатия, «вне общего порядка и правила». Каждый ино-к должен в своей жизни руководствоваться общими правилами, а не исключениями из правил, помня слова святого Исаака Сирского, который учил: «Образ действия Пр-

мысла Божия вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка».

Существует мнение, что вера послушника может восполнить «недостаточество» старца. Епископ Игнатий был в корне не согласен с этим мнением. Он говорил: «...Вера в истину спасает, вера в ложь и бесовскую прелесть — губит...»¹, ибо и апостол Павел пишет о произвольно погибающих, что они «любви истины не прияша, во еже спастися им. И сего ради послет им Бог действо лести, во еже веровать им лжи, да суд примут вси неверовавшие истине, но благоволившие в неправде» (2 Сол. 2. 10–12).

Правда, известны случаи, когда по особому смотрению Божию вера действовала через грешников, обращая ко спасению и самих грешников. Епископ Игнатий приводит два примера из житий святых. 1. Исцеление слепой монахини, испившей воду, которой были умыты ноги разбойника Флавиана, переодевшегося с целью ограбления обители в одежду инока-странника. 2. Воскресение умершего младенца по молитве блудницы. Но эти примеры опять являются не правилом, а исключением из правила, и «мы поступим правильно, — пишет епископ Игнатий, — если будем удивляться смотрению, непостижимым судьбам Божиим, укрепляясь в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания»². Искренняя вера новоначального не может восполнить недостатка старца, и если он (новоначальный) не прекратит с ним общения, то непременно нанесет вред своему душевному деланию, а может быть, получит и смертоносную душевную рану.

Св. апостол Павел писал колуниям: «Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, бесчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас» (2 Сол. 3. 6). Эти слова могут быть достаточным основанием каждому иноку для удаления от старца, учение которого противоречит Священному Писанию и нравственному преданию Св. Церкви.

Долгий опыт руководства пасомыми показал епископу Игнатию, что у новоначальных может появиться желание отделиться от своего старца и в том случае, когда для них

¹ Соч. Т. 5. С. 73. || ² Там же. С. 74.

нет абсолютно никакого вреда душевного, а имеется прямая польза. У новоначальных часто появляются помыслы недовольства руководством своего наставника, сомнения в его опытности и нежелание исповедовать пред ним свои помыслы. Если все эти помыслы не имеют ни малейшего основания и на деле инок не видит никакой опасности для своей души, то нужно признать эти помыслы вражескими и не повиноваться им, ибо они (бесовские помыслы), по словам епископа Игнатия, «действуют именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас».

Естественно, даже у самого совершенного и опытного в духовной жизни старца бывают малые человеческие слабости и недостатки, которые, однако, для неопытного новоначального могут явиться соблазном и поводом к отделению. Мудрый Владыка, предостерегая от такого неверного намерения, писал: «Святые Отцы заповедуют инокам помнить добродетели своих наставителей, часто размышлять о их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучцы, в сравнении с которыми наши немощи — бревна»¹.

Необходимость откровения помыслов старцу. В деле старческого руководства епископ Игнатий особенно большое значение придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу. Ежедневная исповедь своих помыслов есть древнейшее монашеское делание. Основываясь на словах св. Апостола Иакова «исповедуйте друг другу согрешения, яко да исцелеете» (Иак. 5. 16), епископ Игнатий считал, что это делание (ежедневное откровение помыслов) «по всей вероятности, установлено самими Апостолами»².

Естественно, что принимать помыслы новоначальных может не каждый старец, а лишь достигший известной степени бесстрастия и имеющий дар рассудительности. Монахам епископ Игнатий советовал скрывать от всех, кроме старцев, свои браны, потому что неопытный инок может сильно уязвиться, услыхав мысленную брань другого. Одной инокине Преосвященный писал: «Понуждай себя простоте и откровенности перед старицею; от всех же других

¹ Прилож. Т. 2. С. 453. № 222. || ² Соч. Т. 1. С. 491.

вполне скрывай свои браны, потому что такою преступною откровенностию повредишь себе и другим, которым отнюдь не полезно слышать о твоих бранях»¹.

Ежедневное откровение старцу всех своих согрешений, помыслов и недоумений приносит иноку великую душевную пользу. Ни один подвиг не может умертвить страсти так, как открытие их старцу. «Страсти отступают от того, кто без пощадения исповедует их. Телесное вожделение увядает от исповедания более, нежели от поста и бдения», — учит Владыка².

При восстании мысленной блудной брани откровение помыслов является целительным бальзамом для души. Святитель Игнатий писал одной монахине: «Если хочешь стяжать крепость в невидимой брани, особливо против блудного духа, который, как и все духи, ловит в тайне, исповедуй не стыдясь твои поползновения старице твоей и исцелеешь»³.

Иноки, в юности своей открывающие свои помыслы наставнику, скоро на опыте узнают, какое от этого происходит облегчение в душевой брани, и поэтому не прекращают прибегать к этому врачеванию и в зрелые годы.

Для начинающего инока откровение помыслов часто бывает сопряжено с большими трудностями. Враг часто возбуждает в новоначальных чувства ложного стыда и этим препятствует чистосердечно поведать старцу все греховные помыслы и сомнения, бывшие в течение дня. При таких борениях иноку нужно силой воли принудить себя к откровенности, и только тогда он почувствует ослабление внутренней брани, а со временем и совершенно сможет избавиться от нее.

Преосвященный Игнатий опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов весьма трудно правильно устроить свою духовную жизнь. «...Твое спасение единственно от твоей откровенности пред старицею, — пишет Владыка одной из своих духовных дочерей. — Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а преобу-

¹ См.: Прилож. Т. 2. С. 464. № 235. || ² Соч. Т. 1. С. 490. В письме № 255 (Т. 2. С. 465) епископ Игнатий пишет: «При решительном откровении согрешений: делами, словами и помышлениями, можно в один год преуспеть более, нежели при посредстве других подвигов, самых трудных в течение десяти лет. Оттого враг и берет так сильно против этого спасительного делания». || ³ См.: Прилож. Т. 2. С. 459. № 229.

дешь в плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет Благодать Божия¹. Любая внутренняя брань, даже самая малая, от исповедания ее пред старцем сразу же слабеет, но если инок будет долгое время скрывать ее, то он может прийти в душевное изнеможение и не уврачуется, пока не откроет чистосердечно в простоте сердца все, что происходит у него в душе.

Откровение помыслов способствует духовному возрождению инока прежде всего потому, что старец в душе, полностью открытой ему, может пресекать грех в самом его корне — помыслах.

Молодые иноки нередко бывают преисполнены жаждой суровых и возвышенных подвигов. Неразумная ревность побуждает их к трудам выше сил. Сам человек в силу своей греховности не может определить, духовной или плотской ревностью движим он. Только ежедневное исповедание старцу всех своих намерений и мудрый старческий совет, преисполненный любвеобильной строгости, может отвратить инока от безрассудной ревности, ведущей к гордости и вечной гибели души, и научить ревности духовной, преисполненной смирения и кротости — этих евангельских добродетелей, без которых невозможно духовное преуспеяние инока.

Иноки, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способными помогать ближним в их душевных смущениях.

Наблюдая в Оптиной Пустыне за учениками иеромонаха Макария, которые ежедневно ходили к нему на откровение помыслов после вечернего правила, Владыка пришел к заключению, что ученики старца Макария очень заметно отличались от тех, которые жили самочинно. Мысль, что им предстоит исповедь, была для учеников как бы постоянным стражем; она приучала их к бдительности над собой. Ежедневная же исповедь делала их сосредоточенными, непрестанно углубленными в Писание.

Как уже говорилось ранее, сам епископ Игнатий откровение помыслов считал основой духовного воспитания иноков, находившихся под его духовным руководством. Он сам уже в 27 лет имел дар принимать помыслы своих пасомых вполне бесстрастно. Своей духовной мудростью он вел учеников к истинному преуспеянию. Ученики архимандрита

¹ Прилож. Т. 2. С. 464. № 235.

та Игнатия имели обыкновение вести дневную запись своих помыслов, а в конце дня чистосердечно и с полной откровенностью раскрывали ему свои греховные язвы. Настоятель-старец архимандрит Игнатьй, несмотря на свою болезненность, ежедневно принимал на себя нелегкий труд выслушивать помыслы и давать наставления своим ученикам. Польза от откровения помыслов для учеников аввы Игнатья была очевидна.

О жизни по совету старших. Признавая необходимость для инока жизни в полном послушании у старца, епископ Игнатьй признавал, что послушание старцам в том виде, в каком оно существовало в древних монастырях, «не дано нашему времени».

Владыка сравнивал путь полного послушания старцу с обильной духовной трапезой Отцов. Инокам же его времени, по мнению преосвященного Владыки, было предоставлено Промыслом Божиим питаться крупицами, оставшимися от этой трапезы. «Эти крупицы не составляют собою удовлетворительной пищи, но могут, хотя без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти»¹. Крупицами епископ Игнатьй называл духовную жизнь, основанную на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых Отцов при совете и назиданиях, получаемых от современных отцов и братий.

Жительство по совету имеет некоторое сходство с послушанием древних иноков, но в то же время оно значительно отличается от него, ибо преисполнено душевной немощи иноков позднейших времен. Древним инокам их духовный старец сразу же возвещал волю Божию; иноки уже времен епископа Игнатья должны были познавать волю Божию в Писании, а так как не каждый может сразу же и правильно найти волю Божию применительно к нужному случаю, то, естественно, на их духовному пути встречались продолжительные недоумения и погрешности. Духовное совершенство древних иноков под руководством старцев было быстрым и многоплодным, «ныне оно косно опять по свойству делания», — говорит епископ Игнатьй.

Подобно преподобному Антонию, новоначальные, по мнению епископа Игнатья, должны оказывать послушание настоятелю и всем отцам и братиям обители. Любые послу-

¹ Соч. Т. 5. С. 75.

шания, не противные закону Божию и уставу монастыря, нужно исполнять нелицемерно и не из чувства человекоугодничества, без лести и лукавства, а в простоте сердца ради Бога. Но нельзя исполнять послушания, в основе которых лежит зло. При этом не нужно бояться, что при этом придется за нечеловекоугодие и твердость претерпеть и скорбь. При каждом недоумении нужно советоваться с разумными отцами и братиями. Но, выслушивая их советы, так же как и при чтении Святоотеческих книг, нужно быть весьма внимательным к себе, чтобы не увлечься советом по первоначальному его впечатлению.

У инока, живущего по совету старших, хотя и могут возникнуть многие трудности, но этот путь намного безопаснее, чем жизнь всецело по своей воле. Жизнь по совету старших, хотя и не в полной мере, все же приучает инока к послушанию и отвержению своей воли и разума.

Отшельничество и затворничество. Преосвященный Игнатий считал, что такие возвышеннейшие роды иноческой жизни, как отшельничество в глубокой пустыне и безмолвие в затворе, а также жизнь в послушании духовносному старцу, возникли не случайно, а по особому определению Божию. Господь призывает к этому труднейшему роду иноческого жительства особых избранныков, в которых Он предвидит способность к полному безмолвию, и предоставляет им в пустынях такие средства для жизни, которых сам себе человек найти не может.

Отшельничество — самый трудный вид монашеской жизни. Отшельник вступает в борьбу не только со своими страстями, греховными помыслами, но нередко и в открытую брань с темными духами, которые восстают на отшельника с такой силой, что только помочь Божия может даровать ему победу. Отшельники и затворники часто подвергались величайшим душевным бедствиям — самообольщению и бесовской прелести. Особенно те из них, которые вступили на путь отшельнической или затворнической жизни лишь самочинно.

Новоначальный инок никогда не должен стремиться к отшельнической жизни и затворнической жизни. Новоначальный не способен понести трудного духовного делания и духовной борьбы, в которых постоянно пребывают отшель-

ники и затворники. Не имея опыта умного делания и душевной борьбы, новоначальный инок может стать игралищем бесов и прийти в полное умоисступление. Все святые отцы единогласно учат: новоначальному иноку нужно пребывать в обществе других иноков и деятельным исполнением евангельских заповедей постепенно преуспевать в телесном и душевном подвигах.

Свой взгляд на отшельничество и затвор, основанный на долгом наблюдении за монашеской жизнью, владыка Игнатьй выразил следующими словами: «В настоящее время в нашем Отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным; а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместимый, чем когда-либо. В этом нужно видеть волю Божию и покоряться ей»¹.

Хотя отшельничество и безмолвничество и неосуществимы в том виде, в каком они существовали в древности, но и теперь можно, по мнению Владыки, быть приятным Богу безмолвником. «Не подумай, — писал епископ Игнатьй одному иноку, — что для на учения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научаться ему между людьми при посредстве душевного подвига»².

Чтобы стать безмолвником, нужно прежде всего возлюбить молчание и старательно приучаться к нему. Не празднодавать ни в храме, ни в трапезе, ни в келлии; стараться по возможности не выходить из монастыря, не заводить близкого знакомства ни с кем в монастыре, ни вне его, избегать свободного обращения и душевредных развлечений³.

«Веди себя, — пишет епископ Игнатьй, — как странник и пришлец в монастыре и в самой жизни — и соделаешься боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником»⁴.

Владыка в современных ему условиях жизни отдавал явное предпочтение монахам, проходящим духовную жизнь в монастыре, перед иноками, живущими в затворе. Монах, живущий в обители, претерпевая среди людей различные искушения, приобретает опыт борьбы с этими искушениями, духовно укрепляется и становится способным помочь ближним в их искушениях. Инок, проводящий затворни-

¹ Соч. Т. 5. С. 70. || ² Прилож. Т. 2. С. 504. № 248. || ³ Соч. Т. 5. С. 70. || ⁴ Там же. С. 70.

ческий образ жизни, часто не имеет нужных качеств и является подвержен большим опасностям. Редкие избранники могут безбедно идти этим путем.

Епископ Игнатий глубоко убежден, что живет ли монах в обители и исполняет какое-либо послушание, находится ли под руководством старца, руководствуется ли в своей духовной жизни советами многих старцев или живет уединенно, — он не должен искать поприща высших подвигов, не дарованных Богом нашему времени. Не место жительства и не возвышенный подвиг спасают монаха, а очищение своего сердца от греха постоянным телесным и духовным подвигом. Сознавая свою духовную немощь, каждый инок должен деятельно изучать евангельские заповеди и по мере своих сил постепенно приучать себя к внутреннему духовному деланию, помня, что Бог желает и ищет спасения каждого человека. «Он и спасает всегда всех, произвольящих спастись от потопления в житейском и греховном море, но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище»¹. В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит прекрасный пример. Он говорит, что Господь обещал спасение от потопления Апостолу Павлу и всем его спутникам. Господь и даровал им это спасение, но Апостол и его спутники спаслись не в корабле, который погиб, а с большим трудом, кто вплавь, кто на досках и обломках от корабля (Деян. 27. 2—49).

Каждый путник, решившийся плыть по бурному житейскому морю, непременно должен будет претерпеть многие бури. Многие беды и опасности таит в себе море, и нередко там, где и не ожидает мореплаватель, корабль его наталкивается на подводные камни. Чтобы устоять в борьбе с бурями и избежать, по возможности, многих неожиданностей, мореплаватель должен долго и упорно изучать предстоящий ему путь.

Инок, вступивший на путь духовной жизни, чтобы перенести все житейские бури и избежать многих подводных камней, грозящих потоплением его духовного корабля, должен хорошо знать, чего должен избегать он, чтобы благополучно плыть ему в пристань умного делания.

¹ Соч. Т. 5. С. 54.

IV. Основные препятствия к развитию духовной жизни монаха

Соблазны и их влияние на инока. На духовном пути каждого инока встречается много различных соблазнов. Каждый человек в силу своей греховности, находясь вблизи соблазна, непременно ощутит в своем падшем естестве сочувствие к нему, и в душе его надолго останется впечатление, произведенное соблазном.

Инок, живущий в монастыре, подвергается соблазнам, возникающим для него в стенах обители, и соблазнам, проникающим в обитель из мира. От последних иноку легче оградить себя, но как первые, так и вторые нередко требуют много усилий со стороны инока, чтобы не подвергнуться их порабощению. Соблазны действуют на человека по-разному. Иногда впечатление от соблазна очень быстро действует, мгновенно омрачает ум, изменяет расположение сердца и ввергает свою жертву в падение. Чаще впечатление от соблазна первоначально бывает даже незамечено, но, постепенно развиваясь и усиливаясь, оно может возобладать над жертвой.

Нередко ничтожное греховное впечатление, вольно или невольно воспринятое иноком, является началом тяжкого греховного падения. Каждый инок, зная восприимчивость своей греховной природы к соблазнам и пагубность их влияний, должен стараться всеми мерами ограждать себя от них. Епископ Игнатий, основываясь на собственном долголетнем опыте монастырской жизни, советует каждому христианину, решившемуся вступить в монастырь, избрать себе в местожительство обитель наиболее уединенную и удаленную от соблазнов мира.

Пред человеком, желающим уйти в обитель, может возникнуть соблазн вступить в монастырь, пользующийся громкой славой среди мирских людей по причине внешних преимуществ и благочестия устава. Но в таких обителях его ждет следующая духовная опасность. Тщеславие, присущее всему монастырю с громкой известностью, невольно заразит и вновь поступивших в него; от тщеславия и сознания вещественных преимуществ своей обители может появиться презрение к братиям других монастырей, а отсюда

зарождение гордости, которая отнимает возможность иноческого преуспеяния, основанного на смирении и любви. Бедная обитель, удаленная от всех соблазнов мира, — драгоценное пристанище для инока, желающего оградить свою духовную жизнь от многих искушений.

Нередко в иноке восстает лютая брань от соблазнов, виденных им очень давно и, казалось бы, уже изгладившихся из памяти. Подобные браны инок должен переносить с твердостью, зная, что они возбуждаются врагом нашего спасения — диаволом и со временем пройдут, когда ум очистится молитвою. Своим священным долгом Преосвященный Игнатий считал сообщить мудрый совет, который он слышал от достойных уважения старцев. В этом совете заключается непременное условие избежания соблазнов, которые встречаются на жизненном пути инока. Упомянутые старцы говорили монахам и мирянам: «В наше время, в которое так умножились соблазны, должно особенно внимать себе, не обращая внимания на жительство и дела ближних и не осуждая соблазняющихся, потому что тлетворное действие соблазна удобно переходит от увлеченных соблазном на осуждающего их»¹.

Винопитие. Не случайно владыка Игнатий, перечисляя соблазны, на первом местеставил вино.

Винопитие — соблазн, который губит множество мирских людей, проникает он и в обители. Люди, подверженные этой слабости, нередко идут в монастыри с намерением воздержаться от нее, но навык берет над ними свое, и монастырские стены недерживают их от этого порока. Епископ Игнатий со скорбью пишет, что некоторые благочестивые люди, с прекрасными качествами души, бывают подвержены этой слабости, свои падения они горько оплакивают в уединенной келье, их слезы и раскаянье люди не видят, но всем видны падения, от которых происходит большой соблазн среди мирян.

Вино, употребляемое иноком даже в малом количестве, возбуждает в нем плотские страсти, порождает многослование и другие пороки. Пагубно винопитие и тем, что уничтожает скромность и приводит инока к свободному обраще-

¹ Соч. Т. 1. С. 495.

нию с близкими, вредные последствия которого среди мирских людей зачастую не замечаются. Для инока, попустившего себе свободное обращение, последствия его могут быть весьма плачевны. Епископ Игнатий пишет: «Особенное внимание должно обратить на то, чтобы отучиться от свободы обращения с людьми, свободы, столько одобляемой и столько любимой в светском обществе. В наше время многие, привыкшие к свободному обращению в мирской жизни, сохраняют его в монастыре, другие, уже вступив в монастырь, стараются приобрести его, находя в нем что-то особенно привлекательное. Вредные последствия свободного обращения... гибельны»¹.

Предостерегая иноков от свободного обращения, Владыка Игнатий говорит, что оно бывает причиной ссор, гнева, памятозлобия, возжигает сильно блудную страсть и часто переходит в величайшую дерзость и наглость. Каждый инок должен внимательно следить за собой, чтобы не увлечься соблазном свободного обращения, которое первоначально кажется невинным и безвредным, но, получив развитие, пресекает духовное совершенство инока и вовлекает его в тяжкие пороки, из которых Преосвященный особенно выделял памятозлобие. Памятозлобие, укрепившись в душе человека, производит в ней страшное опустошение. Оно делает свою жертву неспособной к любви к близким, а в высшем своем развитии приводит к отречению от Бога.

Опасно для инока свободное обращение со своими соратиями, но еще более гибельно свободное обращение и близкое знакомство с женщинами. Епископ Игнатий никогда не порицал и не унижал женский пол. Он считал, что женщина почтена Богом образом Божиим наравне с мужчиной, что она так же искуплена бесценюю Кровию Христа Спасителя и составляет вместе с мужским полом одну новую, обновленную тварь о Христе. Также никогда Владыка не высказывался и против супружества. Он знал, что в тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая их друг к другу, и что соединение полов естественно падшему естеству.

Но в то же время знал Владыка и то, что Иисус Христос вернул падшему естеству способность к девству и безбрач-

¹ Соч. Т. 5. С. 25.

ной жизни, и что безбрачная жизнь и девство почтены выше брака. И во все времена Церкви Христовой были люди, которые проводили возвышенный образ девственной или безбрачной жизни. Большинство святых, прославляемых Святой Церковью, проводило девственный или безбрачный образ жизни.

Каждый монах при пострижении в числе других обетов дает обет проводить безбрачный образ жизни, с Божией помощью намеревается победить свое падшее естество. Девство вышеестественно, как вышеестественны все евангельские добродетели. Желающий сохранить свое тело в девстве должен непременно держать его вдали от тела, соединения с которым требует естество.

Истинные иноки всех времен тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. В древних монастырях вход женщинам был воспрещен, так же как и мужчинам в женские монастыри. На Афонскую Гору и поныне доступ имеют только мужчины. Святые отцы-иноки первых времен христианства строго соблюдали правило не встречаться с женщинами, так поступали они не по произволу, а познав на опыте, какое сильное впечатление на долгое время может оставить образ женщины. Это влияние бывает тем сильнее, чем слабее намерение инока, с которым он стремится победить свое естество. Частое общение с женщиной может ввергнуть в падение не только юного инока, но даже старца, убеленного сединами. Епископ Игнатий пишет: «Такова сила соблазна, когда пред ним встанет инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха страстию, недугом и продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному и частому действию соблазна»¹.

В то время, когда инок общается с женщиной, он часто не замечает впечатления, которое производит она в его душе, но когда инок остается один, то впечатление, усвоившееся душе, иногда внезапно восстает в нем и производит лютую блудную брань. Во свидетельство такого действия впечатлений, полученных при общении с женщиной, владыка Игнатий приводит признание блаженного Иеронима, который когда жил в Риме, встречался со многими набожными

¹ Соч. Т. 5. С. 41, 42.

женами и девицами, не чувствовую ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Когда же он удалился в пустыню и жил в полном уединении, тогда начали в его воображении всплывать образы виденных им прежде жен, и в старческом теле, изнуренном многими трудами, стали появляться юношеские вожделения.

То, что совершилось с блаженным Иеронимом и было им с помощью Божией преодолено, может совершиться и с каждым иноком в той или иной степени.

Преосвященный Игнатий говорит, что особенно легко подвергаются влиянию впечатлений чистые души, не по��авшие греха на деле. Он уподобляет их лакированным дорогим столам, стоящим в гостиных знатных людей, — каждая маленькая царапина на таком столе бывает сразу примечена и уменьшает достоинство всего стола.

Некоторые иноки, находясь в общении с женщинами, утверждают, что не терпят никакого вреда. Епископ Игнатий считает, что эти иноки либо говорят неправду, либо проводят крайне рассеянный образ жизни и не замечают вреда, который со временем может уготовить им верную погибель. Владыка приводит сравнение преподобного Серафима Саровского, который инока, живущего благочестно и сохраняющего целомудрие, сравнивает с незажженной восковой свечой. Если этот инок будет часто вращаться среди женщин, то он уподобляется той же свече, но поставленной среди других горящих свечей. От тепла, которое исходит от зажженных свечей, незажженная свеча начнет таять. Так и сердце инока, говорит преподобный, непременно должно подвергнуться расслаблению от частого обращения с женским полом¹. Знакомство с женщинами не всегда оканчивается для инока впадением в явный грех, но всегда связано с расстройством и бесплодием его духовной жизни. Оставленный благодатию Божией инок бесстрашно начинает нарушать все заповеди и законы, предаваясь тяжким плотским падениям². Тонкий знаток падшей психологии человеческого естества Преосвященный Игнатий пишет: «В женщине преобладает кровь, в ней с особеною силою и утонченностью действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство.

¹ Соч. Т. 5. С. 313, 314 и Наставление 9. || ² Соч. Т. 5. С. 317.

Последнею прикрываются две первые... Оказавшись способными вывести Адама из рая, при посредстве лести и обольщения, ...они и ныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им ино-ков из благочестивой жизни, как из рая¹.

Инок должен любить всех людей любовию духовной, заповеданную Евангелием, и он сможет иметь ее только в том случае, если будет избегать короткого знакомства с женщиной, которая может воспламенить в нем любовь плотскую и лишить этим духовной. Только сохранивая благородное, строгое отношение к женщинам, инок сможет до конца дней своих сохранить свое девство.

Во все времена люди, живущие плотью, а не духом, утверждали, что девство или состояние безбрачия неестественно человеку. Епископ Игнатий говорит, что «свойственно каждому человеку судить по собственному опыту. Неизвестное и неиспытанное представляется невозможным (для людей плоти), а известное и испытанное представляется при надлежностью всех». Безбрачная жизнь неестественна падшему естеству, но вполне возможна естеству, обновленному Богочеловеком Христом; при этом естество остается таким же естеством человеческим, но ощущения его изменяются — из плотских становятся духовными. Говоря об этом, Владыка приводит следующее прекрасное сравнение: «Бумага, пропитанная маслом, не принимает уже в себя воды, не потому, чтоб естество бумаги изменилось, но потому, что способность ее насыщена иным веществом, не имеющим физического сродства с водою»², так и каждый монах, напитавший свою душу исполнением заповедей Христовых, становится способным к безбрачной жизни.

Вещелюбие и сребролюбие. Христос Спаситель сказал: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6. 21). Эти слова Господа относятся ко всем христианам, но особенно они приложимы к каждому монаху.

Епископ Игнатий учил, что инок, имеющий деньги или дорогие вещи, по неотразимому закону перестанет иметь надежду на Бога и обратит ее к имуществу. Пристрастие к вещам или деньгам есть ужасный порок, который, постепен-

¹ Соч. Т. 5. С. 317, 318. || ² Соч. Т. 1. С. 474.

но развиваясь, может привести свою жертву даже к отречению от Бога. Сердце вещелюбца делается постепенно жестоким и чуждым духовных ощущений, как жестко и бесчувственно вещество. Это вещество может стать для инока идолом, отдавшись которому всем сердцем, он может совершенно оставить Бога.

Епископ Игнатий пишет, что инок, проводящий внимательный образ жизни, легко может заметить, что при получении им денег или какой-либо ценной вещи в его сердце сразу же появится упование на это имущество, а надежда на Бога ослабнет. Если сразу же не пресечь это гибельное упование, то оно перейдет незаметно в привязанность к имуществу, а привязанность обращается в страсть. Инок, подверженный страсти вещелюбия или сребролюбия, незаметным образом отрекается от Христа в своем сердце, хотя его уста и исповедуют Его.

Сребролюбие и тесно связанное с ним вещелюбие уничтожают в человеке веру в Бога, поэтому Священное Писание называет его корнем всех зол (1 Тим. 5. 40).

Каждый инок, чтобы уберечь душу свою от этой пагубной страсти, должен с первого же дня вступления в обитель пребывать в нестяжательности, довольствуясь во всем лишь необходимым: избегать излишества в одежде, в келейной обстановке и в деньгах.

Человеческая слава. Христос Спаситель сказал: «Горе, когда добре рекут вам все человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их» (Лк. 6. 26).

Сердце каждого человека столь немощно, что не может хладнокровно слышать похвалу от людей. Похвала, принятая иноком, непременно порождает в его сердце тщеславное чувство, невольно побуждает его думать о себе, что он «нечто», а это начало гордости.

Похвала питает гордость человека, гордость же ненасытна, она все более и более начинает жаждать славы человеческой, а чтобы получить ее, человек встает на путь человекоугодия. Принятие иноком славы человеческой делает его сердце неспособным к вере во Христа и к деятельности во славу Божию. Все, что бы ни делал такой инок, он старается делать напоказ людям, чтобы получить их похвалу, и это чувство может настолько возрасти в нем, что он совершенно

забудет о Боге и о той награде, которую получит от Господа каждый истинный раб Божий, потрудившийся для славы Божией, для блага своих ближних, а не для суетной человеческой славы.

Епископ Игнатий пишет, что «начало тщеславия и славолюбия основывается на ложных понятиях о мнении и силе человеческой, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или незаконно это человекоугодие, до того дела нет искателю человеческой славы, лишь бы оно достигло своей цели»¹.

Истинные подвижники всех времен старались избегать человеческой славы, как смертоносного яда. Промысел Божий ради духовной пользы подвижников никогда не попускал им постоянно пребывать в земном благополучии и славе, но всегда премудро срастворял их многими вольными или невольными скорбями.

Епископ Игнатий говорит, что постоянно употребляемая сладкая пища повреждает желудок, так и человеческая слава, не растворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, не прерываемой дождями, увядают травы, а в плодах заводятся черви, так и от постоянного земного счастья слабеют добрые наклонности человека, а в душе появляются сомнение, гордость и блудные вожделения².

Чтобы сохранить великих мужей, которым вверено высокое служение в Церкви, от душевного повреждения, Господь посыпал им гонения, бесчестия, поругания и многие другие скорби. Предостерегая инока от славолюбия, Пресвященный Игнатий цитирует преподобного Исаию Отшельника, сказавшего: «Прилежно внимай себе, чтобы тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и погибели душевной, как вечной муки». Разъясняя эти мудрые слова отшельника, владыка Игнатий говорит, что внимательное рассмотрение себя и человечества убеждает в справедливости совета преподобного. Стремление к человеческой славе сводит инока с тесного, спасительного пути, который указал всем Своим последователям

¹ Соч. Т. 5. С. 287. || ² Соч. Т. 5. С. 289.

Иисус Христос и по которому прошел Он Сам. Тесный и прискорбный путь и учение о нем делается для сочувствующих человеческой славе совершенно не приемлемым, и они насмехаются над ним и над возвещающими его, подобно фарисеям, которые, будучи миролюбцами, смеялись над учением Христа о самоотвержении. Но, кроме этого учения, нет другого пути, ведущего в Небесное Царство¹.

Если же судьбы Божии поставят инока на высоту, связанную с несением земных санов и почестей, то Владыка советует ему, чтобы он умолял прилежно и со слезами Господа, чтобы земное величие не имело влияния на его образ мыслей, не доставило ему «высокого ока на ближних» и не вселило в него гордости.

Помыслы и борьба с ними. Как разнообразен грех, так разнообразны и помыслы, восстающие на подвижников. Одного берет помысл уныния, другого — отчаяния, третьего одолевают хульные помыслы и т. д. Вражеский помысл иногда имеет личину праведности и несомненной пользы и бывает столь тонок, что даже опытные подвижники не всегда сразу могут определить, из доброго или злого источника происходит занимающий их помысл. Известны случаи, когда лукавые помыслы борют подвижников в течение весьма продолжительного времени, и только особая милость Божия помогает им распознать вражеское действие в своих помыслах и избавиться от них.

Греховные помыслы свойственны падшей человеческой природе, а возбуждаемые темной силой, они внезапно приступают к иноку и приводят его в полное душевное расстройство. Зная это, Владыка советовал своим пасомым не ужасаться восстанию помыслов, не входить в тонкое разбирательство их, но сразу же со смирением отвергать их.

Из способов борьбы с помыслами молитва имеет особое значение, но часто помыслы восстают на инока с особой силой и при молитве. Они рассеивают его ум и стремятся совсем отвлечь от молитвы и лишить ее внимания и этим сделать бесплодною. Если инок молится и восстанут на него помыслы, он должен сразу же отвергнуть их и стремиться ввести свой ум в слова молитвы. Внимательная мо-

¹ Соч. Т. 5. С. 290.

литва со временем сделает его неприступным для вражеских помыслов.

Особенно тяжка для каждого инока бывает брань с помыслами скорби и печали. Верным средством борьбы с ними епископ Игнатий считал благодарение Бога за все Его неизреченные милости, приносимые от сердца сокрушенного и смиренного. Одной старице Владыке писал: «Благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные, при нашествии таких помыслов «благодарение» произносится в простых словах, со вниманием и часто, доколе не принесется сердцу успокоение. В скорбных помыслах никакого нет толку: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит, они от бесов — и надобно их отгонять от себя... «Благодарение сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии и небесное радование — залог, предвкушение радости вечной»¹.

С особенной подробностию раскрывает Преосвященный Владыка способ борьбы при нашествии скорбных помыслов в письме к «Отцу, постигнутому скорбными обстоятельствами». Со свойственной Владыке поэтичностью, употребляя различные сравнения, он раскрывает значение скорбей для христианина и предлагает совет, как побеждать помыслы печали. «Чрез мрачную, глубокую пропасть скорбей, — пишет Святитель, — внезапно открывшуюся перед вами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте воли недоверчивою стопою размышления человеческого, идите смело по ним мужественными ногами веры — и обратятся под ногами вашими мягкие, влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты.

...Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными... нужно взяться за оружие... Вот оружия, которые святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с... мрачными помыслами и ощущениями печали, являющимися душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е слово: «Слава Богу за всё».

2-е слово: «Господи, предаюсь Твоей Святой Воле, и буди со мною Воля Твоя».

3-е слово: «Господи! Благодарю Тебя за всё, что Тебе благоугодно послать на меня».

¹ Соч. Т. 2. С. 157.

4-е слово: «Достойно по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Эти краткие слова, — пишет Владыка, — заимствованные, как видите, из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали...»¹.

Когда придет помысл печали, епископ Игнатий рекомендует произносить от всей души и от всей крепости один из вышеозначенных стихов. При этом нужно не горячиться, а произносить тихо, неспешно и до тех пор, пока помыслы не удалятся совершенно, пока сердце не известится о пришествии благодатной помощи Божией. Далее Владыка пишет, что изгнанные помыслы со временем опять могут приблизиться, и опять нужно браться за указанное оружие и изгнать помыслы. Помыслы также быстро исчезают, если инок будет сразу же открывать их с чувством покаяния и сокрушения старцу или духовнику.

V. Учение епископа Игнатия об Иисусовой молитве

Иисусова молитва, по мнению святых Отцов, есть «художество из художеств» — это есть то внутреннее духовное делание, которое превосходит все другие делания, возводя монаха к совершенству. Делание это велико и многотрудно и в то же время многоплодно. Истинная Иисусова молитва и плоды, которые она приносит, есть великий дар всеблагого Бога грешному человеку. Немногие подвижники сподобились получить этот дар. Святой Исаак Сирский говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые: достигших же к таинству, совершающемуся после нее, и пришедших на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, по благодати и благоволению Божию»².

Епископ Игнатий, по нашему глубокому убеждению, в Русской земле и был одним из деятелей Иисусовой молитвы, который в совершенстве постиг это внутреннее делание и сподобился ощутить в своем сердце приносимые им плоды.

¹ См.: Прилож. Т. 2. С. 400—402. № 206. || ² Соч. Т. 1. С. 270 и св. Исаак Сирский. Слово 16. В приведенной цитате слово «благоволию» прибавлено епископом Игнатием для более точного выражения мысли св. Исаака Сирского.

Видя почти полное оставление среди монашествующих правильного умного делания и чувствуя своим сердцем не-преодолимое влечение к нему, епископ Игнатий долгие годы деятельно изучал Святоотеческие писания о Иисусовой молитве. Из-за отсутствия опытных руководителей в этом трудном делании, Владыке, по его собственному признанию, пришлось пережить много трудностей. Почти единственными его руководителями были писания святых Отцов. Великая рассудительность помогла Преосвященному Игнатию извлечать из творений древних учителей молитвы то, что можно было практически применить к условиям своей жизни. Истинное же смирение Владыки и сознание своей греховности помогли ему избежать многих сетей, встречающихся на трудном пути внутреннего делания.

Опытно постигнув делание Иисусовой молитвы и видя, что только этим путем можно достичнуть совершенства в духовной жизни, епископ Игнатий стремился возродить это спасительное делание среди монашествующих своего времени. С этой целью он написал для своих духовных чад несколько назидательных статей, в которых изложил учение о Иисусовой молитве. Как и все свои произведения, так и учение о молитве Иисусовой владыка Игнатий основывает на творениях святых Отцов. Страницы его статей об умном делании иногда сплошь испещрены святоотеческими цитатами.

Но достоинство произведений епископа Игнатия об Иисусовой молитве не только в том, что он извлек из Святоотеческой литературы все, что может быть применено для дела-теля Иисусовой молитвы в наши дни, но он со свойственной ему скромностью отобразил в своих статьях и свой многолетний опыт совершения умного делания. Его советы об умной молитве основаны на учении древних учителей молитвы и проверены собственным опытом, и поэтому они могут служить безошибочным руководством для делания умной молитвы.

Каждый инок, желающий научиться «художеству из художеств» — Иисусовой молитве, должен прежде всего хорошо изучить учение епископа Игнатия по этому вопросу и только затем приступать к деятельности исполнению Иисусовой молитвы и к чтению Святоотеческой литературы об умном делании.

Мнение епископа Игнатия о происхождении Иисусовой молитвы. Епископ Игнатий считал, что молитва Иисусова есть установление Божественное. Все наставления Христа Спасителя, данные Им в возвышеннейшей беседе перед крестными страданиями, имели характер «окончательного предсмертного завещания», в котором изложены «самые душеспасительные, окончательные заповеди, залоги достоверные и непогрешительные жизни вечной». Между этими заповедями дано и «заповедание» молиться именем Иисусовым.

Святые Апостолы еще при жизни Христа Спасителя знали силу Его имени, когда они, посланные Господом на проповедь, изгоняли Его именем бесов и исцеляли недужных. После Вознесения Христа Спасителя вера святых Апостолов в имя Иисуса Христа и благоговение к этому имени возросли неограниченно. Именем Господа св. Апостолы совершали многие дивные чудеса.

Первое чудо после Пятидесятницы было совершено св. Апостолами именем Иисуса Христа. Однажды, как повествует книга Деяний св. Апостолов, апостолы Петр и Иоанн пошли в Иерусалимский храм помолиться. Когда они проходили врата храма, называвшиеся «Красными», у этих ворот сидел хромой и просил милостыню. Этот несчастный был хром от чрева матери, он не мог ни ходить, ни стоять, его приносили ежедневно к названным вратам храма, где он просил подаяние для своего пропитания. Увидев идущих Апостолов, он стал просить у них милостыни. Св. апостол Петр сказал ему: «Сребра и злата несть у мене, но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа, Назорея, восстани и ходи» (Деян. 3. 6). После этих слов хромой мгновенно исцелился, он встал и принял громко прославлять Бога.

Синедрион был встревожен этим чудом, совершенным учениками Того, Кого он недавно предал на лютую смерть через распятие. Апостолы были схвачены и отданы под страшну. На следующий день их привели в собрание Синедриона и спросили: «Коею силою или коим именем сотвористе вы сие?» Тогда апостол Петр, исполнившись Духа Святого, отвечал: «Разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа, Назорея, Его же вы

распясте, Его же Бог воскреси из мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав: несть бо иного имене под небесем, даннаго в человечех, о нем же подобает спастися нам» (Деян. 4. 10, 12).

Несмотря на явное чудо, Синедрион, ослепленный злобой к Иисусу Христу, с угрозою запретил Апостолам учить и даже говорить народу о имени Иисуса. На это апостолы Петр и Иоанн дерзновенно отвечали: «Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Не можем бо мы, яже видехом и слыхахом, не глаголати» (Деян. 4. 19, 20).

Пригрозив св. Апостолам, Синедрион был вынужден отпустить их, боясь народа, который был свидетелем совершенного им неслыханного чуда. Апостолы Петр и Иоанн, вернувшись к своим, поведали им обо всем случившемся. Выслушав их, все члены Иерусалимской Церкви вознесли общую молитву, которую закончили словами: «...Господи, призри на прещения их и дажъ рабом Твоим со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою простиши Ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем святым Отрока Твоего Иисуса» (Деян. 4. 29, 30). Вот одно из многих чудес, совершенных Апостолами именем Господа Иисуса Христа.

Правда, из Священного Писания нам неизвестно, каким образом Апостолы молились этим именем. Но епископ Игнатий предполагает, что «они молились им непременно». «Как могли они не молиться им, — пишет он, — когда это моление было преподано и заповедано Самим Господом, когда заповедание укреплено двукратным повторением и подтверждением его? Если умалчивает о сем Писание, то умалчивает единственно потому, что моление это было в общем употреблении, не нуждаясь в особом внесении в Писание по известности своей и общеупотребительности»¹. По этой же причине можно предположить, что и в дошедших до нас первохристианских памятниках нигде не говорится прямо о молении именем Иисуса, но лишь имеются об этом упоминания при изложении других вопросов.

Молитва Иисусова была в общем употреблении среди монашествующих древней Церкви. Молитвенное правило

¹ Соч. Т. 2. С. 235, 236.

иноков состояло чаще всего из упражнения Иисусовой молитвой. Иисусова молитва — живое предание Церкви, она была общеизвестна для первых христиан и не требовала объяснений. Объяснения этой молитвы начали проявляться лишь по мере оскудения познания о ней. Краткие наставления или разъяснения о Иисусовой молитве были сделаны отцами — истинными делателями Иисусовой молитвы: святым Иоанном Златоустом, святым Василием Великим, преподобным Варсонофием Великим и преподобным Иоанном Лествичником.

В России о Иисусовой молитве писали преподобный Нил Сорский, священноинок Дорофей, схиархимандрит Паисий Величковский и преподобный Серафим Саровский.

Советы епископа Игнатия новоначальному делателю Иисусовой молитвы

По твердому убеждению епископа Игнатия, каждый инок должен приучать себя к внутреннему деланию. Без внутреннего делания при одном телесном подвиге невозможно иноку достигнуть совершенства в духовной жизни.

Преосвященный Игнатий пишет, что старые монахи говорили ему, что еще в начале XVIII века в Саровской обители всякого вновь поступающего сразу же научали Иисусовой молитве. Этому же учил новоначальных и преподобный Серафим Саровский, который, преподавая наставления одному юноше, желавшему вступить в монастырь, сказал: «Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутреннею, не суть монахи»¹.

Преосвященный Игнатий с полным основанием считал, что упражнение в молитве Иисусовой есть обет каждого инока. При постриге, когда новопостриженному даются четки, постригающий завещает ему: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, егоже и носят во устех твоих, уме же и сердце, глаголи непрестанно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И ничто, по мнению Владыки, не может извинить монаха, если он не

¹ Соч. Т. 1. С. 206. Это сведение еп. Игнатий получил в 1866 году от самого собеседника преп. Серафима, тогда уже архимандрита Никона.

будет исполнять эту заповедь: ни оскудение внутреннего делания среди современного монашества, ни отсутствие опытных наставников. О необходимости заниматься Иисусовой молитвой заповедано писаниями святых Отцов и законоположением Православной Восточной Церкви, которая для всех неграмотных чад своих, и монахов и мирян, установила заменять псалмопения и молитвословие на келейном правиле Иисусовою молитвою.

Вновь вступившему в обитель Владыка советует первоначально произносить на келейном правиле со вниманием и неспешно сто Иисусовых молитв. Со временем, если инок найдет возможным, то может присовокупить и еще сто. По истечении еще некоторого срока можно увеличить количество молитв до 300. Каждому делателю Иисусовой молитвы нужно обратить внимание на ту неспешность, с которой епископ Игнатий рекомендует произносить Иисусову молитву! На неспешное и внимательное произнесение ста Иисусовых молитв необходимо, по мнению Владыки, 30 минут или немного меньше. Некоторые же подвижники, по замечанию Владыки, нуждаются в еще более продолжительном времени при произнесении указанного количества молитв. Чтобы употребить указанное владыкой Игнатием время для произнесения ста молитв, нужно произносить молитвы медленно и не сразу одну после другой, а после краткого отдыха после каждой молитвы, что будет способствовать уму сосредоточиваться. Молитвы, произнесенные безостановочно, рассеивают ум, и инок, сам того не замечая, переходит к машинальной молитве, в которой совершенно не принимает участие его ум. Произносящему Иисусову молитву Владыка советует переводить дыхание с осторожностью, дышать тихо и медленно, ибо это также способствует вниманию при молитве и охраняет от рассеянности.

Часто новоначального при занятии Иисусовой молитвой одолевают сон и уныние. Епископ Игнатий советует не приходить от этого в отчаяние, потому что сон и уныние при молитве свидетельствуют о том, что молитва начинает приносить духовную пользу и враг рода человеческого, видя это, старается отвлечь инока от молитвы всевозможными средствами, в том числе и сном и унынием.

Новоначальному позволительно заниматься только устною Иисусовою молитвою, которая постепенно сама перейдет в умную (произносимую в уме), и ни в коем случае не дерзать думать о высшем делании — о молитве умом в сердце. Для стяжания глубокой сердечной молитвы необходимы продолжительное время и основательная подготовка самой жизнью, которая должна заключаться в изучении опыта монашеской жизни и в деятельности по евангельским заповедям.

Приступать к высшему молитвенному подвигу, по мнению Владыки, приличествует возрасту зрелому. Не отвергается и возраст юный, если он имеет свойство зрелости и особенно если имеется опытный наставник. При этом Владыка поясняет, что зрелость заключается не в возрасте монаха и не в количестве лет, проведенных в монастыре, а в том, рассматривал ли монах себя в течение продолжительного времени при свете Евангелия, в котором изображен новый человек и все оттенки ветхого, и изучал ли писания святых Отцов, научающих жить непогрешительно по Евангелию.

Инокам, стремящимся заняться умным деланием, Владыка советует обратить особое внимание на исполнение евангельских заповедей. «Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвою Иисусовою»¹, — пишет он. Евангельские заповеди служат для молитвы тем же, чем служит елей для горящего светильника. Светильник без елея гаснет, испускает дым и зловоние; умное же делание, не основанное на жизни по евангельским заповедям, не будет иметь твердого основания и не сможет получить правильного развития.

Епископ Игнатий считал, что монастырь, особенно обще�ительный — самое удобное место для занятия Иисусовой молитвой. В обители, если инок ведет правильный образ жизни, то он имеет полную возможность деятельно жить по евангельским заповедям, исполняя с усердием все монастырские послушания, а из всех случающихся преткновений познать греховность своей и общечеловеческой природы. Кроме того, в каждой обители инок может изучать творения

¹ Соч. Т. 1. С. 225, 226.

святых Отцов, получить нужный совет от старшей братии и, возможно, найдет наставника, который укажет ему правильное направление в умном делании.

Большое значение для правильной молитвы имеет исполнение различных монастырских послушаний. Каждое монастырское послушание служит к образованию в иноке смирения, смирение же более других добродетелей настраивает душу к истинной молитве. Инок, исполняющий с усердием и истинным смирением возложенные на него монастырские послушания, может в короткое время преуспеть в молитвенном подвиге.

Ежедневное исполнение послушаний и истинное, нелицемерное смирение пред всей братией приводит сердце инока в умиление и способствует истинной молитве.

Деятельность же в монастыре по своей воле порождает высокоумие и приводит к высокопарению ума и мечтальности, которые уничтожают внимательную молитву. «Оставление смирения, для сохранения своего достоинства по отношению к ближнему, отымет у сердца умиление, ожесточит сердце, убьет молитву, лишит ее существенных свойств, внимания и умиления. Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы. На послушании и смирении да зиждется молитва! Эти добродетели — единственно прочное основание молитвенного подвига», — пишет епископ Игнатий¹.

Научая инока усердно проходить монастырские послушания и тем подготавливать себя к прохождению высших ступеней умного делания, Преосвященный Игнатий неоднократно предупреждает, что всякое преждевременное стремление к подвигу выше сил хотя и кажется весьма заманчивым, но может погубить весь, может быть многолетний, духовный подвиг инока.

Не только во время епископа Игнатия, при почти полном отсутствии опытных наставников умного делания, но и во времена расцвета древнего иночества, при изобилии духовно-носных старцев, соблюдалась крайняя неспешность и постепенность при обучении новоначальных умному деланию. Так, в общежитиях преподобного Пахомия Великого, где процветало возвышенное делание умной молитвы, каждый

¹ Соч. Т. 1. С. 279, 280.

вновь поступающий вручался старцу и под его руководством занимался телесными трудами в течение трех лет. За это время телесный труд, частые наставления старца и отсечение им воли новоначального, ежедневная исповедь внешней и внутренней деятельности быстро и могущественно доставляли уму и сердцу инока значительную чистоту. В эти три года новоначального инока обучали и молитве в соответствии с его устроением. По прошествии трех лет новоначальный должен был выучить наизусть все Евангелие и Псалтирь, а наиболее способные и все Священное Писание, что необыкновенно развивало устную внимательную молитву. Только после того как новоначальный заучивал наизусть Евангелие и Псалтирь, ему преподавалось «тайноучение умной молитвы».

Епископ Игнатий учил, что упражнение Иисусовой молитвой имеет свое начало, свою постепенность и свое окончание. Каждый новоначальный должен начинать усваивать умное делание с начала, а не с середины или с конца. В подтверждение этого Владыка приводит слова двух великих делателей умной молитвы. Святой Каллист, патриарх Константинопольский, повествуя о плодах Иисусовой молитвы, говорит: «...Никто из не наученных тайнам или из требующих млеча, услыша высокое учение о благодатном действии молитвы, да не осмелится прикоснуться к нему. Возбранена такая несвоевременная попытка. Покусившихся на нее и взыскавших прежде временно того, что приходит в свое время, усиливающихся взойти в пристанище беспрестрастия в несоответствующем ему устроении, Отцы признают не иначе как находящимися в умопомешательстве. Невозможно читать книг тому, кто не выучился грамоте»¹.

Преподобный Симеон Новый Богослов, когда говорит о безуспешности молитвы и о печальных последствиях этой безуспешности, причину этого указывает в несохранении правильности и постепенности молитвенного подвига. «Хотящим взойти, — говорит Богослов, — на высоту молитвенного преуспеяния, да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лестницы, потом на вторую, далее на третью, наконец на четвер-

¹ Соч. Т. 1. С. 225.

тую. Таким образом всякий может восстать от земли и взойти на небо»¹.

Делателю умной молитвы надо прежде всего отвергнуть всякую изнеженность и плотские наслаждения. Его пища и сон должны быть умеренными соразмерно с телесными силами и со здоровьем. Как первого, так и второго каждому иноку надо избегать и держаться золотой середины — не пресыщаться и не доводить своего организма до истощения. Одежда, келья и все, что окружает инока и зависит от него, должно быть скромным и простым: всякое излишество и роскошь могут породить в душе инока чувство тщеславия, а от этого сделается бесплодной его молитва.

Истинный делатель Иисусовой молитвы должен строго хранить свои чувства, особенно зрение и слух, чтобы чрез них не вторглись в его душу впечатления, которые надолго опустошают ее, лишают внутреннего мира. Уста и язык нужно приучать к молчанию, как говорит епископ Игнатий, «оковывать» их им, потому что празднословие, многословие, насмешки, пересуды и злоречие являются злейшими врагами молитвы². По возможности нужно отказаться от посещения келлий братий и не принимать к себе никого в келью. Епископ Игнатий уподобляет келью истинного инока могиле или гробу, в котором он плачет о своем мертвце — своей душе, истерзанной и убитой грехом. «Из могилы-келлии молитва восходит на небо; в той могиле, в которую скрывается тело по смерти, и в могиле адской, в которую низвергается душа грешника, уже нет места для молитвы»³, — пишет Владыка.

В обители нужно стараться вести себя странником: не связывать себя самочинно никакими попечениями, не заводить ни с кем близкого знакомства, отвергнуть от себя суетное любопытство и любознательность. Посещать неопустительные храмы, а в случаях нужды и келлию своего духовника.

• Истинный делатель Иисусовой молитвы должен в каждом своем действии подражать духу святых Апостолов, и

¹ Соч. Т. 1. С. 226, 227 и «Слово о трех образах внимания и молитвы». На первой ступени, по учению св. Симеона, инок должен подвизаться в укрощении страстей; на 2-й: упражнение в псалмопении, т. е. в молитве устной; на 3-й занятие молитвой умной — умом в сердце; на 4-й инок должен восходить к видению (Там же). || ² Соч. Т. 1. С. 211—212. || ³ Там же. С. 211—212.

только тогда он сможет устроить свою внешнюю и внутреннюю жизнь в соответствии с тем великим деланием, которым занимается. Человек, сердце которого не очищено от страстей и пороков, не должен дерзать на высший подвиг умного делания. Владыка свидетельствует, что ему были известны некоторые благонамеренные люди, впадавшие в плотские грехи по причине образовавшейся порочной привычки, бывшие не в силах воздерживаться от падений и в то же время пытавшиеся упражняться в сердечной молитве. «Может ли быть что безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания?» — восклицает мудрый Святитель.

Молитва покаяния является достоянием всех людей без исключения, и даже самые явные грешники могут и должны просить Бога о помиловании, но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для людей, обладаемых страстями, он предоставлен лишь людям, достигшим известной меры чистоты. Вход в сердце для совершения там священнодействия молитвы открывается только тогда, когда человек перестает совершать грех не только делами, но и получит от Бога силу противиться страстным помыслам.

Грех, не осуществляемый делом, еще очень долго живет в человеке: в помысах и мечтаниях, продолжая осквернять сердечный храм. Пока в уме инока идет борьба с греховными воспоминаниями, он не имеет еще сердечной чистоты и не может приступить к сердечной молитве.

Созидается чистота долгим и упорным трудом. Страсти умаляются и ослабевают не вдруг, а после продолжительной и постоянной борьбы с ними. По мере искоренения страстей из сердца в него вселяется чистота, при которой лишь возможна сердечная молитва.

Второе необходимое внутреннее условие занятия умным деланием — внимание, заключение ума в слова молитвы. Следующее условие — совершать Иисусову молитву единственно для **покаяния**. Сознание своей греховности, необходимость Искупителя и желание получить помилование — вот чувства, которые должны наполнять всё существо инока, занимающегося умным деланием. Многие подвижники сердечное чувство покаяния иногда называют плачем. «Плач, — пишет епископ Игнатий, — есть та един-

ственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа, до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом¹. Преподобный Пимен Великий прекрасно выразил необходимость покаянного чувства для монаха, занимающегося умным деланием. На вопрос, как должен вести себя безмолвник, он отвечал: «Подобно человеку, который погряз в тину по выю (шею), который имеет бремя на вые и вопиет к Богу: помилуй меня». Что может быть плачевнее положения человека, который, имея тяжелый груз на шее, погрузился в топкую тину. Он реально ощущает, что каждую минуту топкая тина может поглотить его целиком, и он погибнет. Естественно, что такой человек будет взывать о помощи от всего своего существа. Какие могут прийти к нему тщеславные помыслы и желания? Одно стремление спастись от потопления будет выражаться в его вопле. Подобное же чувство должен иметь инок, занимаясь Иисусовой молитвой. Сознание, что грех подобно тине все глубже и глубже затягивает его, и желание получить помилование от Господа — вот основные чувства, которые, выливаясь в непрестанный плач, должны быть неотъемлемы от делателя умной молитвы.

Монах, соединяющий Иисусову молитву с чувством истинного покаяния, никогда не впадет во вражеское обольщение, никогда не уклонится в прелесть. Как может инок принять какое-либо ложное чувство утешения или отрады, когда он не ищет его, не стремится к нему, а просит у Господа лишь одного — помилования.

Епископ Игнатий пишет: «Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем — и прелесть никогда не воздействует в нас». В подтверждение этих слов Владыка приводит наставление преподобного Григория Синаита, который пишет: «Немалый труд — достигнуть точно истины и сделаться чистым от всего, сопротивного благодати, потому что обычно диаволу показывать, особенно пред новоначальными, свою прелесть в образе истины, давая лукавому вид духовного. По этой причине подвзывающийся в безмолвии достичь чистой молитвы должен шествовать мысленным путем молитвы со многим трепетом и плачем, с испрошением наставления у искус-

¹ Соч. Т. 1. С. 228.

ных, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, как бы не подвергнуться муке или не отпасть от Бога, не отлучиться от Него в этом или в будущем веке. Если диавол увидит, что подвижник живет плачевно, то не пребывает при нем, не теряя смирения, происходящего от плача... Великое орудие — иметь при молитве и плач»¹.

Одним из необходимых условий для занятий Иисусовой молитвой является простота. Возвышенное умное делание, как и все, принадлежащее к стране духов, а не плоти, необыкновенно просто. Только душа, стяжавшая простоту, может постигать силу Иисусовой молитвы, как было уже сказано ранее, и только простая душа может безбедно шествовать по пути умного делания. К великому сожалению, святая простота весьма редко встречается среди людей. Епископ Игнатий пишет: «...Мы сделались так сложны, что... простота и неприступна и непостижима для нас. Мы хотим быть умными, хотим оживлять свое я, не терпим самоутверждения, не хотим действовать верою. По этой причине нам нужен наставник, который бы вывел нас из нашей сложности, из нашего лукавства, из наших ухищрений, из нашего тщеславия и самомнения в широту и простоту веры»².

На основании своих наблюдений Владыка свидетельствует, что нередко простец и младенческой душой постигает на поприще умного делания необыкновенного преуспеяния, а мудрец, из-за неимения святой простоты, сбивается с истинного пути и низвергается в пропасть прелести.

Иноки, живущие под руководством искусного старца, бывают более совершенными в монашеских добродетелях, чем те, что живут по своей воле. Подчинив полностью себя старцу, инок этим отсекает свою греховную волю, быстрее преуспевает в смирении и в делании евангельских заповедей. Для него не существует мучительных душевных недорумений, ибо они сразу же разрешаются старцем.

Молитвенный подвиг его постепенно восходит от силы в силу, направляемый мудрым словом старца. Каждому иноку, живущему под руководством старца или, тем более, не имеющему руководителя, но проходящему путь умного делания, необходимо непрестанно научаться в чтении Священного Писания и творений святых Отцов.

¹ Соч. Т. 1. С. 228, 229. || ² Соч. Т. 2. С. 256.

... Делателю Иисусовой молитвы необходимо помнить проверенное жизнью мнение владыки Игнатия, который считал, что меры новоначальных времен написания святыми Отцами душеспасительных книг в настоящее время являются мерами весьма преуспевших и поэтому, читая Святоотеческие писания, нужно с большой осторожностью применять их к себе и к своей деятельности.

Пособия для занимающихся Иисусовой молитвой. Епископ Игнатий рекомендует делателю Иисусовой молитвы следующие пособия:

1. Четки или лестовка. Четки состоят обыкновенно из ста зерен, а лестовка из ста ступеней, так как правило, совершающееся с молитвою Иисусовою, обычно исчисляется сотнями молитв. Иноки первоначально обычно молятся по четкам, совершают по ним поклоны и произносят установленное количество Иисусовых молитв. Когда же при молитве внимание усиливается, то прекращается возможность молиться по четкам и считать количество произнесенных молитв, так как молитва переходит в непрестанную.

2. Очень полезно обучаться Иисусовой молитве, соединяя ее с поклонами земными и поясными, полагая их неспешно, с чувством искреннего покаяния.

3. В церкви и вообще при упражнении Иисусовой молитвой полезно закрывать глаза.

4. Левую руку держать на груди, над левым сосцом для ощущения силы словесности, находящейся в груди.

5. Безмолвствующий может сидеть на низком стуле, потому что внимательная молитва требует спокойного положения, а также по образу слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя на пути, вопиял ко Господу: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя» (Мк. 10. 47). Этот низменный стул символизирует гноище, на котором был повержен Иов вне града. Низкий стул очень удобен для упражнения Иисусовой молитвой. Не отвергается заниматься ею и стоя, но так как почти все время истинного безмолвника посвящено молитве, то, чтобы не истощать стоянием силы, он может заниматься молитвою и сидя, и лежа.

7. Подвижник умного делания иногда имеет нужду обливаться холодной водой или прикладывать к местам прилива крови намоченное водою полотенце. Вода должна быть

комнатной температуры и не очень холодной, так как холодная вода усиливает разгорячение.

Предостережения владыки Игнатия иноку, делателю Иисусовой молитвы. Епископ Игнатий почти всю свою сознательную жизнь проходил подвиг умного делания и много трудностей пришлось преодолеть ему на этом пути, поэтому он так умудрен был и так необходим был бедствующим на пути умного делания. Долгие годы, проведенные Владыкой в монастырях, показали ему, что некоторые иноски начинают заниматься умным деланием, но редкие из них идут по правильному пути и достигают преуспеяния.

Обращая свой взор к современному монашеству и видя почти полное отсутствие опытных наставников умного делания, епископ Игнатий пишет: «Что же сказать о современном положении? Едва ли не то, что сказал преподобный Ефрем Сирский о положении тех, которые займутсяисканием живого слова Божия во времена последние. Они будут проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова — и не найдут его»¹.

Предостерегая современных ему иноков от неопытных руководителей, Преосвященный Игнатий приводит следующее сравнение. Он пишет, что взору заблудившихся в степях от утомления нередко представляются высокие дома и длинные улицы, заблудившийся ищет по тому направлению и тем самым вовлекается в неисходное заблуждение, так и ищающим живого слова Божия в нынешней нравственной пустыне во множестве представляются великолепные призраки слова Божия. Эти призраки воздвигнуты из душевного разума, из ложного знания по букве, они, льстиво представляясь духовным эдемом, преизобилующим пищей, светом, жизнью, отвлекают души от истинной пищи, от истинного света, от истинной жизни, вводят несчастные души в непроницаемый мрак, изнуряют голодом, отравляют ложью, убивают вечной смертию. Каждый делатель Иисусовой молитвы должен быть очень осторожен при выборе старца-руководителя и при принятии советов от старшей братии.

¹ Соч. Т. 1. С. 285 и св. Ефрем Сирский. Слово 106 (по славянскому тексту).

Епископ Игнатий, зная, что многие иноки, приступив к духовному подвигу с безрассудною ревностию и кровяным разгорячением, сразу же стремятся умом сойти в сердце, принимают действие крови за действие благодати и нередко впадают в расстройство неисправимое. Чтобы предупредить делателей молитвы от душевного повреждения, Владыка неоднократно предостерегает инока, что он не должен отыскивать сердечное место, о котором пишут многие учителя молитвы. Истинному делателю Иисусовой молитвы соединение ума с сердцем даруется в свое время Божественной Благодатию. Преждевременное же искалье сердечного места и желание благодатной сердечной молитвы есть намерение самое ошибочное, извращение порядка подвига, желание горделивое, приводящее к прелести.

Владыка Игнатий, предостерегая подвижника от стремления к сердечной молитве, начертывает перед ним единственно безбедный путь духовного делания. Он пишет: «Предлагаю отцам и братиям убогий совет, умоляя их не отвергнуть убогого совета моего: не понуждайте себя преждевременно к открытию в себе сердечного молитвенного действия. Нужна благоразумная осторожность, особенно в наше время, когда уже почти невозможно встретить удовлетворительного наставника для этих предметов, когда подвижник должен пробираться сам, ощупью, при руководстве писаниями святых Отцов, в сокровищницу знаний духовных, а также ощупью сам выбирать из них свойственное себе. При жительстве по евангельским заповедям занимайтесь внимательною Иисусовою молитвою по способу св. Иоанна Лествичника, соединяя молитву с плачем, имея началом и целью молитву покаяния. В свое время, известное Богу, откроется само собою действие сердечной молитвы»¹.

В сочинениях некоторых святых Отцов изложены наставления о художественном введении ума в сердце при помощи естественного дыхания или «механизм», способ-

¹ Соч. Т. 2. С. 297. Подобные же мысли высказаны Владыкой в «Беседе старца с учеником о молитве Иисусовой». Епископ Игнатий влагает в уста старца следующие слова: «Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного, не усиливайся тщетно объяснять себе, что значит место сердечное: удовлетворительно объяснится это одним опытом. Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, и даст таким способом, какого даже не может представить себе плотской человек» (Т. 1. С. 274).

ствующий достижению сердечной молитвы. Епископ Игнатьй не отвергал действенности в некоторых случаях названного механизма и признавал, что для знающих дело в нем нет ничего затруднительного, однако современных ему делателей Иисусовой молитвы он со всею настоятельностью предупреждает от употребления каких бы то ни было вещественных механизмов. При опытном руководстве употребление вещественных пособий менее опасно, но при руководстве учением святых Отцов по книгам вещественный механизм может привести делателя Иисусовой молитвы в прелесть и другие виды душевного и телесного расстройства, часто не поддающегося врачеванию. Епископ Игнатьй пишет: «Советую возлюбленным братиям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не открывается сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли»¹.

Епископ Игнатьй свидетельствует, что из тех, кто употреблял вещественные вспомогательные средства, преуспевания достигли весьма немногие, большинство же расстроилось и повредилось².

Инокам и инокиням, руководствовавшимся в духовной жизни советами епископа Игнатья, Владыка нередко прямо запрещал употребление вещественных вспомогательных средств. В письме к одной инокине он пишет: «Вы, конечно, помните, что я Вам завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву, отнюдь не позволяя себе самочинно вдаваться в художество, описанное в Добротолюбии»³. В следующем письме к ней же епископ Игнатьй пишет: «Что дыхание удерживается вводить по художеству, изложенному в Добротолюбии, — хорошо делаете. Это художество превосходно сокращено преподобным Нилом Сорским в следующие слова: «Не дыши борзо, ибо сие способствует к собранию ума». Этим и довольствуйтесь, т. е. дышите тихо при молитве... И паки, — пишет он в том же письме, — от художества о ноздревом дыхании уклонитесь! Когда, Богу изволяющу, придет время, то скажу. Этим художеством, в свое время полезным, некоторые неисцельно себя повредили»⁴.

¹ Соч. Т. 5. С. 114. || ² Соч. Т. 2. С. 297. || ³ См.: Прилож. Т. 2. С. 411. № 209. || ⁴ Прилож. Т. 2. С. 414. № 210.

— Долгий опыт старческого руководства показал епископу Игнатию, что от неправильного, чрезмерного употребления вещественных способов с делателем Иисусовой молитвы могут иногда случаться весьма прискорбные случаи, о которых он счел нужным поведать инокам для предостережения их и предотвращения этих случаев. Преосвященный Владыка пишет, что всякое вообще умственное занятие имеет свойство производить жар в теле. Этот жар непременно должны ощущать в себе те, кто будет сильно понуждать себя к соединению ума с сердцем ^{или} помощи вещественных пособий, забывая, что они имеют второстепенное значение, и не давая должного значения духовным пособиям. Вещественные усилия, употребляемые при молитве, порождают в сердце теплоту. Кровянная теплота, образовавшаяся в сердце, имеет свойство переходить по разным местам груди и очень легко может упасть на нижнюю часть чрева, произведя там сильное разжжение.

Епископ Игнатий пишет, что он из опыта знает, что подвижник, пришедший в такое плачевное состояние, впадает в смущение, уныние и даже отчаяние. Многие, находясь в столь бедственном состоянии, обратились за помощью к старцам, имевшим громкое имя, но опытно не знакомым с умным деланием. Старцы, услыхав, что при занятии умной молитвой произошло сильное разжжение, признали в этом страшную прелесть и строго-настрого запретили упражнение Иисусовой молитвой. Приписав ошибочно плачевые последствия, происшедшие от неправильного употребления вещественных пособий, Иисусовой молитве, подобные старцы предупреждали и многих других, что умное делание приводит к плачевным последствиям. К сожалению, многие поверили ошибочному мнению старцев из-за уважения к их громкому имени.

Однако возникшее бедствие можно легко устраниТЬ, не прекращая заниматься Иисусовой молитвой. Нужно в течение двух-трех дней прикладывать к воспаленным частям полотно, намоченное комнатною водою, а чтобы уменьшить кровянную теплоту, прекратить употреблять вещественное пособие — прекратить принуждать ум с усилием войти в сердце и не утруждать сердца, производя в нем жар чрезмерным удерживанием дыхания и напряжением сердца.

При правильной Иисусовой молитве не должно быть никакого неестественного напряжения. Нужно дышать тихо и ум приводить в соединение с сердцем также очень тихо. При этом нужно стараться, чтобы молитва действовала в верхней части сердца, где, по учению отцов, пребывает словесная сила души и где должно развиваться священное действие молитвы. Возникновение плотской теплоты и производимого ею разжжения может быть сравнительно быстро устранено правильным подвигом, но большая опасность происходит в том случае, если неопытный подвижник, ощущив кровянную теплоту, примет ее за действие благодати и будет услаждаться ею, в этом начало пагубного самообольщения. Принявший кровянную теплоту за духовную непременно возомнит о себе «нечто», будет сочинять себе наслаждения, омрачать и опутывать себя самомнением. Всеми силами он будет усиливать напряжение при помощи вещественных пособий, разжигая все сильнее плотскую теплоту... Конец такого неправильного подвига — крайнее самообольщение и прелесть.

При правильном духовном подвиге, когда Божественная благодать осенит подвижника и ум начнет сам собою соединяться в молитве с сердцем, тогда вещественная теплота совершенно исчезает. Молитвенный подвиг становится легким и совершенно свободным, в сердце же явится тонкая, невещественная духовная теплота, не производящая никакого разжжения. Она будет прохладствовать, просвещать, орошать, действовать как целительное духовное помазание и возбуждать неизреченную любовь к Богу и к людям.

Велико таинство Иисусовой молитвы, но в силу извращенности человеческой природы многие трудности могут встретиться на пути умного делания. Зная это, каждый инок, занимающийся умным деланием, должен помнить основные предостережения епископа Игнтия: не вверять себя неопытному руководителю, не искать преждевременно при молитве «сердечного места», не употреблять вещественных механизмов и никогда не оставлять молитвы.

Плоды Иисусовой молитвы. При анализе творений и писем епископа Игнтия становится очевидным, что сам Владыка, несомненно, был причастником не только «первоначальных» даров Иисусовой молитвы, но и высших да-

ров, последующих за первоначальными. Однако по своему истинному смирению он пишет о них очень мало и при этом всегда словами Священного Писания или приводит цитаты из творений святых Отцов об этих дарованиях.

Первоначальные плоды Иисусовой молитвы появляются уже в процессе обучения умному деланию: они рождаются молитвой и в то же время питают сами и укрепляют молитвенное делание. Прежде всего, как уже говорилось, при всякой правильной молитве, особенно же при молитве Иисусовой, рождается *внимание*, от внимания появляется *умиление*, которое и в свою очередь усугубляет внимание. Внимание и умиление способствуют углублению молитвы, и, постепенно оживляя сердце, доставляют молитве чистоту, устранивая рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так внимание и умиление являются дарами Божими, человек же своими трудами только доказывает свое желание получить их.

Следующий плод правильной молитвы — расширяющееся зрение согрешений, зрение своих грехов, что усиливает умиление и обращается в плач. Затем приходит ощущение присутствия Божия и живое воспоминание о смерти, страх Суда и вечного осуждения. Эти плоды молитвы сопровождаются плачем и со временем осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия. Страх Божий есть действие Святого Духа, это действие (ощущение) совершенно новое, непонятное плотскому человеку, его невозможно даже уподобить никакому душевному ощущению. От страха Божия в делателе Иисусовой молитвы начинают умаляться, «истаяваться» страсти, а ум и сердце привлекаются к непрерывной молитве. После дальнейшего преуспеяния в молитве приходит в душу делателя ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним и терпение скорбей. Любовь к Богу и ближним появляется постепенно от страха Божия, она вполне духовна и бесконечно отличается от любви, порожденной падшим человеческим естеством. Она не различает добрых и злых, неизъяснимо свята, тонка и смиренна. Терпение скорбей, порождаемое Иисусовой молитвой, бывает всесовершенным. Стяжавший его смотрит на свои скорби как на попущение и врачевание Божие.

Подвижник, достигший этих даров, влечется к исполнению заповедей с легкостью и радостью, в то время как при

начале подвига он исполнял заповеди с величайшим трудом, принуждая свое падшее естество. В «Слове о молитве умной, сердечной и душевной» Владыка пишет, что когда ум и сердце делателя Иисусовой молитвы соединятся воедино и он соделается храмом Духа Святого, тогда в душе его воссияет непостижимый мир Христов, а за миром следует весь лик дарований Христовых и плодов Святого Духа, перечисляя которые, епископ Игнатий употребляет слова апостола Павла: «Любы, радость, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5. 22, 23)¹.

Каждый инок, вступивший на поприще умного делания, должен знать, что многие и дивные плоды приносит Иисусова молитва. Она человека плотского перерождает в духовного, делает человеческую душу храмом, в котором может обитать Сам Бог. Но бывают причастниками плодов умного делания лишь те, кто искренне сознает, что он не достоин по своей греховности к принятию высших даров, и в покаянии и глубоком смирении постоянно пребывает в умном делании.

Заключение

Изучая жизнь и творения приснопамятного епископа Игнтия Брянчанинова, невольно склоняешься перед величием его духовного образа. В нем мы видим редкое сочетание многих естественных дарований и приобретенных целожизненным подвигом христианских добродетелей. Был святитель Игнатий причастником и благодатных даров. От природы он имел светлый ум, любвеобильное сердце и поэтический талант. Эти дарования Владыка не принес в жертву суете и тлению, а посвятил Богу и ближним. Он от юности отдал себя с редким самоотречением на служение Господу и Его Святой Церкви.

Всесело руководствуясь в своей подвижнической жизни нравственным преданием Православной Церкви, святитель-аскет опытно постиг подвиг покаяния, преуспел в умном делании, стяжал любовь к ближним и Богу и приобрел редкую рассудительность и многие другие добродетели. Его же непоколебимая детская вера достойна благоговейного

¹ Соч. Т. 2. С. 220.

удивления. Способность владыки Игнатия видеть состояние человеческих душ и руководить их ко спасению, а также его проникновение в будущую судьбу Церкви являются дивными благодатными дарами.

Все перечисленные и многие другие дарования почившего Владыки привлекали к нему людей, имевших жажду духовной жизни. Лучшие современники видели в нем истинного светильника христианства и всей душой стремились прилепиться к нему. Многие ревностные иноки, религиозная интеллигенция и простой глубоко религиозный народ составляли большую духовную семью богомудрого Архипастыря.

Духовный авторитет и влияние Владыки среди своих пасомых были велики. Современники высоко ценили разнообразные выдающиеся дарования епископа Игнатия. Несмотря на многие выдающиеся способности, Преосвященный смиренно признавал, что «не всем быть листьями, цветами, плодами на древе государственном, надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми»¹.

Одним из таких существенно необходимых занятий Святитель признавал служение словом — утверждение близких в вере и христианской нравственности. Поистине епископ Игнатий всю свою жизнь и был тем живительным корнем, который возбуждал духовную жизнь множества людей, которые затем зеленели, цвели и плодоносили на древе Российской Церкви. По собственному признанию Владыки, служение живым словом было его основным занятием, которому он отдавал все свои силы. Подвиг служения близким словом назидания было для него источником радости и утешения на поприще его многоскорбной жизни.

Служение епископа Игнатия словом назидания не прекратилось с его кончиной. Учение Владыки о духовной жизни христианина, изложенное им в его творении, служит спасению христиан всех последующих поколений. Еще при жизни владыки Игнатия его творения разошлись по многим обителям русской земли и получили высокую оценку. Саровская пустынь приняла «Аскетические опыты» «с

¹ Прилож. Т. 3. С. 21. № 279.

особенной любовию». В Киево-Печерской Лавре, Оптиной Пустыни, Усть-Медвецкой обители¹, в Николо-Бабаевском монастыре, в обителях С.-Петербургской, Московской, Кавказской, Ставропольской и других епархий творения Владыки были признаны душеспасительными книгами, отражающими аскетическое предание православного подвижничества, применительно к духовным требованиям иночества того времени. Даже на далеком Афоне творения епископа Игнатия получили известность и вызвали благоговейное почитание их автора.

Лучшие иерархи прошлого века сразу же увидели в сочинениях Преосвященного Игнатия всестороннее руководство к духовной жизни.

Прекрасно раскрывает значение творений епископа Игнатия для христиан того времени архимандрит Игнатий (Малышев), ученик и первый келейник святителя Игнатия. Сравнивая свое время с временами пророка Илии, архимандрит Игнатий (Малышев) пишет: «Тогда томилось человечество, томится и теперь, не гладом пищи, но гладом слышания слова Божия. Вы отверзли небо, потекли воды, и жаждущие люди напоились. Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях... Ваша книга — книга жизни! И учение воды живой, напояющей души человеческие. Это учение в наше скучное время необходимо, как вода во время пророка»².

И не только монашествующие, но и лучшие представители белого духовенства и миряне из многих городов (Петербурга, Москвы, Ярославля, Вологды, Арзамаса, Ставрополя, Брянска и др.) выразили старцу-святителю, находившемуся на одре болезни, искреннюю благодарность за то духовное богатство, которое заключил он в своих творениях.

После смерти епископа Игнатия интерес к его личности и творениям среди иноков и боголюбивых мирян непрестанно возрастал. Появление в свет изданий полного собрания сочинения Владыки и неоднократное издание отдельных его творений наглядно свидетельствуют о том, что произведения архиастыря-подвижника отвечают духовным запросам христиан и имеют большой спрос.

¹ Прилож. Т. 6. С. 437. || ² Прилож. Т.6. С. 66.

Многотысячные издания творений владыки Игнатия быстро расходились по обителям и частным лицам по лицу всей Русской земли. Только одному Господу Богу ведомо количество лиц, читавших их и получивших от них правильное направление в духовной жизни.

Можно с уверенностью сказать, что в полной мере сбылось замечательное предчувствие ученика епископа Игнатия, впоследствии архиепископа Ярославского Леонида, высказанное им в год смерти Владыки. «Я уповаю, — говорил он, — что православные русские люди мало-помалу усвоят себе покойного Святителя, в его жизни и писаниях они постараются найти и найдут, что может быть общедушеспасительно»¹.

Епископ Игнатий явился славным предтечей самобытных русских писателей-аскетов, богословов: епископа Феофана Затворника, иеросхимонаха Амвросия и других Оптинских старцев. Позднейшие русские христианские писатели в вопросах духовной жизни нередко ссылаются на произведения епископа Игнатия как на непрекаемый авторитет. Многие известные архипастыри и пастыри конца XIX и начала XX веков руководствовались в своей пастырской душепопечительной деятельности сочинениями Преосвященного Игнатия.

В 1915 году архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов), заботясь о возрождении приходской жизни своей епархии, рекомендовал пастырям чтение творений епископа Игнатия. Известные Оптинские старцы Варсонофий, Нектарий, Никон и старец Елиазаровской обители схиархимандрит Гавриил, относились с большим уважением к личности и писаниям Владыки. И поныне многие миряне находят в творениях епископа Игнатия источник живой воды, утоляющий духовную жажду. Для монашествующих епископ Игнатий в полном смысле слова «Учитель иноков». Его «Приношение современному монашеству» должно быть настольной книгой для каждого инока, желающего идти путем правильного телесного и духовного подвига.

Пастырь-проповедник, руководствуясь учением Преосвященного о духовной жизни христианина, будет вести своих

¹ Прилож. Т. 5. С. 66.

пасомых по пути спасения, и в его сочинениях сможет почерпать неиссякаемый материал для своих проповедей. Ученый-богослов в творениях Владыки найдет кристаллически чистое православное учение по многим актуальным богословским вопросам. Архиастырь в облагодатствованном церковно-общественном служении епископа Игнатия может найти пример самоотверженного служения Церкви.

Образ архиастыря-подвижника и поныне живет в сердцах лучших христиан, а его учение о духовной жизни служит им руководством на пути к вечному небесному отечеству.